
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 5 ЯНВАРЬ 1980

Кандидат в депутаты областного Совета Ю. М. Ивонтьев.

В КАНДИДАТАХ –

Этот цех производит чайные, кофейные, столовые наборы.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

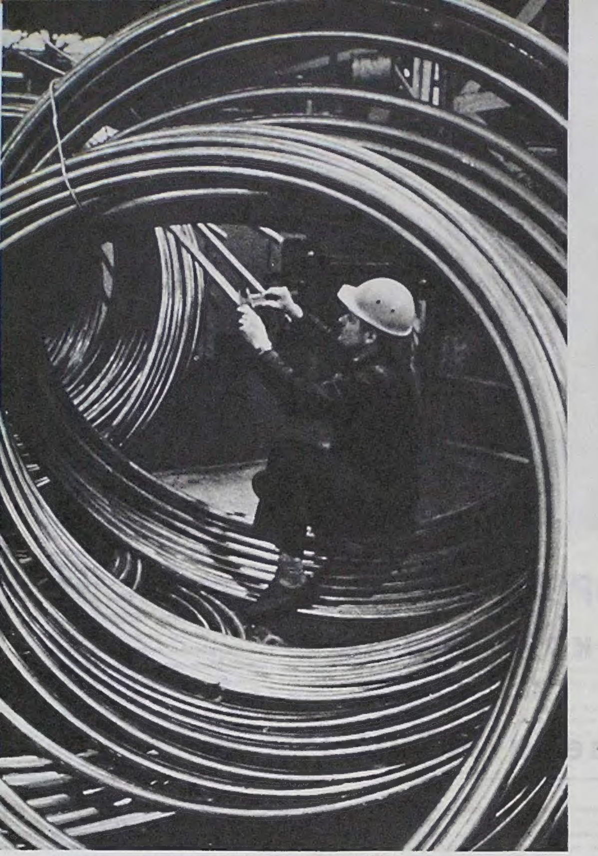
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 5 (2742)

26 ЯНВАРЯ 1980

© Издательство «Правда», «Огонек», 1980

Бригадир прессовщиков А. В. Лобов — инициатор соревнования за достойную встречу 110-й годовщины со дня рождения В. И. Ленина — и рабочий его бригады В. Ф. Шибаев.

УВЕРЕНЫ!

У контролера Р. А. Жареновой за двадцать лет работы было немало учеников. Сейчас она — наставница молодого рабочего Федора Петухова.

По всей стране в коллективах предприятий, ведомств и учреждений прошли собрания по выдвижению кандидатов в Советы народных депутатов. Состоялись такие собрания и в городе Кольчугине, Владимирской области. Среди кандидатов в депутаты областного и городского Советов выдвинуто сорок представителей Кольчугинского орденов Трудового Красного Знамени и Октябрьской Революции завода по обработке цветных металлов имени Серго Орджоникидзе, а вальцовщик четвертого цеха лауреат Государственной премии СССР М. С. Алпаткин выдвинут кандидатом в Верховный Совет РСФСР.

Недавно на заводе побывали наши корреспонденты. Этот репортаж — об истории предприятия, о сегодняшних проблемах, стоящих перед его коллективом, о тех, кто удостоен чести баллотироваться в Советы.

Б. СМИРНОВ, фото Э. ЭТТИНГЕРА, специальные корреспонденты «Огонька»

Поезд в Кольчугине останавливается поздно вечером. Улица от станции идет вверх, и приезжий волей-неволей начинает оценивать новый для себя город, не спеша поднимаясь по узкому заснеженному тротуару. Прополз грузовик по белой дороге, слабо светятся занавешенные окна низких полудеревенских домов. В свежем морозном воздухе остро ощутим незнакомый, а вернее, позабытый горожанином запах печных труб. Но через сотню метров, за поворотом, под ноги ложатся полосы света из окон многоэтажного дома. Вот еще большой дом, яркая витрина, площадь, цепочка фонарей привычно современной улицы... Нет, время не обошло Кольчугино сто-

См. стр. 4—5

Во время вручения. Фото В. Мусаэльяна и А. Стужина (ТАСС)

Вручение Л. И. БРЕЖНЕВУ удостоверения кандидата в депутаты Верховного Совета РСФСР

21 января в Кремле Генеральному секретарю ЦК КПСС, Председателю Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежневу вручено удостоверение кандидата в депутаты Верховного Совета РСФСР по Бауманскому избирательному округу города Москвы.

Удостоверение вручил председатель окружной избирательной комиссии В. И. Семешкин. Он подчеркнул, что трудящиеся округа, как и все советские люди, с большим энтузиазмом и благодарностью восприняли согласие Леонида Ильича баллотироваться в Верховный Совет республики по Бауманскому избирательному округу. Трудящиеся района принимают сейчас дополнительные социалистические обязательства, чтобы ознаменовать день выборов в Верховный Совет РСФСР, 110-ю годовщину со дня рождения В. И. Ленина новыми трудовыми успехами.

Принимая удостоверение, тов. Л. И. Брежнев сказал:

Дорогие товарищи!

Я рад встрече с вами. Прошу передать мою искреннюю благодарность коллективам завода счетно-аналитических машин, завода автотракторной электроаппаратуры и Московского высшего технического училища имени Баумана, выдвинувшим меня кандидатом в депутаты Верховного Совета РСФСР.

От прошлых выборов нас отделяет более четырех лет. Какими они были, эти прошедшие годы? Не обошлось, конечно, без трудностей и неудач. Но в целом это были хорошие годы, насыщенные значительными событиями.

публицистические заметки

ТРУДОВАЯ ОБЯЗАННОСТЬ ГРАЖДАНИНА

Василий ПАРФЕНОВ

«Чтобы жить — надо уметь что-нибудь делать... Всю мою жизнь я видел настоящими героями только людей, которые любят и умеют работать». Так писал Максим Горький, примером своей жизни доказавший, что в создании всех духовных и материальных ценностей на земле решающее значение имеет постоянный и дисциплинированный труд.

Крылатые выражения великого мастера слова приходят на память, когда вчитываешься в строки недавно обнародованного решения Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР и ВЦСПС «О дальнейшем укреплении трудовой дисциплины и сокращении текучести кадров в народном хозяйстве». Этот актуальный документ, полностью отвечающий духу и букве нашего Основного Закона, решениям XXV съезда КПСС, поднимает на новую высоту авторитет высокоорганизованного социалистического труда — главного источника роста экономики, повышения народного благосостояния.

Перед каждым способным к труду членом общества еще раз поставлен вопрос о необходимости по доброй воле, по своему гражданскому долгу принимать на себя всю полноту трудовых обязанностей гражданина. Такая постановка не только закономерна, но и своевременна. Наша страна вступила в завершающий год десятой пятилетки, итоги которого явятся основой для нашего дальнейшего движения вперед. Каждой отрасли народного хозяйства определены высокие задания. Для их безусловного выполнения потребуется организованная, слаженная работа всех участников общественного производства, дальнейшее повышение активности и дисциплины людей. В год 110-летнего юбилея В. И. Ленина — работать ударно, по-ленински! Такова намеченная цель.

Потребность крепить организованность и порядок, повышать отдачу труда естественна в жизни социалистического общества. Она не разовое мероприятие, а постоянное требование нашей динамично развивающейся экономики. Еще в первые годы Советской власти В. И. Ленин настойчиво учил: «Рабочие и служащие национализированных предприятий обязаны напрягать все силы и принимать чрезвычайные меры для улучшения организации работы, укрепления дисциплины, повышения производительности труда».

Эта ленинская мысль еще более актуальна в наше время, когда резко возросли масштабы созидания, стали более разветвленными хозяйственные связи. В этих условиях каждая минута рабочего времени, использованная для дела, дает на миллионы и миллионы рублей продукции, а потерянная — такой же убыток. Скажем, современный металлургический завод поставляет прокат в адреса нескольких тысяч предприятий и строек. И если металлурги сорвали план, они тем самым нарушили ритм труда сотен других производственных коллективов. Если прогулял или опоздал к началу смены машинист могучего экскаватора, заменяющего работу тысячи землекопов, это означает, что потерян труд многих и многих людей.

Чтобы не было подобных потерь, «нужно создать,— подчеркнул на ноябрьском (1979 года) Пленуме ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев,— обстановку высокой требовательности, организованности, творческого отношения к делу на всех участках народного хозяйства, в каждой производственной ячейке».

Принятое постановление намечает комплекс мер, направленных на более эффективное использование трудового потенциала страны. Ставится задача полнее использовать каждую минуту рабочего времени. Для этого надо возможно шире распространять опыт предприятий, где производство действует как хорошо отлаженный механизм, где труд органи-

На всех основных направлениях деятельности партии и народа мы уверенно продвигаемся вперед. В нашей стране построено около тысячи новых промышленных предприятий. Среди них есть и такие, которые не имеют себе равных в мире. Много сделано и для развития сельского хозяйства. Реальные доходы на душу населения за четыре года возросли почти на 14 процентов.

Дальнейшее развитие получила социалистическая демократия; новая Конституция надежно обеспечивает права советских людей, охраняет их достоинство.

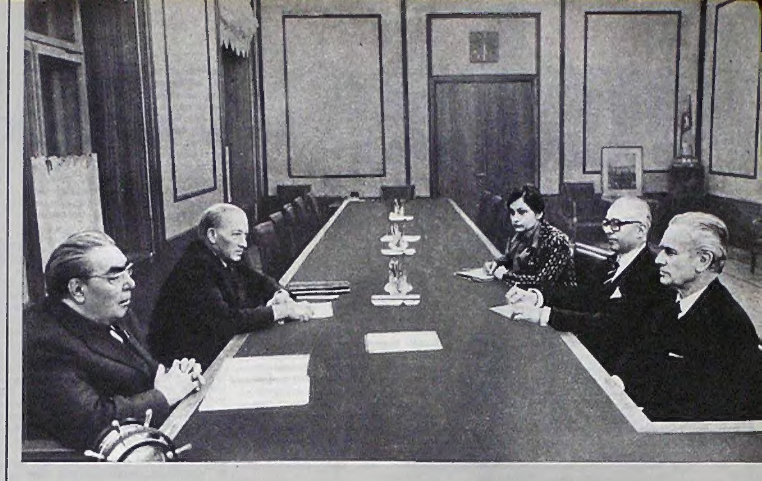
Прочнее стали международные позиции Советского Союза. В этом году мы будем отмечать тридцатипятилетие Победы. И, конечно же, великим завоеванием является то, что мы сберегли мир.

Сравнительно скоро мне предстоит встретиться с избирателями. Тогда я сумею подробнее коснуться итогов минувших лет как во внутренних, так и в международных делах, рассказать о планах партии на будущее.

В заключение хотел бы заверить, что я сделаю все, чтобы оправдать доверие избирателей.

●

При вручении удостоверения присутствовали член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь МГК КПСС В. В. Гришин, первый секретарь Бауманского райкома партии г. Москвы С. А. Купреев, доверенное лицо кандидата в депутаты — слесарь-сборщик завода автотракторной электроаппаратуры имени 60-летия Октября Н. П. Гуськова.

Прием товарищем Л. И. Брежневым Ж. Шабан-Дельмаса

22 января Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев принял председателя Национального собрания Франции Ж. Шабан-Дельмаса, находившегося в Советском Союзе с официальным визитом.

В ходе беседы были затронуты международные проблемы, представляющие взаимный интерес, а также вопросы двусторонних отношений между СССР и Францией.

Беседа прошла в атмосфере откровенности и дружбы.

В беседе приняли участие: помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. И. Блатов, посол Франции в Советском Союзе А. Фроман-Мерис.

(ТАСС).

На снимке: во время беседы.
Фото В. Мусаэльяна и Э. Песова (ТАСС)

зован четко, каждый человек относится к делу ответственно, дорожит своей честью и честью всего коллектива, где создан такой климат, в котором высоко ценится добросовестное отношение к работе, всемерно поощряется новаторство.

Стабильность коллектива, как показала жизнь, прямо зависит от уровня организации и ритмичности производства, условий труда. В нашей промышленности есть немало предприятий, образцовых в этом отношении. Среди них — Волжский автозавод имени 50-летия СССР. Здесь в каждую минуту с конвейеров сходит по три автомобиля с государственным Знаком качества. Одна из составляющих успеха — система профессионально-квалификационного продвижения кадров. Молодые рабочие принимаются учениками по массовым профессиям. Проработав три года и достигнув высшего разряда в этой профессии, рабочие получают возможность после обучения стать наладчиками, инструментальщиками, слесарями-универсалами. Постоянно совершенствуя мастерство, рабочие составляют здесь важный резерв и для пополнения рядов специалистов и руководителей.

Наряду с образцовыми предприятиями у нас есть еще и такие, где свыклись с нарушениями трудовой дисциплины, где не в чести правила внутреннего распорядка, люди совершают немало прогулов, производят бракованные изделия.

Много времени теряется на производстве и по вине руководителей предприятий, общественных организаций и местных органов. Кое-кто до сих пор увлекается проведением в рабочее время широких собраний, совещаний, семинаров и слетов, спортивных соревнований, смотров художественной самодеятельности. А ведь для этого есть свободное от работы время.

Как известно, немалый урон производству наносит текучесть кадров — неорганизованное перемещение людей с одного места работы на другое. Уменьшить потери труда за счет снижения текучести — важная задача дня. Она будет решаться по всем направлениям. Одно из них — более широкое использование опыта городов, в которых информация населения о потребности предприятий и строек в рабочей силе и прием на работу ведутся при помощи местных органов по труду. Это позволяет вдвое-втрое сократить потери времени при трудоустройстве.

Сейчас ставится заслон этим и многим другим потерям. Чтобы снизить их, например, при шефской помощи горожан селу, наводится и здесь порядок. Ведь польза определяется не численностью трудовых «десантов», а уровнем организации помощи. Интересный опыт в прошлом сезоне показали работники Пензенского часового завода, который шефствует над колхозом «Россия». По рекомендации ученых за часовым заводом закрепили колхозную плантацию для выращивания лука площадью в 107 гектаров. На предприятии заранее организовали бригаду механизаторов из восьми человек. Зимой по вечерам они изучили агротехнику, освоили машины, весной бригада быстро провела сев лука. Когда настала пора обработки посевов, механизаторы сели за культиваторы. Осенью бригада вновь приехала на плантации и с помощью комбайнов, отремонтированных шефами, быстро собрала урожай. Он оказался выше, чем на других участках. Такая организация помощи сберегла заводу за год более четырех тысяч человеко-дней. Предприятие работало ритмично, выпустило сверх годового плана десятки тысяч часов.

Труд — единственный источник роста экономики и повышения народного благосостояния. Владимир Маяковский в свое время воскликнул: «Труд рабочего, хлеб крестьян — на этих двух осях катится время на всех скоростях и вертится жизнь вся». Именно добросовестным трудом определяется в нашем обществе положение и престиж человека в обществе, создаются условия для творчества, духовного роста личности. Посмотрите, сколько среди кандидатов в депутаты Советов народных депутатов героев труда, ударников пятилетки!

Сейчас, активно готовясь к выборам в Советы, все труженики с полным одобрением встретили постановление Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР и ВЦСПС, устанавливающее новый порядок исчисления размеров надбавки к пенсии по старости за непрерывный стаж работы на одном предприятии или учреждении. Они приветствуют и новые правила расторжения трудового договора, которые позволят еще больше укрепить порядок и дисциплину на производстве.

Постановления партии и правительства по жизненно важным вопросам социально-экономического развития страны вдохновляют всех советских людей на новые трудовые успехи во имя процветания и укрепления могущества Родины.

Со стр. II обл., 1—2.

В КАНДИДАТАХ — УВЕРЕНЫ!

роной. Город строится и растет, и улочки, подобные привокзальной, скоро станут, пожалуй, редкостью. Теперь кольчугинцы показывают приезжим широкие проспекты и многоэтажные дома, Дворец спорта, музыкальную и спортивную школы — и обязательно расскажут о своем растущем заводе. С ним в Кольчугине, как и сотню лет назад, целиком и полностью связаны все заботы. Да, есть такие города, название которых взято от названия завода, и история идет от истории завода, и жители — чуть ли не поголовно заводчане, и все виды города на будущее строятся с учетом промышленных планов...

К тому же здешний завод был и остается одним из крупнейших в стране предприятий по обработке „цветных металлов — конечно, с учетом масштабов прошлого и нынешнего времени. Иначе сказать, предприятие шло в ногу с веком, отсюда контрасты, и особенности, и характерные приметы российских заводских городов — словом, живая история, бери и помещай под музейное стекло!

Правда, «колпак» для этого потребовался бы преогромный. Я знал, что Кольчугинский завод по обработке цветных металлов имени Серго Орджоникидзе считается крупным предприятием, но не представлял, что его цехи и корпуса настолько велики. Даже в прошлом веке, когда предприимчивый и дальновидный московский купец А. Г. Кольчугин наладил в глуши владимирских лесов меднолатунное производство, завод выглядел внушительно, и свидетельством тому в Историческом музее в Москве хранится многометровая картина. А в заводском музее давно уже мечтают заполучить образцы первой продукции 1871 года: латунный лист либо медную проволоку. Только где такое найдешь, разошлось кольчугинское литье по всей России...

Зато есть в заводском музее знаменитые кольчугинские самовары всех фасонов, примусы, медная посуда. Жаль, не поместить здесь первый советский цельнометаллический самолет АНТ-2, сделанный в 1924 году из кольчугинского алюминия. Да и сегодняшнюю продукцию завода не сможет показать полностью ни один музей: десятки тысяч наименований — представляете, десятки тысяч! Трубы, ленты, полосы, профили всевозможных видов и размеров. Не найдешь, пожалуй, выпущенного в стране станка, механизма, устройства, где не применялись бы изделия из кольчугинских многочисленных сплавов цветных металлов. Да что там — посмотрите на донышко вашего чайника, кофейника, возьмите вилку или нож — возможно, увидите кольчугинскую эмблему с изображением глухаря. Стоит ли добавлять, что завод сейчас немыслим без самых прогрессивных методов литья и плавки, без автоматики прокатных станов, новейшей технологии и других подобных атрибутов современного предприятия. Дважды орденоносный коллектив доволен, что с программой минувшего года справился досрочно, что с первых же дней завершающего года пятилетки завод взял хороший трудовой ритм. Десятки бригад и смен готовятся с честью встретить 110-ю годовщину со дня рождения В. И. Ленина.

— Если хотите увидеть сегодняшний день производства, ступайте в седьмой цех,— предложили нам в дирекции.— Там новое помещение, прекрасное оборудование, и продукция вполне фотогеничная — блестящие чайники, кофейники и прочая кухонная утварь. Но чтобы понять душу завода, лучше побывать в плавильном цехе...

Вспомнилась виденная в музее фотография 1902 года: два литейщика плавят металл в графитовом тигле. Пышет пламя из печи, один из рабочих так и впился глазами в жар плавящихся металлических стержней... Это вспомнилось, когда я стоял рядом с плавильщиком Лопотиным и видел его такой же напряженный, пристальный взгляд. Пусть перед ним была не простая, а электрическая печь, пусть рука Аркадия Михайловича касалась кнопок, а смотрел он на кипящий никель через защитные стекла, как положено — все равно он был чем-то похож на того мастера с фотографии.

Плавильщик протянул мне очки на войлочной шляпе и спросил:

— Хотите взглянуть?

Металл светился фиолетовым светом. Минут пять назад Лопотин запихнул в печь листы сероватого никеля, и сейчас они, тая, исходили каким-то неземным сиянием.

— Вот я и говорю, что через минуты три плавка в самый раз готова будет,— сказал Лопотин так, словно я разбираюсь в цвете плавящегося никеля.— Здесь по часам следить нельзя — ошибешься наверняка. Металл тугоплавкий, в печи 1550 градусов — только глазу и можно верить.

— Неужели нельзя по приборам?..

— Нет, никель должен плавиться как бы в рубашке из шихты, чтобы никаких посторонних примесей не получить. Потому наш участок в стороне от цеха, ведь даже из воздуха никель поглощает пары цинка, а нам нужен самый чистый металл. Нет пока приборов, которые через рубашку шихты могли бы температуру измерить, вот и приходится на глаз.

— Значит, все зависит от вашего профессионального опыта?

Лопотин только пожал плечами — началась плавка, было уже не до разговоров. Точные, экономные движения плавильщика как бы передавались сияющей струе хлынувшего из печи металла — ни одной капли не прошло мимо изложниц. Пожалуй, только специалист мог бы оценить все тонкости мастерства в действиях Лопотина — именно мастерства, сложенного из особого чувства металла, аккуратности, профессиональной смекалки. Как тут не вспомнить старых кольчугинских мастеров — от них, из истории тянутся традиции... Первый наставник Аркадия Михайловича, Михаил Иванович Крутов, работает, будучи пенсионером, и сейчас, а стаж Лопотина исчисляется уже четвертью века. «Лучший рабочий своей профессии» — это присужденное Лопотину звание в городе металлургов многого стоит.

— Призвание в нашем деле, чутье, может, и необходимы,— говорил мне Аркадий Михайлович после смены,— но я считаю: чутье чутьем, а очень многое от отношения к делу зависит. Без дисциплины никакое чутье не поможет. Металл никому поблажки не даст — чуть зевнул, тут же брак. Я, например, подручного к печи не подпущу, если от него спиртным пахнет,— да нет, вы не подумайте чего плохого о моем подручном Понкрашине Николае Иваныче, он металлург классный, я вообще, в принципе говорю. Да взять, к примеру, опоздания: я своих учеников, а их с десяток наберется, всегда учил минут за сорок до смены уже быть у печи — принять ее от сменщика горячей, чтобы ни минуты простоя не вышло... Надо же,— смеется вдруг Лопотин,— до сих пор помню: опоздал я раз сам. Это вскоре после ремесленного училища было. В общежитии жил, купил новый будильник, а он подвел. Стыдто какой, только начинал тогда на заводе работать — и опозорился!

Да, подумал я тогда, не каждый сможет «похвастаться» единственным своим опозданием на работу, да и то двадцать пять лет тому назад. А Лопотин стал говорить о трудовой дисциплине не случайно: в эти дни на заводе всюду обсуждалось решение о дальнейшем укреплении трудовой дисциплины. Нельзя сказать, что у кольчугинцев как-то особенно много ее нарушений, просто сам характер металлургического производства делает любые отклонения от норм особенно ощутимыми. Любая мелочь может тут же, образно говоря, обернуться потерянным металлом. Например, в прокатном цехе совершенно неожиданное для меня направление получил разговор с распределителем работ Юрием Михайловичем Ивонтьевым. Эта должность соответствует бригадирской, и потому Ивонтьев буквально по минутам должен знать, кто и чем занят в его смене. Я задавал вопросы о случаях прогулов, пьянства — да, бывают случаи, соглашался Ивонтьев, но каждое такое нарушение в цеховых организациях пристально рассматривается, обсуждается, взвешивается, ведь нельзя принимать одни и те же меры к злостному нарушителю и к тому, кто разок за многие годы «сорвался»,— верно? Но я чувствовал: для Ивонтьева такие нарушения не стоят, как бы это сказать, в первом ряду забот.

— Вот скажите: как бороться с преждевременным окончанием работы? — заговорил Юрий Михайлович, и было видно: эта тема беспокоит его давно.— Еще минут тридцать, сорок до конца смены, а рабочий уже начинает потихоньку складывать инструмент, убираться, руки мыть. Глядишь — уже уходит. Ты что так рано? — спрашиваю. Отвечает: мол, я на сегодня свою норму выполнил и перевыполнил, с меня хватит! А сколько еще за эти полчаса можно сделать, ведь не только ради норм стараемся! Жаль, не до всех это доходит, прямо болезнь какая-то. Я знаю, так не только в нашей смене и в нашем цехе, да и не только на нашем заводе... Уж что только мы не устраивали — рейды, контроль, проверки... За каждым не уследишь. Да и единых мер быть не может: останавливаю я, например, одну нашу работницу у выхода из цеха минут на десять раньше положенного, начинаю всякие речи произносить. А она — пойми, говорит, Юра, я бы не спешила, да ведь ты знаешь, каково на автобус опоздать, как я потом на окраину добираться буду? Я сообразил: смена-то ночная была. Ну, что тут скажешь? Видите, как все тесно увязано, и ведь подобных причин, если разобраться, наберется немало. Может, с них надо начинать?

Это были уже не просто сетования администратора, а широкий, можно сказать, государственный взгляд на проблему. Я внимательно взглянул на Юрия Михайловича, совсем еще молодого, но уверенного в себе человека. Сразу видно: рабочая косточка... И все стало на свои места, когда мне сказали, что Ивонтьева только что выдвинули кандидатом в депутаты областного Совета. Насчет «рабочей косточки» тоже все сошлось — вырос здесь, в Кольчугине, учился в техникуме на литейщика, был направлен работать на Волгоградский тракторный завод, но после службы в армии вернулся в Кольчугино. «Останься я в Волгограде — был бы сейчас, точно, при квартире»,— без всякого сожаления, с шуткой говорил мне Ивонтьев, и можно было понять, что значат для него слова «родные корни». Кстати, сейчас в этом же, шестом цехе работают его мать и сестра. Сестру, Зою Михайловну, в те же дни выдвинули кандидатом в районный Совет. Совпадение? Вряд ли, скорее всего заслуженная дань настоящему трудовому воспитанию...

«На Ивонтьева мы в любой момент можем рассчитывать как на грамотного, исполнительного работника. Хоть сейчас может работать за диспетчера, за мастера, и, надо сказать, он уже не раз выручал цех»,— считает начальник цеха Л. М. Еромицкий. «Самое главное его достоинство — высокая принципиальность, умение понять человека, а это очень важно в должности, где надо быть как бы посредником между руководством и рабочим. По сути, он и остается самым настоящим рабочим»,— считает секретарь цеховой парторганизации В. П. Иванов. «Да что говорить — Юра достоин быть депутатом. Мы, вальцовщики, уже сейчас — «за»!» Они не поднимали рук, как принято при голосовании — В. А. Макеичев, М. В. Дорожкин и другие рабочие, стоявшие рядом при нашем разговоре,— но эти слова значили, наверное, не меньше, чем опущенные в урну избирательные бюллетени.

ОПАСНАЯ ИГРА

Викентий МАТВЕЕВ

Что ни день, то из Вашингтона раздаются самые несдержанные, провокационные речи высокопоставленных деятелей, склоняющие на все лады тему так называемой «советской угрозы». И дело не ограничивается лишь словесными упражнениями. Президент Картер за последние две-три недели объявил о серии предпринятых им шагов, направленных на свертывание сложившихся между двумя странами связей, контактов, о произвольном нарушении подписанных контрактов, соглашений — от решения отложить ратификацию договора об ограничении стратегических наступательных вооружений до запрета на продажу нашей стране напитков кока- и пепси-кола...

Те относительно не очень многие виды американской продукции, которые шли в нашу страну, были, разумеется, не бесплатным даром, а покупались за звонкую валюту. В нынешних условиях все более острой конкурентной борьбы на капиталистических рынках Советский Союз, как и другие социалистические страны, представляет для деловых кругов Запада особенно перспективный рынок. Так что с этой точки зрения решение Картера резко ограничить торговлю с Советским Союзом, по резонному мнению многих влиятельных деятелей как в самих США, так и вообще на Западе, является дубинкой, ударяющей того, кто ею пытается замахиваться.

Что же касается откладывания Белым домом на неопределенный срок рассмотрения сенатом США договора об ограничении стратегических вооружений, подписанного между двумя странами в июне 1979 года в Вене, то такое произвольное решение уже выходит за рамки двусторонних отношений. Оно затрагивает жизненные интересы всего мира. Это — не единственный шаг подобного рода со стороны официального Вашингтона. Уже весной прошлого года стало известно о намерении правительства США навязать союзникам по НАТО решение о размещении в Западной Европе качественно нового американского ракетно-ядерного оружия, нацеленного против СССР и других социалистических государств — участников Варшавского Договора. Еще раньше, весной 1978 года, на сессии совета НАТО в Вашингтоне, под нажимом США была утверждена долгосрочная программа дальнейшего наращивания вооружений в рамках НАТО, включая и ядерные. В течение всего 1979 года в Вашингтоне носились с планами формирования «сил быстрого реагирования», предназначенных для интервенционистских действий в тех странах Азии, Африки, Латинской Америки, которые чем-то не угодили Вашингтону. Наконец, в конце 1979 года президент Картер объявил о пятилетней программе ежегодного наращивания военных расходов США.

Итак, по крайней мере с весны 1978 года в политике администрации Картера стали намечаться и все более оформляться такие черты, которые означали курс на форсированную милитаризацию, на усиление гонки вооружений.

В эти дни с высоких официальных трибун в Вашингтоне делаются заявления, из которых явствует, что Картер и некоторые его советники не останавливаются и перед тем, чтобы вести дело к конфронтации с нашей страной. Как об этом свидетельствует недавний визит министра обороны США Г. Брауна в Пекин, Вашингтон опирается при этом на антисоветский курс пекинских лидеров.

Утверждается, что, мол, такие шаги вызваны событиями в Афганистане и являются «ответом» на помощь, оказанную нашей страной Афганистану по просьбе законного правительства перед лицом возникшей для этой страны серьезной внешней угрозы.

Такие утверждения официальных деятелей США — неуклюжие попытки замести следы за теми шагами, которые правящие круги США предпринимают уже в течение продолжительного периода в духе «холодной войны» и совершенно независимо от событий в Афганистане.

Речь идет о повороте в политике США, который чреват серьезными последствиями для интересов всеобщего мира. Недаром сейчас многие обозреватели и буржуазные органы прессы на Западе проводят прямую параллель между этими действиями президента Картера и курсом Трумэна, Даллеса и других американских политиков, «балансировавших на грани войны», носившихся с бредовыми замыслами «массированного возмездия» и другими не менее рискованными для интересов всеобщего мира схемами.

Обращает на себя внимание и такое обстоятельство. Нынешняя администрация в Вашингтоне стала делать все более заметные акценты на «силовых приемах» в своей внешней политике, на раздувании мифа о «внешней угрозе» в условиях, когда курс президента Картера по основным вопросам экономического положения и другим внутренним проблемам все более теряет поддержку даже тех американцев, которые еще недавно видели в нем способного государственного деятеля. Дж. Картеру, как известно, был брошен серьезный вызов внутри самой демократической партии.

Продемонстрировав явную неспособность справиться с острейшими внутренними нуждами и проблемами нации, Дж. Картер стал «утверждать» себя в качестве преемника линии Трумэна — Даллеса во внешней области. Он прибегает к тем же избитым приемам раздувания мифа о «советской угрозе», нагнетания напряженности, форсирования вооружений, давления на союзников США, на которых со столь плачевными для себя результатами «специализировались» в 50-х годах его предшественники в Белом доме.

Нашу страну не запугать никакими «бойкотами»! Они были несостоятельными и в тот период, когда советский народ только приступал к хозяйственному строительству. Инициаторы такого вызывающего курса выставляют себя перед всем миром в своем истинном и неприглядном обличье. И можно не сомневаться, что все здравомыслящие, дорожащие интересами мира люди и даже деятели в среде близких для США стран Запада сделают соответствующие выводы из последних шагов американской администрации. Тем, кто пытается жонглировать судьбами мира, следует знать, что есть предел таким опасным играм.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

Оруженосцы афганской контрреволюции.

Подготовка к выборам в Родезии.

Рисунки народного художника СССР
Бор. ЕФИМОВА

РОДЕЗИЯ

МАНЕВРЫ РАСИСТОВ

Обстановка в Родезии остается напряженной. Ни о каких «беспристрастных и свободных выборах», которые обещал Лондон, не может быть и речи. Прошедшие специальную подготовку головорезы марионеточного режима Музоревы — Смита не прекращают репрессий против сторонников Патриотического фронта Зимбабве, кровавым террором отвечают на любое проявление симпатий и поддержки представителям национально-освободительного движения. Вооруженные силы Музоревы беспрепятственно передвигаются по стране, в то время как партизаны Патриотического фронта блокированы на сборных пунктах в удаленных районах страны. На войска белых расистов возложена охрана порядка. Все это противоречит лондонским соглашениям, ставя в неравное положение подразделения Патриотического фронта. Более того, силы расистов усилены двухтысячным контингентом юаровских войск. Претория не скрывает задачи, поставленной перед этими войсками, большая часть которых состоит из наемников. Премьер-министр ЮАР П. Бота откровенно заявил о возможности их использования в военной интервенции в случае победы на выборах патриотических сил.

Во время выборов в Родезии для белых поселенцев, составляющих 4 процента населения страны, отводится 20 мест в парламенте, а для африканского большинства — 80. Патриотический фронт Зимбабве поставлен в неравное положение при подготовке к выборам. Английская колониальная администрация стремится обеспечить успех на «выборах» своим ставленникам. Губернатору Соумсу удалось, в частности, под надуманными предлогами задержать возвращение лидеров Патриотического фронта в Родезию более чем на две недели, которыми воспользовался Музорева для развертывания избирательной кампании.

Маневры расистов и их английских покровителей ясны. Их цель — любыми средствами сорвать проведение в Родезии подлинно демократических выборов и помешать созданию свободного, демократического и независимого африканского государства Зимбабве.

На снимке: один из руководителей Патриотического фронта Зимбабве, Дж. Нкомо, после длительного изгнания возвратился на родину. Он прибыл в Родезию для участия в предвыборной кампании. Выступая в пригороде Солсбери, Дж. Нкомо заявил, что он уверен в поддержке его платформы африканским большинством страны.

КОЛУМБИЯ

ЛИШЕННЫЕ ДЕТСТВА

200 миллионов детей-рабов обречены в капиталистическом мире на подневольный, каторжный труд. Этот подсчет был опубликован недавно в исследовании по вопросу о труде и эксплуатации детей. Сегодня, к началу 80-х годов, в странах капитала миллионы и миллионы маленьких жителей нашей планеты находятся в полном бесправии и нещадно эксплуатируются капиталом.

Для них детство кончается к семи или восьми годам. Для них закрыты школьные двери. Их рабочий день не нормирован и зависит от желания хозяина. Трудящиеся в коротких штанишках находятся в положении рабов, полностью зависят от работодателя. Законы, охраняющие детство в капиталистическом мире, как правило, неудовлетворительны, но даже существующие куцые законы большей частью на практике не применяются.

Типична в этом смысле история юного колумбийца Армандо, работающего на кирпичном заводе. Сейчас ему 13 лет, а работает он уже больше половины прожитой им жизни. Когда ему было 6 лет, он помогал возить воду и приготовлял смесь для изготовления кирпичей. Потом Армандо научился формовать и резать кирпичи. Сейчас он целыми днями грузит их на грузовики. Каждый грузовик перевозит 2 тысячи кирпичей, и за каждую погрузку Армандо получает 20—25 песо. Его рабочий день начинается в 4 часа утра, так что первый и второй завтрак он вынужден покупать на рабочем месте, а это обходится ему в 35 песо. Поэтому мальчику никогда не удавалось скопить 100 песо, чтобы приобрести удостоверение личности, без которого он не может потребовать у своего хозяина заключение трудового договора. В результате власти спокойно игнорируют тот факт, что хозяин мальчика нарушает закон, используя труд такого юного работника.

Дети работают в сельском хозяйстве часто как крепостные у землевладельца, которому семья таким образом выплачивает свои долги. Они работают на фабриках, в мастерских, домашней прислугой и на угольных шахтах. И очень часто все это — лишь за кров и пищу или за нищенскую плату.

В Колумбии дети заняты во всех секторах производства, даже на самых тяжелых, на угольных шахтах, где условия уже неприемлемы для взрослого рабочего. Там приходится работать в узких штреках, где человек не может встать во весь рост, а освещаются они свечами, находящимися в нишах. Существует постоянная опасность пожара, а мер безопасности никаких. И вот здесь, на глубине свыше 200 метров, тяжко трудятся двенадцатилетние дети.

На снимке: для этих колумбийских детей нет ни школы, ни игр, только тяжелая работа.

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

ОЛЬСТЕР ЖАЖДЕТ МИРА

Привычно шарят руки британских «томми» по одежде каждого, кто входит в центр Белфаста. Английские солдаты в пятнистых комбинезонах и черных беретах буквально наводнили Ольстер. Они на пунктах проверки, на бензоколонках, у причалов морского порта, у входов в банки и универмаги. Военные патрули крадучись идут вдоль улиц, готовые в любой момент открыть огонь из автоматических винтовок. За десятилетний период британская оккупационная армия лишь усугубила, по мнению прогрессивных кругов, обстановку в Ольстере. Все эти годы ольстерский кризис находился в глухом тупике.

Правило «разделяй и властвуй» — классический прием британского империализма — применяется и в Северной Ирландии. Буржуазные средства массовой информации пытаются создать впечатление, что нынешняя борьба в Ольстере — это религиозное межобщинное столкновение между католиками и протестантами. Требования же рядовых людей весьма просты. Они хотят иметь право на работу и право на жизнь. Однако они лишены этого из-за политики британского правительства, направленной на сохранение Северной Ирландии фактически на правах английской колонии.

Обе религиозные общины живут в условиях одинаковой нищеты. Безработные составляют в настоящее время 12,7 процента самодеятельного населения, то есть вдвое больше, чем в Великобритании, при одинаковой квалификации здесь получают на 12,7 процента меньше, чем в других районах Соединенного Королевства. Газ здесь обходится в семь раз дороже, чем в Англии, электроэнергия — в три раза, уголь — в полтора раза. За десять лет эмиграция возросла на 50 процентов. Каждый месяц более тысячи ирландцев покидают родину, изгоняемые страхом, безработицей, нищетой. «С 1930 по 1968 год все дети в городе Ньюри рождаются в один месяц — в сентябре,— сказал О'Доннел, руководитель Объединенного профсоюза транспортных рабочих города,— потому что отцы возвращаются на родину на рождественские праздники».

Ольстер устал от взрывов, выстрелов, облав, обысков, английских «томми». Ольстер жаждет мира. «Для нас не существует войны между религиозными общинами,— сказал Терри Карлин, национальный секретарь Североирландского комитета Ирландского конгресса тред-юнионов.— Наша организация объединяет всех трудящихся, независимо от политической или религиозной принадлежности. Кто бы мы ни были — католики, протестанты и т. д., мы боремся плечом к плечу в защиту занятости, жилья, за повышение уровня жизни и прежде всего за мир».

По материалам
зарубежной прессы.

АФГАНИСТАН

БИТАЯ СТАВКА

Силы, враждебные афганской революции, продолжают плести заговор против Демократической Республики Афганистан. Их цель — превратить эту страну в плацдарм империализма и реакции на Среднем Востоке. Контрреволюционеры, бывшие афганские помещики, реакционная часть духовенства пытаются любыми средствами подорвать завоевания апрельской революции. В ряде районов страны ими спровоцированы мятежи.

В осуществлении гегемонистских планов Вашингтона и Пекина в районе Среднего Востока важная роль отводится Пакистану. Это стало особенно очевидным после апрельской революции в Афганистане и падения шахского режима в Иране. Как сообщают зарубежные информационные агентства, в Пакистане разрастается антиафганская и антисоветская кампания, усиливается истерия вокруг «афганского вопроса». В северных районах Пакистана созданы десятки специальных лагерей мятежников. В обучении афганских контрреволюционеров непосредственное участие принимают западные спецслужбы и пекинская агентура. Для создания террористических групп пытаются также использовать тех афганцев, которых угрозами и посулами помещики-феодалы заставили покинуть родину.

В последнее время средства западной информации развернули широкую пропагандистскую кампанию против Демократической Республики Афганистан с целью побудить афганскую контрреволюцию к более активным действиям. Расчет строится на том, что безграмотных местных крестьян удастся дезинформировать, подорвать авторитет народной власти, раздуть религиозный фанатизм, посеять вражду между различными народностями Афганистана.

Однако, несмотря на трудности, народная власть в Афганистане продолжает идти по намеченному пути национально-демократического развития. Афганские трудящиеся убеждены, что апрельская революция гарантирует им новую, свободную жизнь. Поэтому они защищают народную власть и революционные завоевания, независимость, территориальную целостность своей страны.

●

У ворот кабульской тюрьмы «Пули-Чархи». В соответствии с декретом о всеобщей амнистии свыше 10 тысяч незаконно осужденных реакционным режимом Х. Амина обрели свободу.

Жизнь в Афганистане входит в нормальное русло. Повсеместно установилось полное спокойствие. Работают предприятия, магазины, транспорт.

Эти афганцы, поддавшись лживой контрреволюционной пропаганде, эмигрировали в Пакистан. Там они прошли подготовку в спецлагерях, где их «тренировали» американские и пекинские инструкторы, обучая умению владеть различными видами оружия, грабить, убивать. Применить полученные у агентов ЦРУ и пекинских спецслужб «знания» бандиты не успели: они были обезврежены афганскими органами безопасности.

ИНДИЯ: СТОЛЕТИЯ И ГОДЫ

Юрий ПОПОВ

Двадцать шестого января Индия отмечает тридцатую годовщину со дня провозглашения республики. Как всегда в этот день на проспекте Раджпатх в столице Индии Дели состоится красочный парад и торжественная манифестация. Десятки тысяч жителей столицы и окрестных деревень заполнят трибуны, мимо которых пройдут войска парадным маршем и представители различных штатов страны, демонстрирующие свои успехи и достижения.

История Индии исчисляется многими веками. Вряд ли есть на земле другая такая страна, где от прошлых времен осталось бы столько замечательных древних памятников и архитектурных ансамблей. В самой столице Дели среди таких памятников сохранились и ансамбли Красного форта и развалины крепостных сооружений Пурана Кила, мраморные усыпальницы всемогущих владык и мусульманские мечети и храмы, построенные древними мастерами. Индию часто завоевывали пришельцы. Но, как правило, завоеватели со временем как бы растворялись в этом народе, воспринимали его культуру, нравы, обычаи.

Английские колонизаторы, правившие Индией на протяжении почти двух столетий, оказались завоевателями совсем другого рода. Они не смешивались с местным населением. Наоборот, они всячески отгораживались от него, подчеркивая свое превосходство. Их дом, их родина были и оставались за тысячи километров от Индии. Индия была им нужна как рынок сбыта товаров и источник разнообразного сырья. Короче говоря, Индию грабили самым беззастенчивым образом на протяжении всего длительного периода английского господства.

В результате упорной и длительной борьбы за свое освобождение Индия обрела независимость в 1947 году, а в 1950 году была провозглашена республикой. Перед древней страной открылись новые перспективы, и, хотя продолжало лежать тяжелым грузом на плечах молодой республики мрачное колониальное наследие, Индия вступила на путь укрепления своей национальной независимости, развития экономики, культуры, образования.

Ставший у руля государственного правления в те времена Джавахарлал Неру упорно ищет ответа на вопрос: каким путем идти дальше, каким образом решить огромные задачи, которые встали во весь рост перед страной. Он много раздумывал об опыте других стран и, в частности, об опыте Советского Союза. В своей книге «Открытие Индии» он писал, что русские «пережили полный, подобный смерти, разрыв со старым, после чего они заново перевоплотились. Подобных примеров история до сих пор не знала. Они вновь стали молодыми и обладают поистине удивительной энергией и жизненной силой».

Влиянием идей социализма можно объяснить тот факт, что Неру воспринял как важный элемент развития принцип государственного планирования, создание государственного сектора экономики страны и некоторые другие принципы, которыми он руководствовался в своей деятельности.

Между Советским Союзом и Индией со времени провозглашения республики установились дружественные, теплые отношения. Еще во время первого визита в нашу страну премьер-министра Индии Джавахарлала Неру утвердились принципы сосуществования и сотрудничества, которыми руководствуются обе стороны, имеющие различные политические и экономические системы. Далеко не все верили тогда, что такое сотрудничество возможно и жизненно. Но, оглядываясь теперь назад, можно с определенностью сказать, что, несмотря на различие методов и мировоззрений, советско-индийские отношения проложили новый путь в современной истории.

Еще в 1955 году было подписано соглашение о содействии Советского Союза в строительстве крупного металлургического завода в Бхилаи. Сейчас этот завод стал уже ветераном индо-советского экономического сотрудничества. Он поставляет сталь на многие другие объекты, сооружаемые в стране. При содействии СССР в Индии в настоящее время построено и сооружается свыше 70 промышленных и других объектов. В основном это крупные металлургические, машиностроительные, нефтедобывающие и нефтеперерабатывающие предприятия, угольные шахты, электростанции и т. д.

Об эффективности нашего сотрудничества можно судить по таким фактам. На долю предприятий, созданных в Индии при содействии СССР, приходится 80 процентов производства металлургического оборудования, 60 процентов всех мощностей по производству турбо- и гидрогенераторов. Крупнейшие металлургические предприятия страны — Бхилайский завод и строящийся сейчас в Бокаро металлургический комбинат уже выплавляют более одной трети всей производимой в стране стали. Нефтеперерабатывающие заводы в Койяли и Барауни дают около 30 процентов нефтепродуктов в Индии. На нефтяных месторождениях, открытых с помощью советских геологов, производится 5,1 миллиона тонн нефти, а на электростанциях в Нейвели, Обре, Корбе, Бхакре и других вырабатывается 20 процентов электроэнергии в стране.

Подписанное во время визита товарища Л. И. Брежнева в Индию Соглашение о дальнейшем развитии экономического и торгового сотрудничества предусматривает дальнейшее расширение металлургических заводов в Бхилаи и Бокаро, строительство нефтеперерабатывающего завода в Матуре, медного горно-обогатительного комплекса в Маланджханде, сотрудничество в создании метрополитена в Калькутте и других объектов.

Одной из главных особенностей экономического сотрудничества двух стран является то, что экономическая и техническая помощь, оказываемая СССР Индии, направлена на расширение государственного сектора экономики, что способствует укреплению экономической независимости страны.

Тридцатилетие со дня провозглашения республики Индия встретила в условиях изменившейся политической обстановки. В результате прошедших недавно выборов к власти пришла партия Индийский национальный конгресс, возглавляемая Индирой Ганди. Эта партия получила 351 место в Народной палате парламента из 544. Некоторые органы западной прессы назвали победу Индийского национального конгресса на выборах «беспрецедентным фактом». Однако едва ли можно считать столь неожиданным поражение ее соперников. Партия Джаната, пришедшая к власти в 1977 году, не оправдала надежд широких масс. Она представляла собой, по сути дела, конгломерат из разнородных партий и групп, объединенных стремлением нанести любыми средствами поражение Индире Ганди. Кратковременный период пребывания этой партии у власти показал, что ее лидеры уделяли больше внимания вопросам внутрипартийной борьбы, чем решению насущных социально-экономических задач.

Недавние выборы, вновь вернувшие к власти Индийский национальный конгресс, продемонстрировали возросшее влияние этой партии, у руля которой стояли Махатма Ганди, Джавахарлал Неру. Сейчас, естественно, внимание многих политических деятелей и прессы приковано к первым шагам нового индийского правительства. В своих предвыборных выступлениях Индира Ганди неизменно подчеркивала приверженность ее партии курсу Неру во внешней и внутренней политике. Она обещала обеспечить политическую стабильность, законность и порядок в стране. Еще в 1975 году она выдвинула программу социально-экономических мероприятий из 20 пунктов, которая предусматривает улучшение положения беднейших слоев населения Индии. Эта программа, по словам Индиры Ганди, останется в силе.

Уже после победы на выборах в интервью группе французских журналистов Индира Ганди подчеркнула: «Мы хотим быть друзьями со всеми странами, мы хотим крепить дружбу там, где она уже существует, мы хотим устанавливать дружбу там, где ее еще нет, а там, где существует враждебность, мы хотим, чтобы она шла на убыль».

Индира Ганди высказала глубокую тревогу в связи с планами поставок оружия Пакистану и возможностью американо-китайского военного союза. «Мы думаем, что такой союз будет очень опасным для нас и для всего региона, ибо Китай также представляет для нас угрозу и питает весьма экспансионистские намерения. Мы от них уже пострадали».

Независимой Индии на протяжении трех десятилетий пришлось столкнуться с немалыми трудностями не только экономического порядка. Еще свежи в памяти события 1962 года, когда она подверглась ничем не спровоцированному нападению китайских войск. До сих пор часть индийской территории находится под китайской оккупацией. Можно вспомнить вооруженный конфликт с Пакистаном из-за Катчского Ранна. Неоднократные провокации устраивали пекинские власти на границах Сиккима.

Сейчас Вашингтон и Пекин предпринимают совместные политические акции и координируют свои пропагандистские усилия в связи с событиями на Ближнем Востоке и так называемым «афганским вопросом». Их цель — подрыв сил национально-освободительного движения, раскол единства этих сил и ослабление их позиций в борьбе против империализма и гегемонизма.

Что касается советско-индийских отношений, то у них есть прочная основа, заложенная еще при Джавахарлале Неру и закрепленная его преемниками у руля государственной власти. Договор 1971 года о мире, дружбе и сотрудничестве между Советским Союзом и Индией отвечает долговременным интересам советского и индийского народов, целям укрепления всеобщего мира и взаимопонимания между народами.

Как говорил Л. И. Брежнев, «наши отношения — хороший пример мирного сосуществования государств с различным общественным строем, важный фактор мира и стабильности в Азии и во всем мире. В процессе их развития формируется и крепнет глубокая, основанная на взаимном уважении и взаимном доверии дружба между народами двух великих стран — Советского Союза и Индии. И мы уверены: дружбе этой жить века!»

Г. Манашеров. Род. 1947. ДЯДЯ ВАНЯ.

Всесоюзная выставка произведений молодых художников.

Е. Гудин. Род. 1921. ВО ЛЬДАХ АРКТИКИ.

Всесоюзная художественная выставка «Голубые дороги Родины».

Г. Брусенцов. Род. 1927. БЕЛЫЕ ПАРОХОДЫ.

СВЕТЛОМУ ЧУВСТВУ ВЕРНОСТЬ

Игорь ЛЯПИН

●

В том далеко не капитальном
Поселке дальнем Магистральном
Водили вьюги хоровод.
И в ожиданье вертолета
В кругу задорного народа
Пришлось мне встретить
Новый год.

В сосновой новенькой столовой,
Где новый шеф и повар новый,
Забив недавний запах щей,
Дыша тайгою откровенно,
Сияла елка, как царевна,
И стали столики тесней.

Весь новогодний этот вечер
Заваривался чай покрепче,
Поскольку был сухой закон.
И речи были очень кратки,
Зато гремели без оглядки
Гитары и аккордеон.

Но к полночи завскладом Рита
Нашла-таки бутылку спирта —
Одну на сорок человек!
И в позу мы не становились,
Все сорок честно причастились
И вышли в ночь на белый снег.

Мело, и воздух был морозным,
А небо — небо было звездным,
И звезды падали к ногам.
Искрился снег, темнели ели,
Шутили все, а после пели
Всё песни звонкие — про БАМ.
А там и давние всплеснулись,
Казалось, люди оглянулись
Назад, на дедов, на отцов.
Не горло надрывали — душу,
Всё про Каховку, про Катюшу
Да про буденновских бойцов.

И так бродили мы в поселке,
Пока над гребнем грузной сопки
Не обозначилась заря.
И чувство, чувство было свято,
Что эти парни и девчата
Сюда приехали не зря.

●

Такое утро светлое, погожее,
Речушка убегает за село.
На Льва Толстого облако похожее
По небосклону медленно взошло.

Вокруг земля, земля
широкопольная,
Там зелен, там багров ее наряд.
Уже давно все настежь окна
школьные
Глубокое молчание хранят.

И бережно склоняясь
над ромашками,
И примечая каждый василек,
Учительница в поле
с первоклашками
Проводит исключительный урок.

Она в своем уверена оружии,
В том, что, березкой стоя
на ветру,
Откроет обязательно им нужное,
Научит не иначе как добру.

И чувствую я, как она старается,
И вижу, уходя за поворот,
Как облако над ними
растворяется
И легкой-легкой дымкою плывет.

●

А мне любить на свете этом,
Пока в другой не перейду,
Окно, распахнутое ветром,
В сирень упавшую звезду.

Полдневный зной, полночный
холод,
И ледостав, и ледоход,
И степь, и лес, и гулкий город,
Простых забот круговорот.

Любить друзей моих ранимых,
Таких сердечных и родных,
Единственных, неповторимых,
Со всеми слабостями их.

И торный путь и путь неторный
Любить счастливо мне дано.
И эту женщину, с которой
Мне рядом быть не суждено.

●

Вечер. Синь. Середина мая.
Я опять про любовь свою.
Павелецкая-кольцевая.
Телефон-автомат. Звоню.

Говорю банальную фразу,
А из трубки — из трубки мне:
— Это ты? Я узнала сразу.
Милый, господи, как во сне.

Прямо с поезда? Я теряюсь.
Да, могу, я всегда могу,
Пол-минуточки собираюсь
И бегу, вот уже бегу!—

Эта женщина просто чудо!
Эта искренность, этот жар,
Будто я никуда отсюда,
Не простившись, не уезжал.

Эта светлому чувству верность,
Хоть глаза ты ей завяжи,
Безоглядность и откровенность
Слова, голоса и души.

Эти чувства — такая сила.
И меня, чтоб счастливым быть,
Эта женщина научила
Нежно-нежно ее любить.

●

Рассказать бы мне про светлое,
Про мою к тебе любовь,
Про такое чувство смертное,
Про такую в сердце боль.

Да березы все качаются,
Все бушуют надо мной,
Будто все уже кончается,
Будто мрак не за горой.

Лишь одна осталась сдержанной
И стоит, себя склоня,
Дорогой и милой женщиной,
Укоряющей меня.

Смотрит, как бы чуть
из прошлого,
Шевелит едва листвой...
Сколько быть могло хорошего
Между мною и тобой.

●

А мне другая не чужая,
Мне очень близкая другая.
И мне забыть никак нельзя,
Хоть это небо наземь рухни,
Ее заботливые руки
И — все внимание — глаза.

Тебя, как можно, утешая,
«Какая мне она чужая?»
Я повторяю про себя.
И молча ты сидишь на стуле,
Печально плечики ссутуля
И складку платья теребя.

Ты будешь преданной,—
И очень,
Пока тверды мой шаг и почерк,
Но вот случись со мной беда,
Ударь в меня судьбина градом,
Ты понимаешь, первой рядом
Она окажется тогда.

●

В твоих глазах такая глубина,
В них будто тайна древняя
хранится.
То в них замрет ночная тишина,
То солнце восходящее лучится.

Что только не читал в глазах
твоих —
И скорбь, и отрешенность,
и участье.
Я со слезами боли видел их
И жажду видеть со слезами
счастья.

Вот вспыхнул в них огонь и вновь
погас,
То шалость в них, то давняя
усталость.
Нет, трепетней твоих бездонных
глаз
Мне ничего на свете
не встречалось.

То в них печаль, то радость в них
горит,
То властность с нерешительностью
спорит.
То женщина, как девочка, глядит,
То девочка совсем по-женски
смотрит.

●

Вечер ветренен. Звезд миганье.
И накрапывает слегка.
Близко-близко твое дыханье,
Близко-близко твоя щека.

Локон. Искорки дождевые,
Рук озябших твоих тепло.
На душе у меня впервые
Так тревожно и так светло.

Как доверчиво, дорогая,
Ты прильнула к моей груди.
Ну какая звезда такая
Помогла мне тебя найти?

Что-то шепчешь ты, будто в плаче.
Я не вслушиваюсь в слова.
Я уверен, что не иначе,
Что, любимая, ты права.

Тополь машет нам влажной
веткой...
Ну скажи ты мне, ну скажи,
Как я мог без тебя, без этой
Одинокой такой души?

Работа спорится — настроение отличное!

ВЕСЕЛЫЕ МАСТ

«огонек» на «атоммаше»

Б. СОПЕЛЬНЯК, фото Г. РОЗОВА, специальные корреспонденты «Огонька»

Когда подводили итоги социалистического соревнования на приз журнала «Огонек», никому и в голову не могло прийти, что победит девчоночья — именно девчоночья—бригада отделочниц. Ведь тут стаж работы у большинства — от семи месяцев до двух лет, а возраст — от восемнадцати до двадцати трех. Бригадир, правда, постарше: Лидия Степановна Чухнина успела поработать в Челябинске, на Казахстанской Магнитке, в Абакане, Душанбе, Регаре и вот уже полтора года — на строительстве «Атоммаша».

Соперники отделочниц — асы из бригад Анатолия Аношкина и Георгия Фоменко — тоже недоумевали: неужто эти девчушки могут победить нас, прошедших ВАЗ, КамАЗ и с первого колышка поднимающих «Атоммаш»?! Но факт есть факт: комсомольско-молодежная бригада Л. С. Чухниной по всем показателям оказалась впереди.

В чем же дело, в чем секрет этой неожиданной для всех победы? Чтобы ответить на этот вопрос, мы поехали на рабочее место бригады — административно-бытовой комбинат № 2 (здесь он называется АБК-2). Мы знали, что его должны скоро сдавать, что недоделок, как говорится, вагон и маленькая тележка, что времени на их ликвидацию практически нет.

Конечно же, в такой ситуации рассчитываешь увидеть самый настоящий аврал: снующих туда и сюда людей, горы мусора, хлопающие двери, услышать резкие слова. Но вместо этого услышали... песню. Где-то наверху несколько женских голосов довольно складно выводили: «Зачем вы, девушки, красивых любите?»

Поднялись на второй этаж — ни души. Направо—будущая столовая, налево — рабочее кафе. Тихонько, чтобы не спугнуть песню, заглянули в кафе. Так и есть—напевая, пятеро девчат неторопливо раскрашивали стены. Именно раскрашивали, потому что их колер не однотонен да и всевозможных узоров немало. Приглядевшись, я понял, что в этой неторопливости — аккуратность, тщательность и выверенность мазка.

А на кухне работали плиточницы. Всего-то и расцветок, что белая да розовая, но мастерицы так хитроумно расположили эти плитки, что стены стали живописными и, я бы сказал, веселыми. Затирка потолка — хлопотная и неудобная работа, но и ее делали ловко и задорно.

В обеденный перерыв удалось поговорить. Собрались в рабочем кафе.

Сегодня праздник у девчат.

Вечером танцы! Т. Кирова, Н. Брагилева и Т. Хасьянова готовятся к ним по-своему.

ЕРА

— Делаем — и завидуем,— вздохнула Лидия Степановна.— Почему бы и для нас, строителей, не открыть такое же кафе?! Заводчане просто молодцы — и места не пожалели и на оформление не поскупились... И еще у них идея: бригаде, завоевавшей первое место в каком-либо месяце, особая привилегия: не надо стоять в очереди и возиться с подносами— столики уже накрыты. Каково, а?!

Я смотрел на молодые лица и думал: как это прекрасно, что девушки так серьезно и ответственно делают свою работу, что в бригаде такой хороший нравственный климат, что работать здесь не просто интересно, но и весело, что люди получают огромное удовольствие и от того, что они делают, и от общения друг с другом.

А ведь у девушек не такие уж простые судьбы. Наташа Брагилева, например, после десятилетки окончила ПТУ и работала токарем-револьверщиком на заводе. в Киеве. Работала, потому что надо работать,— без всякого удовлетворения. Через четыре года уволилась и пошла... в «Гастроном». Почти год стояла за прилавком. А потом поняла, что и это не ее дело. И тогда Наташа рассталась с Киевом и уехала в Волгодонск. Спросили о специальности, сказала, что нет никакой. Направили в учебный комбинат. Полгода постигала секреты штукатурного и малярного дела. На практику попала в бригаду Л. С. Чухниной — и все метания, поиски кончились. Наташа почувствовала, что нашла себя, нашла свою профессию, свой рабочий коллектив.

У Нади Быковой и Тани Хасьяновой судьба сложилась иначе. Они во всем «винят»... печать, в том числе «Огонек».

— Да-да, начитались об «Атоммаше» и решили, что без нас там не обойтись! — в один голос заявили девушки.

Обе работали до этого неподалеку — на Волгоградском тракторном заводе. Надя — фрезеровщицей, а Таня — электриком. Хороший завод, прекрасный город, красавицу Волгу, родных и знакомых — все оставили ради огромной стройки.

— Начинали с нуля,— вспоминает Надя.— И новую профессию пришлось осваивать, и в вагончиках жить, и подруг искать..

— Оказалось, что ничего страшного,— подхватывает Таня. — Зато можем сказать, что наш труд есть и в главном корпусе, и в АБК, и в жилых домах. Хотите верьте, хотите нет, но я этим горжусь. Честное слово! — вспыхнула Таня от непривычно громких слов.

...Стоит у въезда в Волгодонск огромный щит, а на нем слова: «Атоммаш» — моя судьба». Да, «Атоммаш» так же, как когда-то Магнитка, Днепрогэс, а в наше время БАМ или КамАЗ, стал судьбой поколения. Даже на примере этой бригады видно, какой огромной притягательной силой обладают эти стройки, как нужно молодым испытать себя, как хочется им оставить свой след в делах великих и прекрасных. Молодые дерзают, мечтают, ищут, находят себя и свое дело. А найдя, весь жар сердец отдают этому делу.

И, думается, в этом прежде всего секрет успехов молодежных коллективов.

* * *

Вечер строителей «Атоммаша» в полном разгаре. Выступают певцы, чтецы, актеры, передовые рабочие, ветераны, молодежь... Но вот ведущий объявил:

— Вчера были подведены итоги социалистического соревнования на приз журнала «Огонек». Первое место и переходящий кубок «Мирный атом» завоевала бригада отделочниц Лидии Степановны Чухниной!

Зал взорвался овациями.

Казачий народный хор станицы Романовской грянул в честь победителей «Заздравную», а двукратная чемпионка мира по художественной гимнастике Ирина Девина посвятила своим новым подругам одно из самых вдохновенных выступлений.

В группе огоньковцев, побывавшей у строителей «Атоммаша», кроме Ирины Девиной, была олимпийская чемпионка по плаванию Марина Кошевая, а также представители молодого, но очень популярного вида спорта — каратэ. Трое каратэистов во главе с председателем федерации каратэ Киевского района столицы Александром Шенгелия продемонстрировали такое виртуозное владение техникой ударов, что теперь весь Волгодонск требует создания секции каратэ.

Спортсмены показали свое мастерство в общежитиях, домах культуры, красных уголках, актовых залах и детских спортивных школах. А Марина Кошевая провела в плавательном бассейне показательную тренировку и участвовала в соревнованиях юных пловцов Волгодонска. Надо было видеть, как волновались и как гордились девочки, выходя на старт вместе с олимпийской чемпионкой!

Все встречи проходили при переполненных залах: ведь Волгодонск—город молодых, а где молодость, там и спорт.

К 120-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. П. ЧЕХОВА

ТАЛАНТ ЕГО —

Думая о Чехове, поражаешься, как много успел он сделать за свою короткую жизнь. И дела его — не только в томах полного собрания сочинений и писем.

Остается как бы на периферии судьбы писателя многое из совершенного им для людей. Современники даже часто считали Чехова «необщественным человеком», упрекали его в отсутствии социальности. Исключительно деликатный, он делал добро незаметно, «тихо», но служил обществу настойчиво и целеустремленно.

Не случайно, конечно, критики замечали, что, создавая в «Дяде Ване» образ фанатика древонасаждения Астрова, Чехов, в сущности, писал автопортрет. Неутомимо украшал он землю, любил сажать деревья, кусты, цветы. На территории больницы в Звенигороде насадил аллею лиственниц, еще гимназистом разбил небольшой виноградник в Таганроге, буквально преобразил Мелихово, посадив там почти тысячу вишневых деревьев, высаживал на опустевших лесных участках саженцы ели, клена, вяза, липы... Письма из Мелихова полны просьб о семенах, сведений о саде и растениях. А когда Чехов переехал в Ялту, он своими руками разбил в пыльной Аутке сад, где зацвели и сирень и вишня, поднялись пальмы. Никогда не исчезала в нем «потребность сеять, сажать, растить». Конечно, не случайно назвал он свою последнюю пьесу «Вишневый сад», уже этим выразив идею предсмертной драмы: для него само слово «сад» ассоциировалось с жизнью, молодостью, радостью. И когда Чехов решил показать катастрофу всей человеческой жизни, он связал ее именно с гибелью сада.

«Если каждый человек на куске земли своей сделал бы все, что он может, как прекрасна была бы земля наша!» — сказал как-то Чехов Горькому и записал: «Хорошо, если бы каждый из нас оставлял после себя школу, колодезь, или что-нибудь вроде, чтобы жизнь не проходила и не уходила в вечность бесследно».

Живя в Мелихове, Чехов неутомимо строил школы, больницы, дорогу, пожарные сараи в деревнях. Он уходил с головой в чертежи, сам наблюдал за работами, закупал материалы, составлял сметы. Три школы вблизи Мелихова обязаны своим существованием Чехову, и не надо забывать, что, несмотря на активнейшую деятельность в мелиховский период по борьбе с холерой, голодом, постоянными заботами о строительстве, в которые, как и во все, что он делал, вкладывал Чехов все силы, именно в Мелихове написал он многие из самых значи-

ШТРИХИ ВОСПОМИНАНИЙ

Книги Чехова необычайно популярны в наше время. Не раз выходили собрания его произведений, сейчас завершается полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Чехов — один из самых «репертуарных» драматургов в нашей стране и за рубежом.

Поэтому понятен глубокий интерес к личности писателя, к Чехову-человеку. Уже почти не осталось неизвестных воспоминаний о писателе, и тем интереснее мемуары, дополняющие наши представления о нем пусть незначительными, но новыми штрихами.

Мы публикуем воспоминания, не вошедшие в мемуарные сборники и недоступные широкому читателю.

Записки самарского судебного следователя Я. Л. Тейтеля относятся к ялтинскому периоду жизни писателя. Автор вспоминает о своем посещении Чехова 3 октября 1903 года вместе Н. Г. Гариным-Михайловским.

Художник И. К. Крайтор, известный реставратор, создал несколько прижизненных портретов Чехова. Воспоминания Крайтора были записаны в пятидесятых годах. Воспоминания печатаются с сокращениями.

Публикация Н. И. ГИТОВИЧ

ВСТРЕЧА

Мне особенно приятно восстановить в моей памяти знакомство, к сожалению, кратковременное, с А. П. Чеховым. Это было в октябре 1903 года в Ялте на его даче. Редко кого он принимал, да и все щадили его, берегли его здоровье, не хотели его утомлять. В Ялте мы гостили вместе с Михайловским... на даче Елпатьевского. Как-то раз говорит он мне, что Антон Павлович желает познакомиться со мною и что он поедет со мной к нему. Антон Павлович произвел на меня чарующее, но в то же время щемящее душу впечатление. Чувствовалось, что видишь перед собою человека, заканчивающего, быть может, последнюю строку своей жизни. Высокого роста, худой, с вдумчивыми страдальческими глазами, вполне гармонировавшими с продолговатым изможденным лицом, он быстро преображался, как только начинал говорить. Не знаю, как выразиться,— какая-то «добрая грусть» была в нем.

В то время в большой силе был министр Плеве. Антона Павловича интересовали и возмущали последние потуги Плеве, его борьба со всем живым в русском обществе и русской жизни. Говорил, что знает меня и что сам через Николая Георгиевича выразил желание со мной познакомиться. Говорил с особой любовью об Алексее Максимовиче Горьком и, узнав, что я еду в Москву, советовал непременно посмотреть в Художественном театре «На дне» Горького, причем вызвался написать своей жене О. Л. Книппер письмо с просьбой достать мне хороший билет на эту пьесу. Между прочим, говоря о русских либералах, он, указав на стул у своего письменного стола, сказал:

— Вот недели две тому назад сидел на этом стуле известный сенатор, который очень много и либерально говорил, но я смущал его вопросами о его прошлой судебной деятельности.

В разговоре Антон Павлович оживлялся, юмористическая улыбка не сходила с его уст.

Приехав в Москву, я зашел к Книппер. Она сказала, что получила письмо от Алексея Максимовича, что тот познакомил ее с нашей жизнью в Самаре, с нашими ассамблеями, и просил Книппер дать ему знать, когда я буду, чтоб со мной повидаться.

В Художественном театре, конечно, я был и, к великому моему удовольствию, вместе с милой сестрой Антона Павловича — Марией Павловной Чеховой. У Книппер я несколько раз обедал. Пока, после чая, Ольга Леонардовна одевалась, готовилась в театр, мы с Марией Павловной проводили время в ее комнате. Любила она говорить и, вполне понятно, говорила о своем брате Антоне Павловиче, сообщала малейшие подробности о его жизни. Сердечная и вдумчивая, она в то же время любила шутить, смеяться и делала остроумные замечания о литераторах.

Вскоре Антон Павлович умер. Через продолжительное время, будучи в Москве, я зашел к Книппер. Все показалось мне в мрачном виде, невеселая Ольга Леонардовна и грустная, грустная Мария Павловна.

Я. ТЕЙТЕЛЬ.

Л. Н. Толстой и А. П. Чехов. Худ. И. К. Крайтор.

ДОСТОЯНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ

тельных произведений. Для того, чтобы по-настоящему приблизиться к Чехову, надо уяснить его потребность что-то постоянно давать людям, без устали и счета.

Когда Чехов задумал организовать в родном Таганроге общественную библиотеку, он начал с того, что пожертвовал городу почти все свои книги, оставив себе только самые необходимые. Он постоянно, как вспоминают современники, отправлял туда целые транспорты книг, как купленных им на свои средства, так и «выпрошенных» у знакомых авторов, издателей и редакторов». И лишь одно условие ставил Чехов: «Только никому не говорите о моем участии в делах библиотеки: не люблю, когда треплют мое имя». Эта библиотека вскоре стала одной из лучших в провинциальных городах России.

Именно Чехов заказал в Париже скульптору Антокольскому статую Петра I для памятника в Таганроге, организовал ее доставку через Марсель и сам выбирал место для памятника. «Это памятник, лучше которого не дал бы Таганрогу даже всесветный конкурс и о лучшем даже мечтать нельзя. Около моря это будет и живописно, и величественно, и торжественно, не говоря уже о том, что статуя изображает настоящего Петра и притом Великого, гениального, полного великих дум, сильного»,— писал Чехов.

Ненависть к высоким словам, к саморекламе, истинная, редко встречающаяся скромность выделяли его из массы людей, вившихся вокруг. Очень точно заметил Бунин: «...Он был из тех, о ком сказал Саади: «Тот, у кого в кармане склянка с мускусом, не кричит о том на всех перекрестках: за него говорит аромат мускуса...»

Можно написать большую работу только об общественном служении Чехова. Это была бы книга о его вседневной деятельности: поездке на Сахалин и изучении каторги, подвижнической работе на холере в Подмосковье и голоде в Нижегородской губернии, о врачебной практике доктора Чехова, который говорил шутя, что медицина—«его законная жена, тогда как литература — любовница», о построенных им школах и взращенных садах... Это была бы книга о человеке, чья жизнь с детства и до конца дней была «перегружена страданиями, лишениями, тяжелыми трудностями» (Бунин). И многие, прочтя такую книгу, лучше бы узнали и поняли всю глубину души русского писателя Чехова, автора «Палаты № 6», «Человека в футляре», «Душечки», «Дамы с собачкой», «В овраге», «Дяди Вани»...

О. Л. Книппер и А. П. Чехов

О ЧЕХОВЕ

Прошло более полувека с того дня, когда я впервые встретил А. П. Чехова. Произошла эта встреча в Москве, в художественном магазине Дациаро, на Кузнецком мосту.

Старые москвичи, конечно, хорошо помнят этот магазин. Он был одним из центров художественной жизни столицы. Молодой Дациаро предпринял тогда большое дело по популяризации русской живописи, выпуская репродукции картин русских художников из Третьяковской галереи и других музеев в виде открыток и больших гелио-гравюр. Я ему в этом деле помогал.

Чехов тогда появлялся в Москве редко, но в каждый из своих наездов в столицу неизменно заходил к Дациаро, где он мог видеть картины своего друга Левитана, произведения Врубеля, Коровина. Вот во время одного из таких посещений я и познакомился с Чеховым. И очень скоро возник вопрос о выпуске Дациаро портрета Антона Павловича.

Когда зашел разговор о его портрете, Чехов охотно дал на издание свое согласие, а больше всего был обрадован тем, что я могу избавить его от долгого и утомительного позирования, ограничившись лишь несколькими зарисовками и записями характерных черт с натуры.

Портрет Чехова был издан и сразу стал расходиться в больших количествах экземпляров.

Что касается двойного портрета Чехова с Толстым, то эту мысль подал Сергеенко. Он сообщил об этом Толстому, и тот тотчас же согласился, выразив при этом свою радость быть запечатленным вместе с Чеховым, которого очень любил и приравнивал даже к Пушкину в прозе.

Я тотчас же принялся за работу. Персонажи картины были мной уже разработаны, оставалось создать композицию. Темой картин я взял встречи Толстого с Чеховым в Ясной Поляне, в 1895 году, и в Крыму, в Гаспре, в 1901 и 1902 годах.

Чехов тоже одобрил задуманные мной композиции и обещал даже впоследствии попозировать мне для окончательной отделки картины. Увы, воспользоваться этим обещанием я уже не мог. Чехова не стало.

С Чеховым у меня была и другая памятная встреча. Летом 1903 года Московский Художественный театр готовился к постановке «Юлия Цезаря». Для массовых сцен трагедии Шекспира нужны были многочисленные статисты, или, как они тогда назывались в Художественном театре, «сотрудники».

Я был тогда молод, увлекался театром и, откровенно говоря, считал настоящим своим призванием не живопись, а сцену. Не колеблясь, я подал заявление о желании экзаменоваться и получил вызов на экзамен.

Тут-то я и увидел Чехова. Он жил в то лето на даче под Москвой и после своего «заточения» в Крыму (как он называл свое пребывание в ялтинском имении, где очень скучал) всячески тянулся в Москву, принимая живое участие в жизни театра. К тому же он уже писал тогда свой «Вишневый сад».

В один из своих приездов в Москву он присутствовал на приемном экзамене. Помню очень хорошо, как внимательно смотрел он на меня, когда я читал приготовленный мной монолог царя Бориса: «Достиг я высшей власти».

Когда на другой день Чехов пришел в магазин Дациаро, он увидел меня и заговорил о вчерашнем экзамене.

— А вы отлично читали ваш монолог, молодой человек,— сказал он мне.— Ну что же, вас приняли?

Увы, я должен был признаться, что экзаменаторы, по-видимому, не разделяли его мнения о моем чтении: я был забракован.

Н. КРАЙТОР

«ПОСЛЕДНЯЯ СТРАНИЦА МОЕЙ ЖИЗНИ»

Наталья БЕЛОВА

Удивительно порой складывается, переплетается жизнь художника и судьба его творений.

Закончив пьесу «Чайка», Чехов, словно в предчувствии трудного пути своего детища к признанию, испытывал неуверенность и неудовлетворенность: «Вышло не ахти. Вообще говоря, я драматург неважный», «Я более недоволен, чем доволен, и, читая свою новорожденную пьесу, еще раз убеждаюсь, что я совсем не драматург». Репетиции в петербургском Александринском театре также не способствовали укреплению в нем чувства уверенности — после провала «Чайки» осенью 1896 года он писал: «...я уже был подготовлен к нему репетициями...». Тем не менее удар превзошел все ожидания: «...Это был провал, какой мне даже не снился!». Выводы были им сделаны категорические: «отсюда мораль: не следует писать пьес». «Если я проживу еще 700 лет, то и тогда не отдам на театр ни одной пьесы».

Между тем своим «рождением» «Чайка» во многом была обязана настойчивости В. И. Немировича-Данченко, в течение нескольких лет уговаривавшего Чехова заниматься драматургией. В ответ на упрек Чехова: «Во всем этом виноваты ты и Сумбатов, так как это вы подбили меня написать пьесу»,— Немирович-Данченко писал, что главная причина провала не слабость пьесы, а то, что сцена с ее условиями на десятки лет отстала от литературы...» И это было правдой—именно Немировичу-Данченко вместе с К. С. Станиславским суждено было спустя всего лишь два года создать совершенно новый театр, который смог понять все тонкое своеобразие чеховской драматургии, и, постигая внутренний музыкальный ритм его пьес, сумел заворожить ими зрителей. И поныне, спустя столько лет, «Чайка» на занавесе МХАТ напоминает о том, что театр обязан своим успехом Чехову, как Чехов обязан признанием его как драматурга Художественному театру.

Однако Немировичу-Данченко пришлось долго уговаривать Чехова, чтобы тот дал согласие на постановку «Чайки» во МХТ. Ведь недаром Чехов писал, вспоминая злополучную премьеру: «...Не могу забыть того, что было, как не мог бы забыть, если бы, например, меня ударили». С большим трудом удалось добиться его согласия отдать пьесу новорожденному театру.

С блестящего успеха «Чайки» в декабре 1898 года на сцене Московского Художественно-общедоступного театра начинается новый

этап в жизни Чехова, ознаменовавшийся крепнущей связью с театром, вернувшим ему веру в себя как в драматурга, и любовью к ведущей актрисе этого театра Ольге Леонардовне Книппер.

В «Записных книжках» Чехов писал о любви, как о явлении ускользающем, полнота которого недостижима в каждый данный момент: «Любовь. Или это остаток чего-то вырождающегося, бывшего когда-то громадным, или же это часть того, что в будущем разовьется в нечто громадное, в настоящем же оно не удовлетворяет, дает гораздо меньше, чем ждешь».

Многое, вероятно, определялось и его натурой, как он говорил, «психо-органическими свойствами»: «Во мне огонь горит ровно и вяло, без вспышек и треска, оттого-то не случается, чтобы я за одну ночь написал бы сразу листа три-четыре, или, увлекшись работою, помешал бы себе лечь в постель, когда хочется спать; не совершаю я поэтому ни выдающихся глупостей, ни заметных умностей... Страсти мало...»

Женитьба страшила его долго. Известно множество высказываний его на эту тему: «Жениться я не хочу, да и не на ком. Да и шут с ним. Мне было бы скучно возиться с женой».

«Я боюсь жены и семейных порядков, которые стеснят меня и в представлении как-то не вяжутся с моею беспорядочностью...»

И, наконец, «программное»: «Извольте, я женюсь, если Вы хотите этого. Но мои условия: все должно быть, как было до этого, то есть она должна жить в Москве, а я в деревне, и я буду к ней ездить... Я обещаю быть великолепным мужем, но дайте мне такую жену, которая, как луна, являлась бы на моем небе не каждый день».

Чем объяснить такое парадоксальное на первый взгляд отношение Чехова к семейной жизни? Его отличительной чертой был высочайший эстетизм, именно поэтому он так чувствителен был к пошлости во всех ее проявлениях. К пошлости, фальши, грубости, ко всему, что уродует жизнь. От природы, по его признанию, он был вспыльчив, раздражителен и только длительным самовоспитанием добился удивительной сдержанности, мягкости в отношениях с окружающими, что всегда отмечали знавшие его. Но если можно побороть внешние проявления раздражения, то это не значит, что можно изжить его в себе до конца. Оно остается внутри и мучает. Он писал: «...Вспомните, что в настоящее время почти каждый культурный человек, даже самый здоровый, нигде не испытывает такого раздражения, как у себя дома, в своей родной семье, ибо разлад между настоящим и прошлым чувствуется прежде всего в семье. Раздражение хроническое, без пафоса, без судорожных выходок, то самое раздражение, которого не замечают гости и которое всей тяжестью ложится прежде всего на самых близких людей — мать, жену,— раздражение, так сказать, семейное, интимное».

Невозможность достижения гармонии в отношениях с самыми близкими ощущалась им особенно болезненно.

Трудно было ожидать при таких его взглядах, что он женится, как, кстати, трудно представить себе женщину, которая признает «великолепным» мужа, неспособного переносить ее постоянного присутствия.

Ближайший к Чехову человек — сестра Мария Павловна, сама обратившая его внимание на Ольгу Леонардовну («Я тебе советую поухаживать за Книппер. По-моему, она очень интересна»), подружившаяся с О. Л. Книппер и бывшая, казалось, в курсе почти двухлетнего романа писателя и актрисы, не могла опомниться от изумления, узнав о свершившемся бракосочетании: «Ну, милая моя Олечка, тебе только одной удалось окрутить моего брата! Уж как крепился, не поддавался человек, но судьба пришла, и кончено! Тебя конем трудно было объехать!»

Первая встреча писателя и актрисы произошла осенью 1898 года на репетиции «Чайки» (в то время у Чехова был определен туберкулез легких, ему было рекомендовано жить зимой в Ялте, и на премьере «Чайки» в МХТ автор не присутствовал).

Примерно за год до этой встречи Чехов писал Суворину: «Говорят, что недурно дисциплинированы и относятся добросовестно к делу актрисы, кончившие в Московском Филармоническом училище». Ольга Леонардовна Книппер и была выпускницей Филармонического училища, ученицей Немировича-Данченко. По общему мнению современников, актрис МХТ отличал совершенно особый стиль — скромности, интеллигентности, значительности, причем эти качества органично сочетались с элегантностью и женственностью. О. Л. Книппер считали типичной выразительницей эстетики Художественного театра.

Чехов и Книппер встретились уже сложившимися людьми — ему было 38 лет, ей 30. Много, много лет спустя Ольга Леонардовна напишет: «Ведь я не девочкой шла за него, ...я поражена была им как необыкновенным человеком, всей его личностью, его внутренним миром...». Антон Павлович восхищался ею, любил ее за «душу, за нрав», ценил ее преданность делу, считал «хорошим, славным» человеком.

Своеобразие ее как актрисы заключалось в том, что она не играла, а жила ролью. Для того, чтобы вжиться в образ, ей нужно было найти в себе, в своем существе нечто созвучное, сходное с воплощаемым характером. В. В. Шверубович вспоминает, что «у нее не было никаких ремесленных навыков», и поэтому она блестяще играла лишь роли, которые были ей так или иначе близки. Зато, идя от удавшихся ей, любимых ее образов, можно представить себе, какие качества были присущи ей в жизни,— это женственность, легкость, темпераментность, эмоциональность, изящество и лукавство. В чеховских пьесах она была Аркадиной в «Чайке», Еленой Андреевной в «Дяде Ване», Раневской в «Вишневом саде», Машей в «Трех сестрах», Саррой в «Иванове».

За несколько лет до встречи с О. Л. Книппер Чехов говорил: «Никогда артисты, художники не должны соединяться браком. Каждый художник, писатель, артист *любит лишь свое искусство, весь поглощен лишь им*, какая же тут может быть взаимная любовь супружеская!»

И вот оказалось — может. «Если бы мы с тобой не были теперь женаты, а были бы просто автор и актриса, то это было бы непостижимо глупо»,— писал Чехов жене в конце 1902 года.

Впрочем, решение покончить с холостяцкой жизнью пришло к Чехову не сразу. Первые письма к Книппер по шутливому тону почти не отличаются от обычных для него ни к чему не обязывающих легких посланий к приятельницам. Как Т. Л. Щепкину-Куперник величал он «великой писательницей земли русской», так и Книппер он называет: «великая артистка земли русской», а обращение «здравствуйте, последняя страница моей жизни», оказавшееся пророческим и спустя всего пять лет таким трагичным, в начале их знакомства, да еще в приписке к письму Марии Павловны, звучало не серьезней, чем «позвольте моей голове закружиться от Ваших духов» или «злодейка души моей» в письмах к Мизиновой.

О. Л. Книппер великолепно попадала в тон чеховским письмам — живостью, остроумием, подлинным интересом к его творчеству. Конечно, Чехов находился в постоянной переписке и со Станиславским, и с Немировичем-Данченко, и со многими артистами театра, но ее практически каждодневные письма давали ощущение неразрывной, прочной связи с МХТ, позволяли как бы изнутри следить и за ходом репетиций, и за трансформацией образов, и за второстепенными, но все же важными событиями в жизни театра. Во время работы над чеховскими пьесами О. Л. Книппер часто обращается к автору за советами, делится своими мыслями. Так, во время репетиций «Дяди Вани» у Книппер возникли сомнения в связи с трактовкой образа Астрова Станиславским: «Астров у него обращается к Елене, как самый горячий влюбленный». Чехов отвечает ей: «Но это неверно, совсем неверно! Елена нравится Астрову, она захватывает его своей красотой, но в последнем акте он уже знает, что ничего не выйдет... Если Астров поведет эту сцену буйно, то пропадет все настроение IV акта — тихого и вялого».

Полные жизни и энергии ее письма делаются ему все более необходимыми. Заметно, как после каждой встречи (она ли гостила в Ялте, он ли приезжал в Москву) их переписка становится все более теплой, интимной. С августа 1900 года в письмах они уже обращаются друг к другу на «ты», появляются смешные и нежные прозвища, атмосфера переписки становится по-настоящему родственной, однако как для родных Антона Павловича, так и для ее близких истинное положение вещей остается скрытым.

Они тоскуют вдали друг от друга, мечтают о следующей встрече, строят пока не очень определенные планы. Впрочем, желание «определенности» все чаще проскальзывает в письмах Ольги Леонардовны. Он это понимает и пишет: «По письму твоему судя в общем, ты хочешь и ждешь какого-то объяснения, какого-то длинного разговора — с серьезными лицами, с серьезными последствиями; а я не знаю, что сказать тебе, кроме одного, что я уже говорил тебе 10000 раз и буду говорить, вероятно, еще долго, т. е. что я тебя люблю — и больше ничего. Если мы теперь не вместе, то виноваты в этом не я и не ты, а бес, вложивший в меня бацилл, а в тебя любовь к искусству».

Весной 1901 года, когда он звал ее в Ялту, она пишет: «Чем я приеду? Опять скрываться, опять страдания матери, прятки, мне это, право, тяжело, поверь мне. Ты как-то не понимаешь этого пункта, или не хочешь понять. А мне трудно об этом говорить».

После этого письма Чехов уже начинает говорить о женитьбе как о деле решенном. Она приезжает в Ялту на две недели и уезжает с тяжелым сердцем — он опять ничего не сказал ни матери, ни сестре. В письме она дает ему понять о своей обиде и заканчивает решительно: «Приезжай в первых числах и повенчаемся и будем жить вместе».

Как его страшил и сам шаг этот и особенно обряд венчания! Он пишет: «Если ты дашь слово, что ни одна душа в Москве не будет знать о нашей свадьбе до тех пор, пока она не совершится,— то я повенчаюсь с тобой хоть в день приезда. Ужасно почему-то боюсь венчания и поздравлений, и шампанского, которое нужно держать в руке и при этом неопределенно улыбаться».

Все было исполнено по его желанию: в мае 1901 года бракосочетание состоялось в пустой церкви в присутствии лишь необходимых свидетелей. Лето провели они вместе, а в августе, как и прежде, Ольга Леонардовна возвращается из Ялты в Москву.

Именно в 1901 году выяснилось насколько далеко зашла его болезнь. Но в их жизни, в сущности, ничего не изменилось. Чехов большую часть зимы жил один в Ялте, Ольга Леонардовна продолжала играть в Москве в Художественном театре.

Иногда она сетует в переписке, что он мало откровенен с ней, не допускает ее в свой внутренний мир: «...Ведь ты способен жить около меня и все молчать», «у тебя никогда нет потребности поделиться». В ответном письме он опровергает ее упреки: «...Ведь ты моя жена, пойми это наконец! Ты самый близкий и дорогой мне человек...». Однако, что вообще характерно было для Чехова, он не пытается многословно убеждать ее: «И разуверять тебя и переубеждать не стану, ибо бесполезно». Эта невероятная чеховская сдержанность, как видно, не растаивала даже при несомненной и сильной его любви.

Только все сильней тосковал Чехов в Ялте. Странное дело, но этот бывший упорствующий холостяк как будто открыл для себя неожиданную прелесть в самих понятиях «муж» и «жена»,— так часто и с таким явным удовольствием пользуется он теперь ими в письмах. Тоскует и ездит в Москву, а за поездки он расплачивается обострениями: кровохарканьем, плевритами, подскоками температуры.

Ольга Леонардовна, конечно, понимала ненормальность их жизни. Время от времени в ее письмах прямо-таки бушуют бури, вызванные острым чувством вины перед Антоном Павловичем: «Я знаю, что я тебе нужна, нужна, и я должна бросить сцену, а между тем привязана к ней, как дура... Это будет ужасно, если я когда-нибудь взгляну на себя и на свою жизнь иными глазами, чем, может быть, теперь. Может, я казнить себя буду...» Конечно, Чехов не мог принять от нее жертвы и успокаивал жену: «...Если бы ты жила со мной в Ялте всю зиму, то жизнь твоя была бы испорчена и я чувствовал бы угрызения совести». Кроме любви к театру, удерживали Ольгу Леонардовну и опасения, не надоест ли она Чехову без дела. По этому поводу он высказывается теперь вполне определенно: «Ты пишешь, что если бы мы жили вместе неразлучно, то ты надоела бы мне, так как я

О ЧЕХОВЕ

В первые дни января в Венгрии — как раз к чеховским дням — в популярной серии «Мир великих писателей» вышла в свет монография о Чехове молодого литературоведа Агнеш Геребен.

Сравнительно большой для Венгрии и особенно для работ литературоведческого характера десятитысячный тираж уже сам по себе показывает, что издательство «Европа» стремится привлечь самый широкий круг читателей к творчеству Чехова, тем более что книга такого рода о нем появляется здесь впервые.

Венгерскому читателю, конечно, меньше, чем советскому, известна Россия того времени, когда Чехов родился, воплотился как человек и как художник, становился писателем с мировым именем. В книге — в первую очередь опираясь на литературный анализ — много говорится о тревоге Чехова за человека, о его вере в возможности нового разумного уклада жизни, о размышлениях чеховских героев по поводу истинно человеческих ценностей.

бы привык к тебе, как к столу, стулу... уверен в том, что чем дольше жил бы с тобой вместе, тем моя любовь становилась бы глубже и шире». Вообще он держался удивительно мужественно, не жаловался, даже ободрял ее, но иногда все же в его письмах прорывалась горькая правда: «И как я, если бы ты только знала, вспоминаю тебя, как жалею, что тебя нет со мной, когда приходится накладывать этот громадный компресс и когда я кажусь себе одиноким и беспомощным».

Болезнь отнимала силы, и творческие тоже. Невероятно трудно и долго писал он «Вишневый сад». Художественный театр с нетерпением ждал новой пьесы своего автора. Хмурой ялтинской зимой в его кабинете ртутный столбик никак не поднимался выше 12°. Ему трудно работать: «Пишу по 6—7 строчек в день, больше не могу, хоть убей».

Осенью 1903 года «Вишневый сад» был наконец окончен и отправлен в Москву. Зимой приехал туда и автор. Он присутствовал на репетициях, волновался. На первом представлении 17 (30) января 1904 года — день его рождения — было устроено чествование Чехова. Он стоял на сцене худой, сгорбленный и утомленный — всем было тревожно... Весну провел он в Ялте, и становилось ему все хуже: «Чувствую себя не особенно хорошо», «Какая у меня одышка!», «нездоровится». Ольга Леонардовна писала ему в это время: «Если бы я сумела сделать твою жизнь легкой, приятной, толковой! Я ничего не умею делать в жизни, треплюсь зря и других треплю. Зла никому не желаю, а вместе с тем как будто всем только зло делаю. А в душе всегда мечта о какой-то прекрасной возможной жизни...»

Мечте этой не суждено было осуществиться. По дороге в Москву в мае Чехов простудился и серьезно захворал. Несмотря на тяжелое состояние, врач направил его за границу, в немецкий курортный город Баденвейлер. Ольга Леонардовна повезла его с тяжелой душой. Там душной летней ночью 15 июля 1904 года перестало биться его сердце. Закрылась последняя страница жизни великого русского писателя.

В ВЕНГРИИ

Интересен иллюстративный материал книги. Тут и сцены из повседневной жизни семьи Чехова, фотопортреты его друзей и товарищей по перу (ведь венгерский читатель до сих пор не так много видел фотографий с изображением Григоровича, Плещеева, Гаршина, Потапенко, Саввы Морозова и т. д.). Тут снимки улиц и домов, где писатель жил в Таганроге, Москве, Петербурге, виды Ривьеры и — как бы контрастно — Сахалина. Венгерский читатель сможет как бы заглянуть в Ялту или Мелихово, побывать на репетиции в Художественном театре.

В Венгрии Чехова традиционно больше знают как автора пьес, поэтому выход в свет книги, интересно рассказывающей о его прозаических произведениях,— еще один шаг в раскрытии перед венгерскими любителями литературы творчества великого русского писателя.

Н. КОЖЕВНИКОВА

Литературные заметки

И ДЕЛОМ И СЛОВОМ

«Вся Россия — сплошная политбеседа»,— запоминаются эти слова из романа Ф. Абрамова. Я поинтересовался: а на что ссылаются в этой политбеседе деревенские жители? На наши книги? (Правильно, дескать, писатель Н. написал в своем романе!) На наши публицистические статьи в газетах? На очерки в журналах? На радио? На только что просмотренный кинофильм? (Ведь говорили же в свое время — и долго — о фильме «Чапаев».) Увы, таких ссылок в их беседах нет. Ни одной!»

Так пишет Сергей Викулов в № 10 (1979) «Нашего современника». Весь этот номер (как и № 12 за 1978 год) посвящен проблемам Нечерноземья. В минувшем году сравнялось пять лет, как партия и правительство приняли комплексную программу развития сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР. Результаты этой долговременной, рассчитанной до 1990 года, работы наглядно видны уже сегодня. Направленные в российскую деревню огромные средства позволили значительно повысить продуктивность полей и ферм, достичь заметного прогресса в валовом производстве. На новый уровень поднялось благосостояние сельских жителей Нечерноземья, улучшились условия их труда и быта, постоянно растет деревенская культура.

И все-таки эти достижения не везде и не всегда соответствуют размаху обновления края. По-прежнему остается много острых нерешенных проблем, к ним время добавляет новые...

«Наш современник» всегда стоял лицом к чаяниям и заботам российского села, нечерноземного в особенности. На его страницах читатели встретились с памятными произведениями В. Астафьева и В. Распутина, Ф. Абрамова и Е. Носова, В. Солоухина и В. Тендрякова, О. Фокиной и А. Романова, полюбившиеся герои которых — настоящие герои своим бескорыстием и преданностью земле — проживают в самом сердце России и на бескрайних ее просторах. Насущнейшие вопросы деревенской жизни в журнале ставили и ставят такие известные публицисты, как Л. Иванов, Ю. Черниченко.

Десятый номер «Нашего современника» за прошлый год — еще один пример такого постоянного внимания, подлинно заинтересованного «шефства» над родимой землей. Здесь и подборка стихов поэтов Нечерноземья, и колоритные рассказы-зарисовки В. Солоухина, и рассказы В. Лебедева, с душевной болью фиксирующие забвение доброго, и устремленные к исследованию и восстановлению народной эстетики очерки «Лад» В. Белова, которому представляется необходимым «сначала разобраться, как испокон крестьянская «вселенная» была устроена...». Но прежде всего номер этот — тоже как бы «сплошная политбеседа».

«Дороги дороги, а бездорожье дороже. Оно дорого со всех точек зрения: и с экономической, и с социальной, и с нравственной»,— пишет кировчанин В. Ситников. К нему присоединяется редактор ярославской областной газеты А. Иванов, но одновременно он подмечает, что хорошие дороги приблизили к его землякам столицу и теперь содействуют переводу крестьянина из производителя в... потребителя. «Заработки хорошие, а билет до Москвы три рубля: утром — туда, вечером — обратно, в столичных магазинах потолкаться — мясо можно купить. Вот и говорят мои молодые,— рассказывает автору старушка из-под Ростова Великого,— что держать скот нет надобности, да и где его держать, если при новом доме для скота — ни двора, ни сарайки». И в то же время А. И. Березин, первый секретарь Мордовского обкома КПСС, с понятным удовлетворением свидетельствует в очерке «Важнее нет заботы...»: «Все меньше остается здесь изб старого крестьянского образца. Большинство из домов — новые, трех-четырехкомнатные, с газовыми плитами, удобной мебелью. В перспективе намечено строительство типовых коттеджей на двух уровнях».

Выходит, крестьянин должен и может теперь жить по-современному, но они же, современные удобства, подталкивают его становиться нахлебником,— это ли не вопрос? И ведь это лишь один из многих вопросов! Неужто и эта «политбеседа» пройдет мимо всякого внимания?

С. Викулов пишет: «Надо восстановить в правах гражданства очерк и публицистику (и не только о нечерноземной деревне) как равноправный жанр литературы и печатать их не только в конце журналов мельчайшим шрифтом, который трудно разобрать даже человеку со стопроцентным зрением, но и впереди прозы, и таким же, как проза, шрифтом».

«Наш современник» так и поступает. Десятый номер открывается публицистикой Ивана Васильева «Четвертая ступень».

В минувшем году доводилось читать интересные очерки о деревенских проблемах и в «Дружбе народов» («В селе, у матери» А. Стреляного) и в «Октябре» («Откровенный разговор с председателем» И. Филоненко), но работа И. Васильева заслуживает особого разговора.

«Четвертая ступень» сочетает в себе масштабный и углубленный анализ с подлинной гражданской ответственностью, с самой острой, безбоязненной постановкой вопросов.

Действительно, не ссылаются на селе на пишущих,— а почему, спрашивается, если журналист повествует «о секретах больших урожаев и высоких надоев»? А потому, отвечает И. Васильев, что «давно минули времена, когда *каждый* полевод или доярка, комбайнер или тракторист, прочитав о «передовом опыте», мог применить его на своем месте. Сегодня он, рядовой, не может *сам*, по личной инициативе, использовать этот опыт, ибо технология ему предписана специалистом...». Потому что, пишет очеркист, «*спрос не за итог дела, а за соблюдение правил*...». А «делать по правилу» — это значит, что в случае провала спроса с них не будет, ибо действовали они согласно указанию, а тот, кто давал его, самого себя сечь за промашку не станет».

Но рядом с этой проблемой крайней необходимости развязать наконец-то инициативу сельского труженика И. Васильев ставит иную: «рубль балует». Да, гарантированная оплата обеспечивает земледельцу достаток, но какой ценой? «В психологию земледельца уже крепко-накрепко вошло представление: что бы ни случилось на поле, пусть хоть весь урожай погибнет... он, пахарь и сеятель, лично не пострадает. Он получает за «нормы», за выполнение операции по твердым расценкам, значит, если работал, то и заработал. А есть или нет «сработанное», собран ли хлеб в амбар или ушел под снег, на его личном заработке это никак не отразится».

А рядом — стоит только из села доехать до райцентра — новые проблемы. «Индустриализация сельского хозяйства повлекла за собой специализацию», а «специализация — это такая мама, которая при известных условиях рождает весьма непривлекательное дитя — *бюрократизм*». И. Васильев насчитывает четыре русла, по которым из района льется бумажная река, захлестывающая деревню. Взять хотя бы четвертое — мероприятия. «Бумага под названием «мероприятия» становится самоцелью, она у всех на устах, без нее как без рук: нет «мероприятий» — нет работы... На чем строится отчет? На итогах? Ничего подобного — на *мероприятиях*. Мероприятия плодятся десятками и сотнями, а продукция?..

Вопросы, вопросы, вопросы. Как тут не вспомнить роман «Дом» Ф. Абрамова, где и описана сельская «политбеседа»: «Ух и заводились! Ух и вскипали! Почему, почему, почему... Целый лес «почему»!»

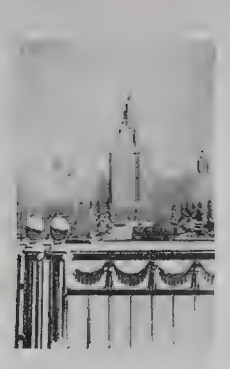
И лес этот, как видим, не редеет... Быть может, сельский житель потому и не ссылается на журналистов и романистов, что вопросы эти он и сам знает не хуже. Вот если бы романы и очерки давали еще и ответы!

В принципе они их дают, настаивая на необходимости взаимообусловленности личного заработка и конечного произведенного работником продукта, да чтоб взаимообусловленность эта пришла не только в деревню, но и для всех районных организаций, связанных с селом. Такие новые формы управления сельским хозяйством уже нарождаются, в частности, уже известен очень многообещающий опыт Талсинского района в Латвии, где успешно действует аграрно-промышленное объединение. И время не должно, не может уходить впустую: на «политбеседы», которые ведут журналы, давно пора откликаться не только заинтересованным, но и ответственным, персонально ответственным читателям.

И отклик этот нужен такой, чтобы, как говорил в десятом номере «Нашего современника» Василий Белов, «не за одно что-то браться — одну ногу поднимешь, другая увязнет, ведь в крестьянской жизни все взаимообусловлено,— а все разом тянуть».

Д. ИВАНОВ

1755 ГОРДОСТЬ ОТЕЧЕСТВА 1980

Ванда БЕЛЕЦКАЯ

Фото И. ТУНКЕЛЯ

ИМЕНИ ЛОМОНОСОВА

«В университете тот студент почтеннее, кто больше научился, а чей он сын — в том нет нужды». Кажется почти невероятным, что эти гордые слова были сказаны два с четвертью века назад! Их произнес гений русской науки, великий «архангельский мужик» Михаил Васильевич Ломоносов. И неудивительно, что одним из первых постановлений совета профессоров Московского университета после Великой Октябрьской социалистической революции было наименовать его «по имени гениального русского ученого и основоположника университета «ломоносовским». «Пусть имя это, как украшающий элитет, заменит на фронтоне старого университетского здания пустоту, образовавшуюся после уничтожения слова «императорский». Пришло время почетно возвысить имя ученого из крестьян. Слава ему»,— решают ученые.

С чувством глубокого волнения перешагиваю порог актового зала. Здесь получали дипломы юноши, ставшие потом декабристами,— братья Муравьевы, Якушкин, Трубецкой, Каховский... Здесь учились Грибоедов и Белинский, Лермонтов и Тютчев, Герцен и Огарев, Тургенев и Островский, Гончаров и Чехов. И русский архитектор Баженов, и режиссеры Вахтангов и Немирович-Данченко, и композитор Рубинштейн... И до них автор «Недоросля» Фонвизин. А первым студентом Московского университета был талантливый ученик Ломоносова, ставший потом сам профессором, Семен Зыбелин. Университет тогда помещался в скромном здании Аптекарского приказа, что стоял на Красной площади. Весенним апрельским днем будущие «Платоны» и «Невтоны» земли Российской вошли в свой первый университет. «Покажите, что вы того достойны, чтоб через вас Россия прославления своего на всем свете надеялась»,— так напутствовали первых студентов. Шел 1755 год.

А через тридцать с лишним лет выдающийся русский архитектор Михаил Казаков выстроил для университета новое здание на Моховой с этим строгим и величественным золотисто-палевым актовым залом.

Вся история России прошла через него. Он горел вместе с Москвой в суровый и героический 1812 год, но не сгинул, а стал еще краше, восстановленный талантом Жилярди. Архитектура и росписи актового зала прославляют университет как сердце российской науки. Изображения русского оружия, застывшие крылатые Славы звучат вечным гимном памяти героям, погибшим за Родину, прославившим ее.

Сейчас во вновь отреставрированном актовом зале на Моховой собраны редкие документы и книги из университетской библиотеки. Вот указ императрицы Елизаветы Петровны «о создании университета и двух гимназий», устав нового учебного заведения, списки профессоров и студентов. Бережно хранятся в шкафах прижизненные издания Ломоносова, первый глобус с русскими названиями, медаль, отлитая в честь открытия университета, журналы Новикова, рукописный список «Путешествия из Петербурга в Москву» Радищева, сохраненный кем-то из студентов или профессоров Московского университета.

Всегда, даже в самые тяжелые годы реакции в царской России, университет оставался не только центром науки, но и революционной общественной мысли.

Осторожно беру в руки книгу Владимира Ильича Ленина «Две тактики социал-демократии в демократической революции», изданную в нелегальной типографии. На титульном листе торопливым почерком сделана дарственная надпись: «Одному из «детей солнца» моему другу и товарищу 6-го декабря 1905 года накануне решительного выступления». Кто подарил эту книгу? Кому? Неизвестно. Но не случайно, что хранилась она в архиве одного из университетских профессоров. А вот и полный комплект ленинской «Искры», тоже сохраненный и переданный в библиотеку университета преподавателями.

...«Что вы делаете? Да знаете ли вы, что от одного повышения температуры от вашего тела изменится качание маятника и время во всей России станет неверным?!» — Павел Карлович Штернберг смело преграждает путь полицейским. В голосе профессора гнев и возмущение. А за стеной, в соседней комнате, рабочие с Красной Пресни быстро прячут оружие, хранящееся в обсерватории Московского университета.

Я была в Государственном астрономическом институте имени Штернберга. Один из его сотрудников, П. Г. Куликовский, бережно собирает документы и воспоминания, рисующие чистый, героический образ астронома-революционера. А на лунном глобусе, созданном в институте, прочно занял свое место кратер Штернберга...

...Под окнами этого актового зала четыре тысячи студентов и профессоров в октябре пятого года устроили грандиозный митинг, стали строить баррикады. Закрытие университета не приносит царскому правительству успокоения. «...Закроешь университет — откроешь уличную борьбу. Откроешь университет — откроешь трибуну для народных революционных собраний, готовящих новых и еще более решительных борцов за свободу»,— пишет В. И. Ленин.

Этими борцами за свободу станут питомцы Московского университета Дмитрий Ульянов, Вацлав Воровский, Дмитрий Фурманов, Сергей Лазо.

...В 1917 году лучшая часть профессуры безоговорочно становится на сторону революции. «Я был прямо в восторге, читая Ваши замечания против буржуазии и за Советскую власть»,— писал В. И. Ленин преподающему в университете К. А. Тимирязеву.

«Наука — трудящимся». Эти слова, появившиеся на фронтоне «императорского» университета после победы Октября, точно характеризуют смысл революционных преобразований народного просвещения. Рабочий факультет университета, созданный в 19-м, становится первым в мировой истории высшим учебным заведением, готовящим рабочих и крестьян и к штурму большой науки и к государственной деятельности. Только теперь прочную основу обретают слова: «В университете тот студент почтеннее, кто больше научился, а чей он сын — в том нет нужды».

ЖИВАЯ КОЖА ЗЕМЛИ

Как радовался бы Тимирязев, доживи он до наших дней! Ведь в царской России в университете для его питомцев — биологов и почвоведов — не нашлось даже сколько-нибудь подходящего помещения, где можно было бы заниматься с микроскопом. Климента Аркадьевича коллеги прозвали «странствующим профессором» — он был вынужден водить своих учеников по чужим лабораториям. А лекции читал в тесной комнате, где вместо положенных 30 человек набивалось до 170 слушателей.

Сейчас в МГУ, кроме уже прославившего себя биологического факультета, открыт новый — почвоведения, самый молодой в университете.

Что такое почва? Это кожа земли, основа всего, что растет, ходит, ползает, летает на нашей планете, основа плодородия, богатства земли, ее красоты и здоровья.

В голосе декана факультета профессора Глеба Всеволодовича Добровольского звучит глубокое волнение, когда он говорит, как часто бездумно нарушается покров планеты, который восстановить еще труднее, чем вернуть исчезающие с лица земли растения и животных. Сохранение почв должно стать основой охраны природы.

— Почвоведение изучается на нашем факультете,— рассказывает Глеб Всеволодович,—

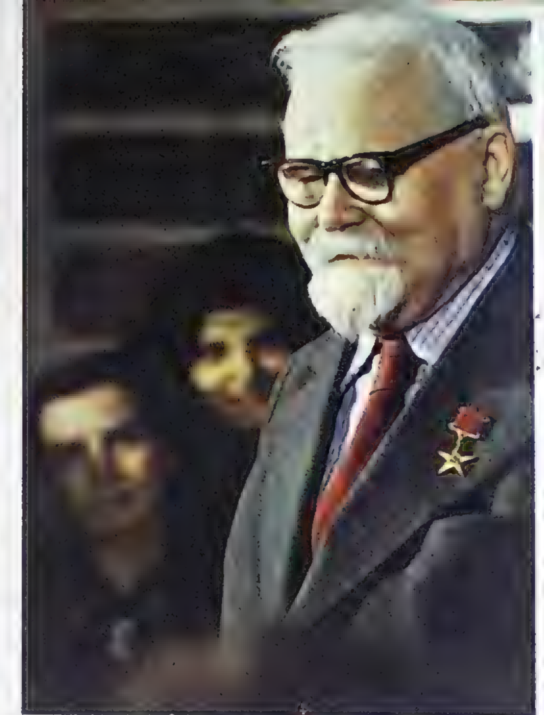
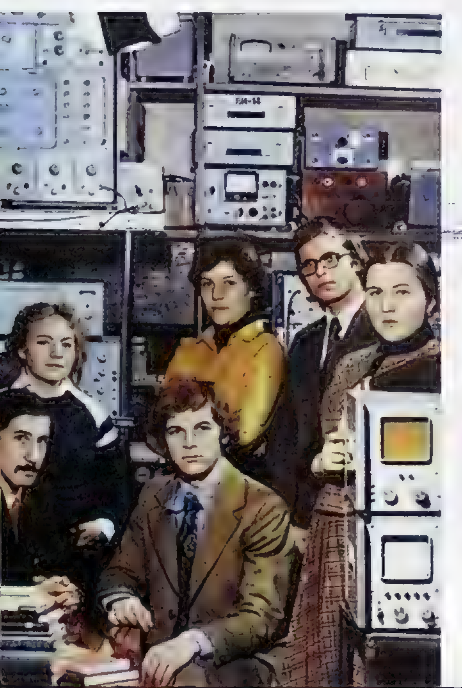
В этом актовом зале получали дипломы Московского университета лучшие люди России * *Лаборатория физико-химических методов анализа в новом здании МГУ.*

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Институт ядерной физики. Идет регистрация космических ливней частиц высоких энергий * В Государственном астрономическом институте имени Штернберга открываются щели башен телескопов, чтобы начать наблюдение за звездами * Елена Мартынова сдает свою первую сессию.

не как прикладная наука, а как фундаментальная отрасль естествознания. Она лежит на стыке биологии и геологии, химии и географии. Это широкая естественноисторическая наука о почвенном покрове земли как части ее биосферы. Через почву — кожу планеты — происходят сложнейшие процессы обмена веществ. Поэтому так опасен чисто «инженерный» подход к покрову земли, который причинил уже немало вреда.

Важнейшее свойство почвы — способность производить урожай. Повышение плодородия — основная наша задача. Но почвоведы нужны не только для сельского и лесного хозяйства страны. Большое значение приобретает наша наука и для поиска полезных ископаемых, и для инженерно-строительных работ, и даже в медицине. Не будет преувеличением, если я скажу, что спрос на выпускников нашего факультета огромен.

Уже потом, после знакомства с исследованиями ученых-почвоведов, работами студентов, я воочию убедилась, как тесна на факультете связь науки и практики, как глубоко сочетается изучение теоретических проблем с решением важнейших народнохозяйственных задач. Сюда можно отнести и исследования по повышению плодородия почв, и зависимость качества сельскохозяйственной продукции от удобрений, и почвенно-мелиоративные работы в районах крупных гидротехнических сооружений, и борьбу с эрозией и засолением, иссушением и заболачиванием. Экспедиции студентов и сотрудников факультета побывали на целинных землях Казахстана, в Каршинской степи, прошли по Оби, добрались до БАМа. Они шли, опережая строителей, поднимались в горы, плыли по опасным и своенравным рекам Нюкже, Олекме, Гилюю, Селемдже, летали на вертолетах. И вот итог — учеными МГУ составлен комплект карт на территорию зоны первоочередного освоения вдоль трассы БАМа площадью в 230 тысяч квадратных километров.

Сейчас почвоведов особенно интересует Нечерноземье. Я беседую с доктором сельскохозяйственных наук профессором Ф. Р. Зайдельманом.

Профессор раскладывает передо мной только что составленные карты Нечерноземья. Как с высоты птичьего полета, видно, где находятся болота, где какие почвы. Красные, синие, зеленые пятна на карте — болота. Зеленые нуждаются в осушении, перспективны для сельского хозяйства. А вот те, что отмечены красным и синим цветом, ни в коем случае нельзя осушать. Это резервуары воды для окрестных рек, здесь водится дичь, растет клюква, они нужны для естественного увлажнения полей.

Коричневые пятна — зона конечных морен, почва здесь тяжелая для обработки, каменистая. Ученые рекомендуют особый метод обработки, специальную технику. Желтый же цвет говорит, что земля в этих местах хороша для сельского хозяйства. Таких почв в Нечерноземье немало. А светло-желтые участки должны особенно насторожить агрономов, строителей, геологов. Почвы здесь чрезвычайно ранимы, опасна угроза вымывания, эрозии. По карте можно проследить области, нуждающиеся не только в осушении, но и в орошении.

— Видите, какое разнообразие,— говорит профессор,— а ведь совсем недавно Нечерноземье рассматривали как однородную область избыточной увлажненности и потому неправильно использовали.

Факультет почвоведения. Ответственный исполнитель почвенно-мелиоративной карты Нечерноземья Г. Д. Чумичева, кандидат биологических наук С. А. Шоба, профессор Ф. Р. Зайдельман и доцент М. Н. Строганова за обсуждением новых карт * Герой Социалистического Труда академик А. Н. Тихонов * Мы — физики * Здесь изучают лазеры. Сергей Соболев и Эдуард Комарницкий недавно на «отлично» защитили дипломы.

Сейчас на факультете готовится система карт Нечерноземья. Эта важнейшая работа — ответ преподавателей и студентов МГУ на Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР», на решения июльского (1978 г.) Пленума ЦК КПСС.

ALMA MATER

Проректор МГУ профессор Феликс Михайлович Волков сразу предупреждает меня, что, если начать рассказывать о свершениях «юбиляра»,— нет, не за все 225 лет, а лишь за 62 года Советской власти,— ему придется прочитать мне по крайней мере годовой курс лекций.

— Сначала назову цифры, которые настолько красноречивы, что в комментариях не нуждаются,— говорит он.— За время существования университета до Октября в нем училось 40 тысяч человек. За 62 года Советской власти получили дипломы 140 тысяч. Ежегодно МГУ дает стране 5 тысяч молодых специалистов, 49 профессий. Среди них представители более 70 наций и народностей нашей страны из всех союзных республик. Здесь учится и молодежь почти из всех стран мира.

Уникален интеллектуальный, научный потенциал университета. 120 академиков и членов-корреспондентов читают лекции и ведут занятия со студентами. 22 профессора МГУ — Герои Социалистического Труда, 46 — лауреаты Ленинской премии, более 100 — Государственной. Почти половина открытий, полученных в высших учебных заведениях страны, сделана в МГУ. Наш университет сотрудничает с 30 национальными университетами Европы и Америки.

Общее число студентов, сотрудников лабораторий и научных институтов университета приближается к 50 тысячам человек. Впечатляет? Это целый город.

Назову несколько всем известных имен... Профессора Егоров и Лузин. Эти замечательные русские ученые стояли у истоков получившей всемирное признание школы наших математиков, которая нашла продолжение и развитие в фундаментальных работах академиков Александрова, Колмогорова, Лаврентьева, Петровского, Келдыша, тоже, кстати, выпускники МГУ. Год от года набирает силу университетская научная школа вычислительной математики и кибернетики, имеющая такого яркого лидера, как академик Тихонов, возглавившего сейчас Институт прикладной математики имени Келдыша.

Блестящие страницы вписали в историю научной школы физиков МГУ Столетов и Лебедев, Ландау и Вернов, Боголюбов и Логунов.

Кто не слышал имен Зелинского, Каблукова, Курнакова? Сегодня их традиции продолжают академики Несмеянов, Семенов, Спицын, Новоселова, Эмануэль и другие прекрасные химики.

А университетские биологи? На факультете работали или трудятся сегодня академики Белозерский, Баев, Энгельгардт, Опарин, Северин, Овчинников, Спирин. Каждый из них имеет мировую известность.

Отечественную историческую науку нельзя себе представить без работ Грановского, Соловьева, Ключевского, Покровского, Тихомирова, Арциховского. Все они работали в Московском университете.

Теперь о том, что же отличает нашего университетского специалиста. Не только запас знаний, но и высокие нравственные качества, умение по-государственному подходить к порученному делу, умение работать с людьми, постоянное творческое беспокойство и ответственность.

ВЕЧНАЯ МОЛОДОСТЬ

Как-то академик П. С. Александров высказал мысль о том, что человек, работающий в университете, наделен вечной молодостью. Может быть, именно это качество университетских профессоров помогает им не только нести знания, но и развивать в своих питомцах все грани человека и ученого? Такое по силам лишь натурам самобытным, сильным, увлеченным... Взять хотя бы ректоров университета за последние тридцать лет. Академик А. Н. Несмеянов, удостоенный недавно второй Звезды Героя Социалистического Труда; навсегда вошедший в мировую математическую науку академик Б. Г. Петровский; известный ученый-лазерщик академик Р. В. Хохлов, проживший недолгую, но такую яркую жизнь; наконец, теперешний ректор МГУ талантливый физик и организатор науки академик А. А. Логунов, вице-президент Академии наук СССР. Это не просто большие ученые, но и удивительные, неповторимые личности, такие разные и в то же время похожие друг на друга той самой чертой, о которой говорил Павел Сергеевич Александров...

Сейчас в МГУ экзаменационная лихорадка. Особенно волнуются первокурсники и дипломники.

Первый экзамен на первом курсе химического факультета принимает академик В. И. Спицын. Только что отвечала Светлана Сайганова. Проходя мимо подружки, что еще готовится, Света показывает четыре пальца. Для первого экзамена неплохо. Виктор Иванович очень строг, но справедлив.

Светлана приехала из Сибири. Школу в Омске окончила с медалью. Ее подруга Мзия Зоидзе (она тоже получила у академика Спицына четверку) до поступления в МГУ три года проработала в родном чаеводческом колхозе в Грузии. Колхоз дал ей направление на рабфак. И вот — первая в жизни сессия.

У выпускников физического факультета Сергея Соболева, Эдуарда Комарницкого и Олега Нания волнения уже позади — только что ребята блестяще защитили дипломы. Работы у всех троих по лазерной физике.

Эдуард Комарницкий и Олег Наний приехали в МГУ из Молдавии, Сережа Соболев из небольшого городка Михайловка в Волгоградской области. Эдуард был медалистом (разве подведешь отца, если он классный руководитель!), Сережа Соболев (его родители железнодорожники) в 9-м классе поступил в физико-математическую школу при МГУ, созданную академиком А. Н. Колмогоровым, и, окончив ее, держал экзамены в МГУ.

А вот Олег был принят без экзаменов, как один из победителей Международной физической олимпиады. В 74-м она проходила в Варшаве. Мне сообщили, что, наверное, все трое станут аспирантами.

Наташу Иголкину тоже ждет защита диплома. Родилась она в Новосибирске, куда ее родители приехали по путевкам комсомола. Правда, тогда они еще не были ее родителями и даже были незнакомы.

— Наташа, у вас родители тоже химики? — спрашиваю я.

— Нет. Папа — конструктор, мама — связист. Химиком мечтает быть младшая сестренка Оля, она в девятом классе.

— А что вам больше всего нравится в химии?

— Физика... Я ведь и работать думаю в области физической химии. Мой диплом связан с голографией, с вопросами объемной записи информации.

Много наук спорят между собой, к которой из них ближе великий создатель университета. Наташа Иголкина, стипендиатка имени Ломоносова, знает твердо — к химии и физике.

...Я ухожу из университета поздно вечером. Тихо падает мягкий снег. Верхние этажи высотного здания МГУ смело пронзают темно-синее небо.

В студенческом городке, как всегда, людно. Двое юношей, судя по цвету кожи, из Африки или Южной Америки, пытаются засунуть друг другу за шиворот хрупкий тающий снежок.

На скамейке в сквере целуется влюбленная парочка. В клубный корпус спешит молодежь. Кто идет на поэтический вечер, кто на репетицию университетского ансамбля. Экзамены экзаменами, а студенческая жизнь, неповторимая, романтическая и такая молодая, идет своим обычным путем. Впереди главный экзамен — жизнь.

ХРУСТАЛЬНАЯ ЧЕРНИЛЬНИЦА И СИНИЕ «ЖИГУЛИ»

Гусейн
АББАСЗАДЕ

РАССКАЗ

Рисунок Е. ШУКАЕВА

В субботний полдень я стоял на остановке и ожидал автобуса. Солнце палило невыносимо, у нас в городе бывает такая поздняя жара в середине сентября, бакинцам не привыкать к этому, но плохо было то, что тут негде от жары укрыться. Наш новенький микрорайон в Ахмедлах еще не был как следует благоустроен: не высажены деревья, не все улицы заасфальтированы,— и машины, проезжая, вздымали тучи серой пыли.

В полдень тени коротки, и ни одна тень от новых домов не дотягивалась до остановки. Я изнывал от духоты, автобуса не было и в помине, и я уже ругал себя за то, что связался с этим плотником, которому хотел заказать ящики для цветов на балконе моей новой квартиры,— мы условились, что в субботу я к нему приеду. Время шло, автобуса не было и ни одного такси не видно.

Тут из-за угла выехал автомобиль — нарядные темно-синие «Жигули». Машина помчалась было вниз по улице, но, поравнявшись с остановкой, вдруг резко повернула и подкатила к тротуару вплотную,— очередь даже шарахнулась, отступая назад. Я наклонился, чтобы посмотреть на лихача-водителя и сказать ему несколько резких слов, и увидел улыбающееся красивое лицо. Это был Джаби, я сразу его узнал. Это был Джаби, и он сказал мне:

— Садись, Гасан, подвезу тебя.

Так просто сказал, как будто мы продолжали дружить, как будто не поссорились двадцать лет тому назад.

Я не нашелся, что ответить на неожиданное предложение. Только головой покачал. Синие «Жигули» рванулись вперед и исчезли в облаке пыли.

А ведь когда-то в детстве Джаби был не только ближайшим соседом, но и лучшим другом. Нельзя сказать, что мы не ссорились,— без ссор не бывает, когда мальчишки играют на улице,— но, конечно, это были пустяковые, мимолетные ссоры, о которых тут же забывали.

Другое дело — наша затяжная ссора из-за чернильницы...

У нас в доме была старинная хрустальная чернильница. Не знаю, откуда она взялась в нашей семье, мама об этом никогда не говорила, а отца я почти не помню: за год до того, как я пошел в школу, он погиб при аварии на буровой. Он был совсем молодым, и я помню, как убивалась, как рыдала мать. Когда приспело время мне идти в школу, мать с грустью сказала: «Бедный твой отец, как мечтал он взять тебя за руку и отвести в школу».

Тогда-то она подарила мне, первокласснику, эту чернильницу, и я поставил ее на своем маленьком письменном столе и налил фиолетовых чернил. Мне нравилось смотреть, как солнце играет на ее гранях.

Жили мы бедновато, у меня не было даже портфеля — бабушка сшила мне матерчатую сумку для тетрадок и учебников,— и хрустальная чернильница была у нас в доме самой, наверное, дорогой вещью. Так, во всяком случае, мне казалось. Я ею очень дорожил.

Мы учились в девятнадцатой школе на улице Касума Измайлова. Чаще ее называли не по номеру, а школой Сулеймана Сани Ахундова, потому что когда-то этот известный писатель был ее директором. Мы с Джаби всегда ходили в школу вместе, хотя учились в разных классах. Помню, в том далеком сорок втором году я учился в третьем, а Джаби в четвертом: он был на год старше.

Однажды ранним вечером мы играли в нашем тупике в лапту. Ну, крик, гам, как всегда. Вдруг в разгар игры появился в тупике пожилой дядька и спрашивает:

— Где тут живет Бала-ами Оруджев?

— Кто? Кто? — Мы не сразу сообразили, что спрашивает он о матросе Бала-ами. Жил у нас во дворе такой, работал в Каспаре и вечно плавал по Каспийскому морю, дома почти никогда не бывал. Мы и не знали, что он Оруджев по фамилии,— все его называли матросом Бала-ами, и мы так привыкли.

Ну, потом сообразили, конечно. И сказали этому дядьке, что Бала-ами Оруджев, верно, тут проживает, но дома его нет, потому что он почти всегда в плавании. То в Красноводск плавает, то в Астрахань. Но дядька, кажется, нам не поверил. Он вошел во двор, принялся спрашивать у взрослых, а те, понятно, подтвердили, что матроса дома нет. Тогда он попросил, чтобы кто-нибудь из нас написал в повестке (а приходил он из военкомата), что Бала-ами Оруджев находится в плавании, и поставил подпись. Кто-то сунулся с карандашом, но военкоматский велел принести ручку и чернила. Мы стояли как раз у входа в нашу квартиру, и я метнулся в комнату и вынес свою ученическую ручку и чернильницу. Ту самую, из старинного хрусталя. Не стану греха таить, мне хотелось и перед дружками похвастать этой чернильницей.

И тут как раз вошла во двор моя мать, она с полной сумкой возвращалась с базара. Я сунул чернильницу и ручку Джаби и сказал:

— Напиши, а я помогу маме и вернусь.

Я забрал у матери тяжелую сумку, притащил ее на кухню, помог выгрузить,— словом, провозился, а когда выбежал во двор, там уже не было ни военкоматского, ни Джаби, ни других ребят. Разошлись по домам, наверно.

Утром, когда мы с Джаби шли в школу, он отдал мне ручку и сказал:

— Чернильницу я с собой не взял, Гасан, потом тебе отдам, ладно?

— Ладно,— ответил я.— Зачем ее в школу тащить?

Но прошел день, и еще, и еще, а он не отдавал чернильницы. Забыл, что ли? А у меня, должен признаться, есть в характере такая, прямо скажем, дурацкая черточка: не умею, не могу напомнить человеку о возвращении взятой взаймы вещи или денег. Язык не поворачивается. Так было раньше, так и сейчас.

Так вот и получилось, что моя любимая чернильница осталась у Джаби. Наступили летние каникулы, семья Джаби уехала в Шувеляны, там у них был дом. Потом пришел сентябрь, и первого числа мы с Джаби ранним утром встретились во дворе и вместе пошли в школу. Я хотел напомнить ему о чернильнице, но не мог заставить себя прямо спросить, а завел окольный разговор — о тетрадях (с которыми в те годы было ох как трудно), учебниках, чернилах... Нет, Джаби не реагировал. И тогда я, набравшись духу, выпалил:

— Когда чернильницу отдашь?

Он взглянул на меня, удивленно вздернул брови:

— Какую чернильницу?

— Мою чернильницу, которая у тебя с весны осталась. Ты что, забыл?

— Нет у меня никакой твоей чернильницы,— сказал Джаби спокойно.

— Как это нет? — разозлился я, да и не столько разозлился, сколько растерялся от такой наглости.— Как это нет? Не помнишь, что ли — старик приходил с повесткой для матроса Бала-ами, я же тебе вынес чернильницу с ручкой, чтоб ты написал...

— Я подписал повестку, но не твоей ручкой, а той, что старик дал.

Я просто не верил своим ушам. Я остановился, изумленно уставясь на Джаби.

— Ты, может быть, шутишь, Джаби? — спросил я со слабой надеждой, что так оно и есть.

— Какие шуточки? — сказал он резко.— Чего ты привязался со своей чернильницей? Где потерял ее, там и ищи. А ко мне не приставай.

Так прямо и сказал. Как будто я назойливый проситель или, еще похуже, вымогатель, что ли...

Я хорошо помнил, кто из наших ребят присутствовал при том, как я передавал Джаби чернильницу,— там были Байрам, Бала-оглы, Асад, Чингиз и еще несколько. Они, конечно, подтвердят мои слова, и что останется после этого делать Джаби? После школы я зашел к Асаду, чья дверь была напротив нашей. Но его мать сказала, что Асада нет дома, он в кино. Я направился было к дверям Чингиза, но вдруг остановился. Не хотелось вмешивать ребят и вообще кого-либо в это неприятное дело. Пусть даже они и вспомнят, что, верно, я дал чернильницу Джаби. Что из того? Не в чернильнице ведь дело, будь она неладна. А в том, что я потерял самого близкого друга...

Да и того проще — достаточно мне было прийти к ним домой и сказать родителям Джаби, что он присвоил мою вещь, чтобы его отец, Гулам-даи, человек крутой, задал ему хорошую трепку, и чернильница была бы возвращена.

Но я и этого не сделал.

Не дойдя до квартиры Чингиза, я повернул домой. Мать еще не вернулась с работы. В застекленной галерее на полу, на тюфяке, сидела бабушка и штопала мои носки. Я молча прошел в темноватую нашу комнату и лег на диван, звякнувший старыми пружинами. Я лежал и старался удержать слезы, подступавшие к глазам.

Утром следующего дня мы, как обычно, одновременно вышли во двор. Я отвернулся и пошел быстрым шагом. Джаби не окликнул меня. Первый раз в жизни мы шли в школу каждый сам по себе. А после школы, когда ребята со всего дома высыпали в тупичок играть в лапту или футбол, Джаби не вышел. Наверно, опасался, что я заведу при ребятах неприятный для него разговор.

Но я и не думая теперь о том, чтобы кому-нибудь рассказать или позвать в свидетели. Я

надеялся — в глубине души,— что Джаби раскается в своем поступке и сам вернет мне чернильницу. О, как я ждал этого!

Ожидания были напрасны. Прошел и этот учебный год, опять наступили каникулы... И опять школа... Было бы теперь просто смешно напоминать о чернильнице: слишком много прошло времени. Да я и вспоминал о ней все реже. Иногда, правда, садясь делать уроки, я представлял себе, как чернильница посверкивает на солнце своими маленькими гранями, и мне становилось грустно от потери. Я любил, прикрыв один глаз, смотреть сквозь хрусталь на улицу, на голубое небо. Предметы странно искажались. Листья чинары, растущей перед нашим окном, резко увеличивались — это было интересно! А однажды в открытое окно влетел воробей, привлеченный, должно быть, сверканием хрустальной грани,— он сел на чернильницу, пискнул, будто хотел сказать: «Привет вам!» — и улетел.

Теперь в солнечные дни я задергивал занавеску, чтобы солнце не попало на мой стол.

Забыл сказать: исчезновение чернильницы, конечно, не ускользнуло от взгляда мамы. Она спросила, и я ответил, что подарил чернильницу Джаби.

— Можно подумать, что у твоего Джаби чего-то не хватает,— сказала она недовольно.— Пусть бы он тебе что-нибудь подарил.

Но увидев мой изумленный взгляд, мама добавила поспешно:

— Ладно, ладно, подарил, так подарил. Я хотела сказать... эта чернильница была памятью о твоем отце...

Шли годы. Джаби не раз пытался восстановить прежнюю дружбу. Бывало, в общем разговоре, когда ребята собирались в нашем тупичке, я спрошу о чем-нибудь, ни к кому конкретно не обращаясь,— так Джаби спешит ответить, глядя на меня. Но я ему не отвечал. Пропускал, как говорится, его слова мимо ушей. При этом я вовсе не хотел выказать ему обиду или злость — нет, ничего такого уже не осталось, просто Джаби как бы перестал для меня существовать. Ну, как будто прежний Джаби куда-то уехал, а тут остался чужой человек, отдаленно похожий на него.

Простил бы я его, если б он в один прекрасный день пришел и сознался в своем некрасивом поступке? Не знаю. Наверно, простил бы. Смягчился бы. А могла бы восстановиться прежняя дружба? Вот вопрос...

Джаби на год раньше меня окончил десятилетку, держал экзамены в Институт народного хозяйства, но срезался. Он поступил на какие-то курсы, устроился на работу. Все реже я видел его. А потом Джаби и вовсе исчез. От ребят я знал, что он женился и переехал к жене — там были четырехкомнатная квартира и, как говорили, «денежный» тесть.

Я был рад этому. Рад, что Джаби переехал. Неприятно было, сталкиваясь с ним во дворе или на улице, проходить мимо, не здороваясь, не перекинувшись двумя-тремя словами. Не знаю, что чувствовал при этом Джаби, а мне было — ну, именно неприятно...

Синие «Жигули» скрылись из виду, и поднятая пыль оседала на дорогу, на серые кусты сорняков, тут и там растущие по обочинам. А автобуса все не было, и солнце палило немилосердно. Старуха, стоявшая возле меня, сказала:

— Людям предлагают ехать, а они отказываются... Господи, где застрял этот автобус?

Из-за угла выехала машина с зеленым огоньком. Подняв руку, я кинулся навстречу такси.

Наверное, людям на остановке показалось странным, что человек, отказавшийся от приглашения сесть в частную машину, стремглав кидается к такси...

Да теперь и я сам, сидя в быстром такси, жалел, что отверг приглашение Джаби. Мир не рухнул бы, если б я сел в его синие «Жигули». Мы были совсем детьми, когда произошла эта история с чернильницей, с той поры прошло два десятка лет, мы оба теперь отцы семейств,— глупо продолжать воротить нос... Давно пора прекратить эту ссору. Наверно, Джаби и думать забыл о том своем поступке. Почему же я не могу забыть?

Обо всех своих делах, и уж особенно о затруднительных случаях, я привык рассказывать жене. На заводе ли что случится (я ведь работаю инженером на заводе нефтепромыслового машиностроения) или в кругу наших знакомых,— первым делом я советуюсь с женой, как поступить, как оценить то или иное событие. И только о встрече с Джаби на автобусной остановке я почему-то ей не рассказал, как и о старой истории с чернильницей...

В тот раз я не очень хорошо разглядел Джаби, сидевшего за рулем. Но спустя день или два мы встретились в булочной, и я отметил про себя, что друг моего раннего детства стал красным, пышущим здоровьем, прекрасно одетым мужчиной. Джаби кивнул мне с улыбкой, и я ответил. Поздоровались мы и в другой раз, встретившись на почте. А однажды после работы я остановился у киоска неподалеку от нашего дома, чтобы купить вечернюю газету «Баку». Накануне «Нефтчи» проиграл в Ташкенте «Пахтакору», и мне хотелось прочесть о подробностях этого матча да и о других матчах последнего тура. Я стоял в очереди, и еще оставалось передо мной несколько человек, когда подъехали и остановились у киоска синие «Жигули». Джаби вылез из машины и сунулся было к киоску без очереди, но впереди стоящие осадили его. Он отошел в сторонку, поглядывая, нет ли в очереди знакомых, и увидел меня. Я сделал ему знак — мол, подожди, возьму газету и тебе.

Я дал ему вечерний «Баку», и Джаби очень любезно поблагодарил. Мы разговорились. Он тоже получил недавно квартиру в Ахмедлах и жил недалеко от меня. Спросил о моем здоровье и о семье. И еще сказал, что работает в обувном магазине на улице 28 Апреля. «Если тебе понадобятся туфли, Гасан, мужские или дамские, приходи»,— сказал он. Простившись, он сел в машину и уехал.

Дома я, пообедав, лег на тахту с газетой. Ох уж этот наш «Нефтчи»! Никак не может избавиться от застарелой болезни — проигрывать на чужом поле. Я просматривал таблицу футбольного чемпионата, и вдруг строчки и цифры поплыли перед глазами, и моему мысленному взгляду предстала чернильница из старинного хрусталя. А вот и она поплыла — да что ж это такое? К ней будто колеса приделали, и она стала синей, даже фиолетовой

от налитых чернил, а в ней будто бы сидел маленький Джаби из моего детства... Фу ты, что за наваждение!

Я опустил руку с газетой, протер глаза.

«Садись, Гасан, подвезу тебя... Если понадобятся туфли, приходи...» Он очень добр ко мне, этот Джаби, друг детства. Хочет заставить меня забыть старую обиду? Нет у меня обиды. Все давно прошло. Почему же в таком случае мне словно что-то мешает... мешает обратиться к нему запросто, по-дружески?.. Странно...

Что-то в последнее время у меня побаливают почки. Я даже просил в завкоме путевку в Минводы, это мне врач посоветовал. В конце сентября дали путевку в Ессентуки. Полечили меня там хорошо, и домой я вернулся в отличном настроении. Было воскресенье, все дома, и жена и дети, сидим за обеденным столом, и я рассказываю о курортных делах, как вдруг с улицы — резкий визг тормозов. Выглянули в окно и видим — на перекрестке стоят автобус и чуть было не врезавшееся в него такси. Оба водителя, выйдя из машин, ругаются, размахивают руками, разговор, видно, у них горячий, и собирается вокруг толпа.

Садимся мы опять за стол, и старшая дочка говорит:

— Папа, а вот после твоего отъезда, знаешь, что тут было на углу? Машина, которая хлеб возит, столкнулась с «Жигулями», и сильно так, пришлось машину с краном вызывать, чтобы увезти «Жигули» на буксире...

— А водитель? — спросил я, насторожившись.— Что с водителем?

— Я сама не видела, мне девчонки рассказывали из нашего дома. Водитель, кажется, не пострадал. Ну, не знаю.

— А какого цвета была машина?

— Кажется, синего.— Дочь удивленно посмотрела на меня.— А что?

Сам не понимаю, почему я так встревожился. Выходя из дому и возвращаясь с работы, я не раз ловил себя на том, что слежу за всеми проезжающими легковыми машинами. Синих «Жигулей» среди них не было.

Как-то раз в середине дня я отправился по заводским делам в министерство, а потом прошелся пешком по центру. На улице 28 Апреля я остановился у витрины большого обувного магазина. На витрину и вывеску, впрочем, я посмотрел мельком,— мое внимание привлек синий автомобиль «Жигули», стоявший вплотную к тротуару. Я сказал — синий, но синим автомобиль был только наполовину: весь правый борт был черно-серый, некрашеный. Я стоял, пытаясь вспомнить, какой номер у машины Джаби,— и вдруг увидел его самого.

Живой и невредимый, Джаби вышел из магазина и широко улыбнулся мне.

— Привет, Гасан! Ты что тут делаешь?

Обрадованно я посмотрел на его красивое загорелое лицо, к которому так шла улыбка.

— Да вот...— Я слегка запнулся.— Я тебя ждал, Джаби.

— Вот как? — Улыбка исчезла.— Тебе, наверно, нужно что-нибудь из обуви,— сказал он, понизив голос.— Знаешь, Гасан, сейчас хорошего товара нет. Получим в конце месяца. Тогда и приходи, ладно? — И, не дожидаясь моего ответа, он отпер дверцу машины.— Видал, что случилось? Весь борт пришлось менять, обе дверцы. Наверно, моя мать за меня молилась — легко отделался. Больше двух тысяч пришлось за ремонт выложить. Ну, ничего, это не так уж много.

Он сел в машину, завел мотор. Перед тем, как захлопнуть дверцу, взглянул на меня, сказал извиняющимся тоном:

— Не обижайся, Гасан, я не домой еду, а то бы подвез тебя.

— Да нет,— спохватился я,— ничего. Какие обиды? У меня еще дела в городе...

Машина тронулась и влилась в уличный поток. А я стоял на краю тротуара и смотрел ей вслед. Некоторое время я еще видел ее черный борт. Странно: этот черный борт в моих мыслях вдруг стал как бы дробиться на мелкие грани... все более он походил на чернильницу... на старинную граненую чернильницу, в которую налиты черные чернила...

Но никогда в жизни я не пользовался черными чернилами.

Перевел с азербайджанского
Е. ВОЙСКУНСКИЙ.

Генрих БОРОВИК

ИСТОРИЯ

ПОВЕСТЬ-ХРОНИКА

Продолжение.

См. «Огонек» №№ 1—4.

Убийство президента США в ноябре 1963 года критическим образом повлияло на весь характер деятельности его брата, министра юстиции. Особенно на взаимоотношения Роберта Кеннеди с ФБР. Он оказался один на один со стариком Гувером. Президентской поддержки у министра юстиции уже не было. Вот почему по истечении месячного срока Роберт Кеннеди не потребовал от ФБР доклада о результатах прослушивания. И «забыл» прекратить его.

«Полная обработка» Кинга продолжалась и усиливалась.

23 декабря 1963 года, через месяц после убийства Кеннеди, в штабе ФБР в Вашингтоне состоялось секретное совещание (в нем принимали участие руководители местного отделения ФБР в Атланте и руководители Управления внутренней разведки ФБР), на котором обсуждался план действий ФБР против Мартина Лютера Кинга. Повестка дня совещания состояла из 21 пункта. В том числе:

Об использовании секретных черных агентов ФБР в районе Атланты, Джорджия. (Сколько таких агентов потребуется?)

Об использовании телефонного и микрофонного прослушивания разговоров, ведущихся сотрудниками Мартина Лютера Кинга. (Какова эффективность обоих видов прослушивания?)

О возможности выявления недовольных среди сотрудников руководящего аппарата движения за гражданские права и (или) бывших сотрудников, которые могут иметь основания быть недовольными.

О возможных связях отделения ФБР в Атланте среди священников — черных или белых,— которые могли бы оказаться полезными для Федерального бюро расследований.

О возможности получения информации о финансовых операциях Кинга, которая могла бы быть представлена в выгодном для ФБР свете.

О возможности устройства на работу в офисе Кинга привлекательной особы женского пола и использования ее для дискредитации Кинга...

И так далее.

ИЗ ПАМЯТНОЙ ЗАПИСКИ УИЛЬЯМА САЛЛИВЭНА (помощник директора ФБР) ГУВЕРУ о совещании, состоявшемся в штабе ФБР 23 декабря 1963 года:

«...Учитывая деликатность нынешней ситуации, связанной с возвышением Кинга, важнейшей задачей совещания было найти наиболее эффективный способ для проведения следствия с целью получения желаемых результатов, не вызывая при этом неприятностей для Бюро. Во время совещания был проведен также полный анализ путей нейтрализации Кинга как эффективного негритянского лидера и п р о я в л е н и я свидетельств продолжительной зависимости Кинга от коммунистов...»

ИЗ ПАМЯТНОЙ ЗАПИСКИ УИЛЬЯМА САЛЛИВЭНА ГУВЕРУ (от 8 января 1964 года):

«...Наступает время сбросить Кинга с его пьедестала и полностью лишить влияния. Однако, если ФБР добьется успеха в этом, негритянское движение может остаться без национального лидера, обладающего достаточным личным авторитетом, необходимым, чтобы руководить движением в нужном нам направлении. Чтобы не оказаться в таком положении, необходимо уже в настоящее время начать постепенное создание национального негритянского лидера, который мог бы принять на себя руководство негритянским движением в нужном нам направлении, когда Кинг будет полностью дискредитирован.

В течение нескольких месяцев я обдумывал этот проект. Однажды у меня появилась возможность обсудить его с философской и социологической точек зрения с (имя в документе изъято), которого я знаю уже несколько лет. Я спросил (имя изъято), не знает ли он негра, обладающего выдающимся интеллектом или подходящими способностями... Он назвал (имя изъято). В приложении к этой записке вы найдете краткую биографию (имя изъято), которая действительно примечательна... Изучение этой биографии покажет, что (имя изъято) обладает всеми качествами, которые я считаю необходимыми для выдвижения его в национальные негритянские лидеры.

Хочу сразу внести ясность: я не предлагаю, чтобы ФБР каким бы то ни было образом было открыто вовлечено в процесс выдвижения негритянского лидера, который должен занять место Мартина Лютера Кинга. Если удастся все это организовать должным образом, так, чтобы роль ФБР в патронации нового лидера осталась в тайне, я полагаю, что все предприятие окажется полезным не только Федеральному бюро расследований, но и всей стране в целом...»

Кто был тот человек, которого принялось вскармливать ФБР для замены Кинга, чтобы повернуть движение за гражданские права в «нужном для ФБР направлении»?

Вряд ли кто-нибудь взялся бы сейчас с определенностью назвать его фамилию. Тем более, что ФБР могло «работать» сразу с несколькими людьми.

Скорее всего, таким человеком мог быть кто-нибудь из представителей искусственно создаваемой негритянской буржуазии. Не исключено, что такого человека ФБР могло найти и в окружении Кинга. Деятельность некоторых — к счастью, очень немногих! — близких сотрудников Кинга после его смерти подтверждает мысль, что ФБР могло «патронировать» человека даже из очень близкого его окружения. Правильнее, по-видимому, остановиться на предположении, что ФБР «выращивало» сразу несколько «лидеров» для замены Кинга, в разных обстоятельствах оказывая особую поддержку и особые услуги то одному, то другому, чтобы не зависеть от случайностей тех бурных, жестоких и полных трагических неожиданностей лет.

Но если мы не можем сейчас сказать точно, как и кого вскармливало ФБР для замены Кинга, то вполне отчетливо прослеживается главное направление деятельности ФБР в отношении самого Мартина Лютера Кинга — на его уничтожение. В тот период — речь идет о 1964 годе — уничтожение, надо полагать, подразумевалось только моральное и политическое.

План физического уничтожения, видимо, стал разрабатываться позже.

Слово у н и ч т о ж и т ь, кстати говоря, было по отношению к Кингу — о ф и ц и а л ь н ы м т е р м и н о м ФБР. Его употребляли весьма высокие руководители этой организации. Было даже создано специальное подразделение, которое так и называлось — «Отделение уничтожения Кинга» («Destroy King Squad»). Оно занималось всем комплексом действий, связанных с этим. Прежде всего подслушиванием, слежкой и т. д.

Как проходило подслушивание телефонных и других разговоров Кинга, скажем, в его офисе в Атланте?

Для этой цели Федеральное бюро расследований сняло неподалеку от офиса Мартина Лютера Кинга трехкомнатную квартиру. Одна из комнат этой квартиры, стены которой покрывали панели, вся была заполнена электронным оборудованием — принимающей и записывающей техникой. А передающие устройства подслушивания находились в конторе Кинга и дома, где он жил. В квартире ФБР постоянно — двадцать четыре часа в сутки — дежурили люди, которые обеспечивали исправную работу аппаратуры и запись всех разговоров, ведущихся в офисе Кинга. Денег не жалели, поэтому записывали каждое слово, которое произносилось по телефонам Кинга, и составляли досье на каждого человека, который звонил Кингу или которому звонили из офиса негритянского лидера.

Каждый человек, который даже по случайности, по недоразумению, да просто по ошибке оказывался хоть раз соединенным по телефону с людьми Мартина Лютера Кинга, попадал в это чудовищное досье. На него заводилась папка, и в папку начинали собирать све-

дения о нем: год рождения, адрес, место работы, краткая биография, знакомые, друзья, друзья друзей и так далее. Этой работой, которая называлась «поиск коммунистической инфильтрации» («коминфил»), был занят огромный аппарат агентов. У некоторых из них складывалось тогда впечатление, что ФБР вообще ничем другим не занимается. И не мудрено: ведь в те времена Гувер не обращал внимания ни на действия мафии, ни на преступную деятельность кубинских контрреволюционных эмигрантов на территории США, ни на многое другое, что входило в круг прямых обязанностей ФБР. Сейчас трудно сказать, сколько всего сотрудников ФБР занималось только Кингом, но такие были не только в Атланте, но и в Нью-Йорке, и в Вашингтоне, и в штате Миссисипи, и в штате Алабама, одним словом, везде, где движение за гражданские права было активным или набирало силу. Деятельность большинства этих сотрудников целиком посвящалась Кингу и поискам его «связей с коммунистами».

Лишь в одной оперативной квартире ФБР в Атланте, где записывались телефонные разговоры Кинга, было заведено досье на шесть тысяч человек. Оно содержалось в бесчисленных папках, аккуратно разделенных по дням (в индексах так и указано: «день первый», «день второй» и далее до бесконечности).

Судя по материалам, которые стали известны гораздо позже, ФБР так и не удалось получить доказательства того, что Кинг находится «под влиянием коммунистов».

В 1977 году министерство юстиции США официально сообщило миру, что свидетельств, доказывающих, что Мартин Лютер Кинг был коммунистом, не существует; не существует также свидетельств, что Мартин Лютер Кинг был связан с коммунистической партией; не существует свидетельств, что Южный Совет христианского руководства, возглавлявшийся Кингом, был организацией, ставившей перед собой иные задачи, кроме задач борьбы за гражданские права негров; не существует свидетельств, что советники д-ра Кинга рекомендовали ему действия, которые можно было бы считать соответствующими коммунистическому курсу...

Но об этом было заявлено только в 1977 году, через пятнадцать лет после того, как ФБР впервые обвинило Кинга в «подверженности коммунистическому влиянию», и через девять лет после выстрела в Мемфисе (после убийства Кинга ФБР не снимало с него этого обвинения). Но даже если бы связи Кинга с компартией были реальностью, разве это могло считаться преступлением? Ведь Коммунистическая партия Соединенных Штатов — легальная политическая организация. На каком же основании ФБР занималось поисками связей Кинга с легальной политической организацией?

Вряд ли мы получим ответ на этот вопрос у кого-нибудь из блюстителей закона в США.

«Отделение уничтожения Кинга» не только следило за вождем черных американцев, не только подслушивало все его разговоры, но и издевалось над ним. Сотрудники ФБР не раз звонили по телефону в пожарную команду и сообщали, что в доме Кинга — пожар. Туда прибывали пожарные машины. Шум, претензии, оскорбления. Ему посылались угрожающие письма, мерзкие безделушки. Нетрудно представить — сколько нервов все это стоило Кингу!..

Подслушивание же его разговоров приняло такие масштабы, что ФБР сочло возможным установить свое оборудование даже в отеле в Стокгольме, когда Кинг приехал туда получать Нобелевскую премию мира...

Одновременно ФБР по указанию своего директора проводило кампанию «утечки» информации о Кинге в прессу. Иначе говоря, кампанию активного распространения среди корреспондентов американских газет разных слухов, дискредитирующих Кинга. И не только слухов, но и готовых статей, сфабрикованных магнитофонных пленок или расшифрованных текстов разговоров, записанных в доме Кинга, в офисе и в гостиничных номерах, где он останавливался...

К осени 1964 года эта кампания велась уже по всем правилам беспощадной психологической войны, хотя слово «война» здесь не совсем подходит — война все-таки предполагает двусторонние действия. Федеральное бюро расследований просто объявило Мартина Лютера Кинга «врагом номер один».

Вот перечисление наиболее заметных действий ФБР против Кинга только в одном 1964 году.

В январе Гувер выступал с нападками на Кинга перед комиссией палаты представителей конгресса по ассигнованиям и вручил председателю комиссии конгрессмену Джону Руни фальсифицированные записи подслушанных разговоров.

В марте 1964 года официальные лица из ФБР выступали в университете Маркетт для того, чтобы предотвратить присуждение Мартину Лютеру Кингу звания почетного профессора этого университета.

В марте министру юстиции был послан «совершенно секретный меморандум», целиком посвященный дискредитации Кинга.

В июне официальные лица из ФБР информировали руководителей Национального совета церквей и других влиятельных церковных организаций о «моральной нечистоплотности» Кинга и требовали, чтобы те прекратили свою поддержку движения за гражданские права негров и его лидера.

В сентябре ФБР обратилось к кардиналу Спеллману с требованием повлиять на папу Павла VI, чтобы тот не давал аудиенции Мартину Лютеру Кингу.

В течение всего 1964 года ФБР рассылало и предлагало магнитофонные записи и другие материалы, порочащие Кинга, известным журналистам и газетным обозревателям, таким, например, как Майк Ройко из «Чикаго дейли ньюс» или Ральф Макгилл из газеты «Атланта Конститьюшн».

Уже упомянутый нами Карт Делоуч, который занимался у Гувера связями с прессой, пытался вручить фальшивки, компрометирующие Кинга, известному журналисту Бенджамину Брэдли. Во время встречи, которая проходила в кабинете Делоуча, тот предложил Брэдли ознакомиться с записями бесед, которые вел Мартин Лютер Кинг. Причем, не особенно стесняясь, дал понять, что имеются в виду беседы, записанные при помощи тайных микрофонов в гостиничных номерах, в которых проживал Кинг. Брэдли почувствовал неловкость положения и под благовидным предлогом отказался получить эту запись, а о предложении Делоуча рассказал при первом удобном случае министру юстиции (им был тогда уже Катценбах). Обеспокоенный министр, по-видимому, понял опасность, которую таят подобные незаконные действия ФБР, и доложил о рассказе Брэдли президенту Джонсону.

Президент выслушал Катценбаха внимательно, сидя в кресле-качалке возле камина, но ничего не ответил, будто не слышал своего министра. И все же Катценбах, как он потом через много лет рассказывал, вынес после этой беседы «твердое убеждение», что Джонсон наверняка что-то сделает для того, «чтобы остановить безрассудную кампанию ФБР».

Линдон Джонсон действительно был раздосадован, но, как оказалось, не поведением ФБР, а поведением Брэдли. Один из ближайших советников президента позвонил Делоучу после визита Катценбаха и сказал: президенту стало известно, что некий корреспондент разносит по городу слух о том, что ФБР незаконно подслушивает разговоры Кинга, а записи этих разговоров предлагает журналистам для печати; президент рекомендует ФБР не доверять больше означенному журналисту...

Помощник также передал Делоучу пожелание президента, чтобы материалы о Мартине Лютере Кинге стали известны более широкому кругу влиятельных людей.

Солдаты национальной гвардии и рабочие — уборщики мусора в Мемфисе в марте 1968 года.

С подобными предложениями ФБР обращалось, конечно, не к одному Брэдли. И далеко не все, к кому обращалось заведение Гувера, находили в себе силы поступать так, как поступил Брэдли. Кроме того, у ФБР имелся «специальный список корреспондентов», на которых можно было опереться, многие газеты имели с ФБР постоянные связи. Таким образом, у Гувера не было недостатка в органах печати, где ФБР могло помещать свои пасквили на Мартина Лютера Кинга.

Война против Кинга расширялась. В нее вводились все новые и новые элементы.

18 ноября 1964 года Гувер выступал перед группой женщин-журналисток в Вашингтоне.

Обычно он не устраивал пресс-конференций. Довольно редко встречался с журналистами, даже с самыми известными и видными. А тут вдруг сам потребовал устроить ему встречу с группой женщин-репортеров из мелких провинциальных газет, приехавших в Вашингтон туристами. Он собрал их в конференц-зале ФБР, но, прежде чем отвечать на вопросы, сказал, что выступит перед ними с заявлением. Все это было совершенно необычно для него, непохоже на его известное всем поведение с журналистами.

Для чего это ему понадобилось, выяснилось несколькими минутами позже.

Он говорил о положении в стране, касался различных сторон жизни, хвастал успехами Федерального бюро расследований и затем объявил, что скажет несколько слов о расовых проблемах. Тут он сделал паузу и затем подчеркнуто громко и медленно произнес: «Прежде всего я хочу вам сказать, что доктор Мартин Лютер Кинг — самый отъявленный обманщик в нашей стране!..» Потом снова сделал паузу, отпил воды из стакана и продолжал выступление.

Заявление его было настолько неожиданным, настолько непонятным и оскорбительным для всемирно известного человека, что даже журналистки из провинциальных газет были шокированы, долго перешептывались, крутили головами, с испугом и удивлением глядя на всесильного директора ФБР.

На этом совещании присутствовал все тот же Карт Делоуч, глава отдела ФБР по отношениям с прессой, человек, который занимался распространением порочащих Кинга фальшивок. Даже он был поражен слишком, как он считал, открытым выступлением Гувера.

ОДНОГО УБИЙСТВА

В удивлении, беспокойстве он воззрился на директора ФБР, ожидая, что тот хотя бы предупредит журналисток, чтобы они не цитировали в газетах это место из его речи. Но выступление Гувера продолжалось, а никаких оговорок и никаких предупреждений он не делал. Тогда Делоуч вырвал из записной книжки листок бумаги, вынул ручку и быстро написал, что, по его мнению, было бы полезно изменить фразу, сказанную о Кинге, или указать корреспонденткам, чтобы они не ссылались в печати на директора ФБР. Гувер взял записку в руки, сделав паузу, прочитал ее, смял, выбросил в мусорную корзину и продолжал речь. Делоуч, думая, что директор неправильно понял его, послал ему вторую записку. Тот выбросил ее в корзину, не читая. Обеспокоенный Делоуч принялся было писать в третий раз, но Гувер остановился, обернулся к нему и сказал громко, так, что было слышно в зале: «Не вмешивайтесь не в свое дело».

Когда одна из журналисток в конце встречи спросила Гувера, можно ли цитировать всю его речь, ссылаясь на него, Гувер спокойно ответил — конечно.

Вся встреча с третьестепенными журналистками была организована Гувером только для того, чтобы он мог произнести эту свою, ставшую печально знаменитой, фразу. Гувер полагал, что авторитет директора мощнейшего Федерального бюро расследований, если не уничтожит, то по крайней мере непоправимо пошатнет моральный авторитет Кинга. Гувер был уверен, что его слов будет достаточно, чтобы дискредитировать Кинга не только перед страной, но и перед всем миром.

Десятки, а может быть, сотни американских газет напечатали это заявление директора Федерального бюро расследований. Однако моральный авторитет Кинга не только не пошатнулся, но, может быть, даже возрос из-за того, что его пытался оскорбить именно Гувер.

Трудно сказать, понимал ли это сам Гувер. Во всяком случае, он видел, что столь желанного им «разрушения» Кинга не произошло. Видел и продолжал действовать.

Через три дня после своего заявления на собрании женщин-журналисток директор ФБР предпринял новую акцию.

УИЛЬЯМ САЛЛИВЭН. Я получил приказ от Гувера организовать посылку магнитофонной пленки жене Кинга.

ВОПРОС. Непосредственно от Гувера?

САЛЛИВЭН. Нет, от помощника Гувера — Алана Дельмонта.

ВОПРОС. Как это произошло?

САЛЛИВЭН. Дельмонт позвонил мне, мы встретились. И он сказал, что Гувер и Доусон хотят переправить Коретте Кинг некоторые магнитофонные пленки для того, чтобы разбить ее брак с Кингом, заставить их развестись и тем самым уничтожить моральный статут Кинга. Я возразил...

ВОПРОС. По моральным соображениям?

САЛЛИВЭН. Нет, по практическим. Я сказал: «Она немедленно поймет, что пленки от ФБР».

ВОПРОС. Что же ответил Дельмонт?

САЛЛИВЭН. Он сказал, что Гувер хочет остановить Кинга раз и навсегда. И что эти пленки заставят Кинга остановиться. Дельмонт сказал также, что он с т е р и л и з о в а л[1] пленки так, что госпожа Кинг никак не узнает, что они посланы от ФБР. Он сказал: «Я распоряжусь, чтобы пленки запаковали соответствующим образом. Я пришлю их вам в ящике».

ВОПРОС. Больше вы не возражали?

САЛЛИВЭН. Я получил ящик в назначенное время и просмотрел пленки. Мне показалось, что они состояли из нескольких пленок, может быть, из трех.

ВОПРОС. Значит, ФБР сделало, так сказать, искусственный монтаж, то есть фальшивку?

САЛЛИВЭН. Может быть, это был монтаж даже более чем из трех пленок, я не знаю.

ВОПРОС. Кто готовил эту подделку?

САЛЛИВЭН. Работа была проведена лабораторией ФБР.

ВОПРОС. В Вашингтоне? В главном штабе ФБР?

САЛЛИВЭН. Да.

ВОПРОС. Кто давал этой лаборатории распоряжение об изготовлении фальшивки?

САЛЛИВЭН. Мне кажется, туда звонил Дельмонт. Но как это было сделано, я не знаю.

ВОПРОС. А сам Гувер с вами по этому поводу не разговаривал?

САЛЛИВЭН. Гувер позвонил мне по телефону и распорядился, чтобы пакет был послан Коретте Кинг не из Вашингтона, а из какого-нибудь южного города.

ВОПРОС. Для маскировки фэбээровского происхождения пленки?

САЛЛИВЭН. Я выбрал агента, который умел держать язык за зубами. Я тщательно выбирал — нужен был такой, который никогда никому об этом не расскажет. На всякий случай я не сказал ему, что было в пакете, сказал только, что его задача — взять этот пакет, поехать во Флориду и послать его оттуда почтой по адресу, который я ему сообщу. Он все это исполнил. Затем вернулся и доложил, что дело сделано.

ВОПРОС. А вы доложили Гуверу?

САЛЛИВЭН. Я никогда не обсуждал с Гувером это дело после того, как мы его выполнили.

ВОПРОС. И Гувер никогда не упоминал о нем?

САЛЛИВЭН. Никогда. Во всяком случае, в моем присутствии.

В пакете, который по распоряжению Гувера был послан Кингу, была не только пачка пленок.

Там было и письмо. Анонимное письмо с угрозой.

Вот его текст:

«Кинг! Тебе остается только одна вещь, которую ты можешь сделать. Ты знаешь — какая. В твоем распоряжении только 34 дня, чтобы воспользоваться этим (срок выбран не случайно, он имеет определенное практическое значение). С тобой покончено. У тебя лишь один выход. Советуем тебе сделать это до того, как твоя грязная мошенническая душа будет разоблачена перед всем народом».

Такое письмо рядом с магнитофонной пленкой, которая должна была, по замыслам ФБР, разрушить семью Кинга и тем самым непоправимо подорвать его моральный авторитет, не могло быть не чем иным, как шантажом, понуждением к самоубийству.

Именно так Кинг и расценил его, получив пакет. Об этом свидетельствует один из его близких сотрудников в те времена — Эндрю Янг:

«Кинг понял, что кто-то непременно хочет заставить его совершить самоубийство».

Кто был автором письма? С точностью установить это, видимо, невозможно. Может быть, сам Гувер (тут чувствуется его решительный почерк), может быть, Толсон, его ближайший друг, может быть, Салливэн. Черновик письма был найден в бумагах именно Салливэна после того, как Гувер, поссорившись со своим помощником, выгнал его из ФБР, а сам умер.

САЛЛИВЭН. Я не писал этого письма! Черновик его был просто подложен в мои бумаги для того, чтобы позже скомпрометировать меня. Я уверен в этом!..

Имя непосредственного автора письма не имеет никакого значения, поскольку в точности установлено, что его посылали Кингу по личному распоряжению Эдгара Гувера, и, конечно, директор ФБР как минимум одобрил текст письма, если сам не написал или не продиктовал его.

«Мистическое» число — 34 дня, названное «не случайно»,— объяснить нетрудно. Если отсчитать ровно 34 дня от 21 ноября 1964 года, когда это письмо было послано, то последний, 34-й день падает на праздник рождества. Авторы письма, возможно, надеялись, что Кинг покончит с собой в канун или в день праздника. Это выглядело бы «карой свыше».

К счастью, магнитофонная фальшивка, столь тщательно подготовленная ФБР, не оказала практически никакого воздействия на отношения между Кореттой и Мартином Лютером Кингом. Несмотря на все меры предосторожности, принятые специалистами из ФБР, несмотря на тщательную «стерилизацию», уши старика Гувера явственно торчали из пакета, полученного Кингом.

КОРЕТТА КИНГ. Мы получили пленку, которая вызывала скорее любопытство, чем какое бы то ни было другое чувство. Вместе с Мартином мы прослушали запись и нашли всю фальшивку глупой. Несмотря на угрожающее письмо, мы пришли к заключению, что в этой пленке не было ничего, что могло бы дискредитировать Мартина. И, конечно, быстро поняли, что пленка была сфабрикована на основе тайного подслушивания. Нетрудно было также понять, что вся эта затея — дело рук ФБР.

Итак, Мартин Лютер Кинг не поддался на угрозу ФБР. И не последовал «совету» совершить самоубийство. Более того, вся эта грязная история имела один положительный момент для Кинга. Теперь он совершенно точно знал, что любой гостиничный номер, в котором он останавливался, любой частный дом, куда он приходил, его собственный дом и его офис круглосуточно находились под электронным наблюдением агентов ФБР.

На другой день после получения пленки Кинг встретился с Ральфом Абернети и Эндрю Янгом. Он включил магнитофон и попросил их прослушать сфабрикованную запись. А затем сказал, что отныне он точно знает: полагаться на охрану ФБР больше нельзя.

Гувера постигло разочарование. При всем могуществе электронной техники, которой он располагал, при его уме, изворотливости, опыте он никак, однако, не мог понять и оценить всю внутреннюю моральную силу движения за гражданские права.

Кинг и его движение продолжали жить.

И пока Кинг был жив, каждое его действие, каждая его заметная речь вызывали немедленную реакцию ФБР, которое рассылало по разным адресам все новые и новые материалы, порочащие Кинга.

ФБР распустило слухи о том, что Кинг имеет в швейцарском банке секретный счет, и даже объявило, что посылает туда своих агентов для проверки.

Совместно с налоговым управлением ФБР начало кампанию по проверке уплаты налогов организацией Кинга для того, чтобы найти или сфабриковать «финансовые нарушения» и дискредитировать движение.

ФБР оказывало давление на журналы и издательства, чтобы те не публиковали статей и книг, написанных Мартином Лютером Кингом.

В 1967 году Кинг и его организация стали основными объектами деятельности ФБР по так называемой программе «Коинтелпро», которая официально была направлена против «черных групп ненависти». Согласно этой программе, ФБР снабжало прессу материалами, обвинявшими Кинга в попытках спровоцировать в 1968 году — году выборов президента — насилие в стране.

В 1967 году Кинг впервые открыто выступил против войны во Вьетнаме. Соответствующая «монография» была немедленно разослана в Белый дом, Государственный департамент, министерство обороны, в сенат и конгресс.

Когда в 1968 году Кинг объявил о своем плане весеннего наступления на Вашингтон (который позже стал известен как поход бедноты на Вашингтон), среди высших представителей вашингтонской власти была немедленно распространена другая «монография», порочащая Кинга.

Даже после смерти Кинга, когда некоторые конгрессмены собирались объявить день его рождения национальным праздником, руководители ФБР созвали представителей конгресса для того, чтобы лгать им о «личной жизни» Кинга.

Не нужно быть юристом, чтобы разобраться в противозаконной основе всего этого издевательства над Кингом.

Прослушивание телефонных разговоров человека, известного всему миру, на основе недоказанных, неподтвержденных и незаконных обвинений его в связях с коммунистами (Коммунистическая партия США — легальная политическая организация) было нарушением прав человека и должно было караться законом.

Установление микрофонов дома и в офисе Кинга, а также во всех гостиничных номерах, где останавливался Кинг, противоречило конституции и являлось множественным нарушением прав человека. Это преступление должно было караться законом.

Фальсификация записей, препарирование их в нужном для ФБР свете и распространение среди корреспондентов газет являлось нарушением элементарных прав человека и должно было караться законом.

Кампания клеветы, травли, преследования, запугивания и шантажа, которая велась против Кинга государственными органами власти с молчаливого или прямого одобрения президента, министра юстиции, сената, палаты представителей, а также прессы, была вопиющим нарушением прав человека — преступлением, за которое прямые виновники и соучастники должны были бы нести ответственность перед законом.

Однако ни одно официальное лицо в США не понесло наказания за издевательскую, незаконную, оскорбительную кампанию против Кинга, за войну, которую вело г о с у д а р с т в о с целью уничтожения доброго имени выдающегося американца.

И ни одно высокое официальное лицо в Соединенных Штатах Америки не потребовало прекращения этой кампании, этой войны. Ни президент Джон Кеннеди, ни президент Линдон Джонсон, ни министр юстиции Роберт Кеннеди, ни следующий министр юстиции Ни-

[1] «Стерилизовать» — удалить отпечатки пальцев, монтажные скачки и другие признаки, по которым можно определить происхождение фальшивки. Техника, которой располагало ФБР, позволила из отдельных реплик, вырванных из контекста бесед, фабриковать «слитный» разговор практически любого нужного содержания.

колас Катценбах, ни сенаторы, ни конгрессмены, ни представители крупной буржуазной прессы.

Весной 1968 года Кинг готовил поход бедняков на Вашингтон. 22 апреля они должны были направиться в столицу из разных городов Соединенных Штатов, чтобы мирной этой демонстрацией привлечь внимание всей страны — самой богатой страны капиталистического мира — к бедственному положению ее неимущих.

Сама идея этого похода, в котором должны были участвовать не только негры, но и белые, и индейцы, и мексиканцы, и пуэрториканцы — бедняки независимо от их национальности, вероисповедания или цвета кожи,— была принципиально новым шагом в движении за гражданские права, в развитии взглядов самого Кинга.

Кинг становился все опаснее. «Мечтатель» все прочнее стоял на земле. Он все глубже понимал, что проблему гражданских прав для черного населения Америки невозможно решить в отрыве от общих социально-политических проблем.

Поход бедняков был направлен и против войны во Вьетнаме.

ИЗ РЕЧИ, ПРОИЗНЕСЕННОЙ МАРТИНОМ ЛЮТЕРОМ КИНГОМ В ЦЕРКВИ РИВЕРСАЙД В НЬЮ-ЙОРКЕ 4 АПРЕЛЯ 1967 ГОДА:

«...С тех пор, когда я решился нарушить свое предательское молчание и начал говорить о том, что скрывалось в глубине моего пылающего сердца, когда я стал призывать к полному прекращению разрушительной войны во Вьетнаме, многие спрашивали меня, разумно ли я поступил, избрав этот путь. В глубине их души не раз возникали вопросы: «Почему вы, д-р Кинг, говорите о войне? Почему именно вы присоединяетесь к голосам протеста? Ведь борьбу за мир нельзя смешивать с борьбой за гражданские права». Не поврежу ли я этим делу своего народа, спрашивали меня. И когда я слышу этих людей, то часто, даже понимая причины их озабоченности, я не могу не чувствовать печали, ибо эти вопросы означают, что спрашивающие не понимают по-настоящему ни меня, ни моего призвания, ни моих обязательств. Их вопросы означают, что они просто не знают мира, в котором живут.

Я проповедник и думаю поэтому, что вам не покажутся странными те семь основных мотивов, по которым именно Вьетнам предстал перед моим внутренним взором. Прежде всего существует совершенно очевидная и почти непосредственная связь между войной во Вьетнаме и той борьбой, которую я вместе с другими веду в Америке. Несколько лет назад мне показалось, что в этой борьбе мелькнул просвет надежды. Надежда для бедняков, как черных, так и белых, воплотилась, казалось бы, в программе «войны с бедностью». Проводились эксперименты, возникали новые предположения и начинания. Затем началась эскалация войны во Вьетнаме, и мы увидели, как общество, помешавшееся на войне, ломает и потрошит эту программу, словно надоевшую политическую игрушку. Я понял, что Америка никогда больше не сделает попытки привлечь необходимые средства и энергию для помощи своим беднякам, пока авантюры, подобные вьетнамской войне, не перестанут, как адский насос гигантской разрушительной силы, выкачивать из нее средства и людские резервы. Это все более и более убеждало меня в том, что война враждебна беднякам, и именно поэтому заставляло с ней бороться.

Возможно, что действительность предстала передо мной в еще более трагическом свете, когда мне стало ясно, что война не только сводит на нет надежды бедняков, но и посылает сражаться и умирать сыновей, мужей, братьев этих бедняков, причем доля их необычайно велика в сравнении с остальной частью населения. Мы берем темнокожих юношей, искалеченных нашим обществом и посылаем их за 8 тысяч миль защищать в Юго-Восточной Азии свободы, которых они не могли найти в юго-западной Джорджии или восточном Гарлеме. По жестокой иронии судьбы мы наблюдаем по телевизору, как вместе убивают негры и белые и как они вместе погибают за государство, которое не в состоянии посадить их за одну и ту же школьную парту. Мы видим, как они, объединенные жестокостью в одно целое, жгут нищие деревушки, но мы прекрасно понимаем, что в Детройте они никогда не смогут жить в одном квартале. Перед лицом этих жестоких издевательств над бедняками я не могу молчать.

Третья причина моего выступления еще более обоснованна, ибо исходит из опыта, полученного мною в различных гетто Севера за последние три года, особенно за последние три лета. Находясь среди отчаявшейся, отверженной и разгневанной молодежи, я говорил ей, что бутылки с зажигательной смесью и ружья не разрешат их проблем. Я пытался выразить им свое глубокое сочувствие, продолжая придерживаться убеждения, что социальные изменения, полные самого глубокого смысла, есть результат ненасильственных действий. Но они спрашивали — и справедливо: «А как же Вьетнам? Разве наше государство не использует массовое насилие для разрешения своих проблем и достижения желаемых им перемен?» Их вопросы били не в бровь, а в глаз, и я понял, что никогда более не смогу поднять свой голос против насильственных действий угнетенных в гетто, пока не выскажусь откровенно о том, кто более всего применяет сейчас насилие в мире,— о моем собственном правительстве. Во имя этих парней, во имя своего правительства, во имя сотен тысяч людей, живущих под гнетом насилия, я не могу молчать.

Для людей, которые задают вопрос: «Разве вы не лидер движения за гражданские права?» — и тем самым стараются исключить меня из рядов борцов за мир, у меня есть следующий ответ: в 1957 году, когда наша небольшая группа организовала Южный совет христианского руководства, мы выбрали девиз: «Спасем душу Америки». Мы были глубоко убеждены в том, что нам не следует ограничиваться только борьбой за определенные права негров, но выразили уверенность, что Америка не сможет стать свободной или спасти свою душу, пока потомки ее рабов полностью не сбросят цепи, которые они все еще влачат.

Далее. Должно быть абсолютно ясно, что если вы озабочены единством и существованием Америки, то сегодня вы не можете игнорировать войну во Вьетнаме. Если душа Америки окажется совершенно отравленной — рассеките ее, и вы увидите среди прочих ядов также и Вьетнам. И до тех пор, пока Америка разрушает самые сокровенные надежды людей во всем мире, ее нельзя будет спасти. Поэтому те из нас, кто твердо решил, что Америка «будет Америкой», встают на путь протеста и неповиновения, действуя тем самым на благо своей страны...»

(Эта первая большая речь Мартина Лютера Кинга против войны во Вьетнаме, вызвавшая огромный резонанс в стране, была произнесена 4 апреля 1967 года. Убит он был ровно через год — 4 апреля 1968 года — день в день.)

Нападки на Кинга усиливались. Бывшие его друзья, умеренные негритянские лидеры резко критиковали его за то, что он вмешивался в политику и потребовал прекратить войну во Вьетнаме. Левацкие группы с трансплантированными туда секретными сотрудниками ФБР проклинали его за «позицию активного ненасилия». Так называемые либеральные газеты, которые раньше поддерживали Кинга, обрушились на него.

ЭНДРЮ ЯНГ. Для Мартина Лютера Кинга было настоящим горем оказаться под атакой людей, которых он раньше уважал. Он тяжело переживал, например, когда против него выступил Ральф Мангилл (которого, как известно, снабдили материалами против Кинга официальные лица из ФБР.— Г. Б.). Я видел, как Мартин Лютер Кинг сидел и плакал, когда прочел в газете «Нью-Йорк таймс» передовую статью, в которой его ругали за выступление против войны во Вьетнаме. Он плакал, он горевал, но это не уменьшало его решимости. Наоборот, увеличивало ее.

Травля Кинга достигла высшей точки именно к весне 1968 года, накануне похода бедняков, который мог стать крупнейшей в истории 60-х годов бедняцкой демонстрацией против социального неравенства в США, против войны, против расизма. Тот факт, что поход был назначен на конец апреля и бедняцкие караваны должны были сосредоточиться в Вашингтоне к 1 мая, наполнял план Кинга устрашающей символикой классового объединения неимущих.

В тревожные дни марта 1968 года в столице штата Теннесси Мемфисе проходила стачка санитарных рабочих — городских уборщиков мусора, преимущественно черных. Она началась еще в феврале. Рабочие местного профсоюзного отделения № 1733 требовали признания своего профсоюза, прекращения расовой дискриминации при приеме на работу, увеличения зарплаты и улучшения условий страхования труда. Мемфисские власти отказывались выполнить эти требования. Священник Джеймс Лоусон, глава стачечного комитета, попросил Кинга поддержать санитарных рабочих Мемфиса и 28 марта принять участие в мирной демонстрации протеста против позиции городских властей. Присутствие Кинга должно было привлечь к мемфисской стачке внимание страны и оказать давление на муниципалитет.

Кинг принял предложение Лоусона.

...Гувер только что закончил разговор по телефону, во время которого больше слушал, почти ничего не говорил, лишь изредка обозначая свое присутствие на этом конце телефонного провода коротким «хм». Положив трубку, не глядя на Салливэна, тактично отошедшего во время разговора подальше от Старика (трубка специальной связи была звучной, и в двух метрах можно было невзначай услышать из нее, даже прижатой к уху, то, что слышать не полагалось), Гувер сделал несколько пометок в блокноте, лежавшем перед ним, затем легонько крутанул себя в кресле вначале в одну сторону, потом в другую,— это всегда было признаком хорошего настроения — и сказал:

— Слушайте, Билл. Вам никогда не приходилось бывать на генеральных репетициях?

— Нет, не приходилось,— сказал Салливэн, улыбаясь и делая несколько шагов к столу шефа. Глядя на директора веселыми глазами, он как бы приглашал его продолжить шутку: ну, ну, что там такое с генеральными репетициями? Новый анекдот о хористке? Старик любил такие анекдоты, хоть и рассказывал их редко, только в минуты уж очень хорошего настроения.

Гувер же не смотрел на Салливэна. А взгляд, все еще привязанный к блокноту, был серьезен.

— Есть генеральные репетиции совсем закрытые,— начал Гувер неторопливо, как лекцию,— когда в зал не пускают никого. Даже актеров, которые свободны. В зале сидит только режиссер. И он не хочет, чтобы кто-нибудь, кроме него, судил о спектакле...

Поощрительная улыбка еще не сошла с лица Салливэна, хотя он уже понял — директор вовсе не собирается рассказывать анекдоты.

— ...Но есть генеральные репетиции, на которые приходит пресса, чтобы ко дню премьеры критики успели заготовить рецензии...— Гувер все еще не смотрел на Салливэна.— От такой генеральной репетиции зависит судьба спектакля. Если генеральная не понравится рецензентам — публика не пойдет на спектакль. Он не проживет и двух дней... Понятно?

Салливэн все еще не понимал, к чему клонит старик. Ну не о театре же он в самом деле решил сегодня говорить со своим заместителем. Гувер, видимо, угадал мысли Салливэна.

— Есть интересная идея. Судя по всему, Кинг согласился возглавить марш мусорщиков в Мемфисе 28 марта, чтобы провести, так сказать, генеральную репетицию перед походом бедняков 22 апреля...

— Я так и понял,— кивнул Салливэн.

— Это хорошо,— почти весело согласился директор.— Это очень хорошо, что вы поняли, Билл. Вот и займитесь этой генеральной репетицией, всерьез займитесь. Мне кажется, этот ловкач дал большого маху, согласившись показать спектакль до премьеры.— Гувер снова покрутил себя в кресле, а затем всем корпусом потянулся к Салливэну, будто хотел сообщить ему что-то доверительное.— Он п о д с т а в и л с я. Ясно? — И повторил с ударением: — П о д-с т а-в и л-с я...

— Да, понятно,— опять кивнул Салливэн, улавливая в голосе Гувера особо значительную интонацию.

— Пошлите толковых людей. Самому ехать не надо. Там начальником полиции работает Холломен. Серьезный человек... И помните: сорвется генеральная репетиция — не будет спектакля. Пусть Мемфис докажет нашим,— он скривился и произнес насмешливо,— севдолибералам (Гувер всегда говорил именно «севдолибералы», полагая, что так это слово звучит особенно презрительно), что м и р н ы х черных маршей нынче не бывает. Побьют там сотню-другую витрин — и сразу тут у нас на севере забеспокоятся... Я ведь его знаю, нашего севдолиберала. Он за помощь бедным черным до тех пор, пока у его жены мальчишка-ниггер не вырвал сумочку с кредитной карточкой от Гимблса. Жулики.

Он замолчал, глядя, как Салливэн быстро водит карандашом в блокнотике. «И ты тоже жулик,— без злобы подумал Гувер.— Подхалим и жулик... Когда умру, будешь меня первый продавать. И записи сейчас делаешь, чтобы потом книжечку обо мне выпустить, пасквиль, и заработать... Но только зря ждешь...»

А вслух сказал:

— Когда все это случится в Мемфисе, надо будет позаботиться, чтобы слова «генеральная репетиция» были во всех газетах...— Он посмотрел прямо на собеседника.— А случиться там могут б о л ь ш и е б е с п о р я д к и. Вы же знаете, у Кинга много противников. Надо п о д у м а т ь о е г о б е з о п а с н о с т и. Очень в н и м а т е л ь н о подумать о безопасности... Ну, в общем, примите все меры...

Карандаш замер в руке Салливэна. Не отрываясь, он смотрел в лицо Гувера, стараясь отыскать в выражении глаз подтверждение своей догадке. Но лицо Старика было непроницаемым...

Окончание следует.

АНДРЕЙ РУБЛЕВ

Игорь ДОЛГОПОЛОВ,
заслуженный деятель искусств РСФСР

«Андроний» — Андроников монастырь. Темны, узки твои кельи. Андрей Рублев вышел на широкую площадь у монастыря. Глаза слепил от сияния свежего снега, голубых теней крутых сугробов. Справа черной змейкой струилась дымная Яуза. Резкий уклон повел инока вдоль берега реки к Москве. Вдали виднелись купола Кремлевских храмов. Какой-то мальчонка чуть не сбил Рублева, подъехав под ноги на салазках-самоделках. Приподнялся, белозубый, румяный, и поглядел в лицо инока — прямо, озорно. Светлые глаза искрились весело и приветливо.

— Не зашиб? — спросил он.

Андрей приподнял мальчонку на руки и внимательно посмотрел в сияющие очи ребенка. Поставил малыша на снег и быстро зашагал в город. Чем ближе подходил он к Кремлю, тем гуще становилась толпа, тем чуднее и пестрее попадались встречные. Пьяные ярыжки толкались у кабаков. Скрипя полозьями, проносились боярские сани. Рядом, горяча коней, скакали дворовые. Кричало воронье. Откуда-то доносились звуки сопелки, бубна. Шла гульба... Вот и Кремль. Успенский собор. Просторно, соразмерно высятся храмы. Рядом шумит темный бор, еще недорубили. Медленно, неспешно падают большие мягкие снежинки, серебря купола собора. Гремят вериги юродивых. Кое-как прикрытые рваньем убогие расположились на снегу. Их костлявые руки жадно тянутся, просят, молят. Рублев шагнул в широкий раствор врат храма. Темные приделы еле освещались тускло горевшими свечами. Сладко пахло ладаном. Монотонно гудела толпа молящихся. Служба шла к концу. Гулко прозвучали одинокие шаги... Андрей попросил стремянку. Жадно впился глазами в темные лики древних икон. Строгие образы византийского письма взирали сурово на пришельца. Истощенные постами апостолы словно вопрошали — что тебе надобно, инок? Живописец знал, что ему предстоит создать нечто свое, что не должно отгораживаться от жизни. Не пугать, не стращать верующих, а беседовать с ними сокровенно. Но для этого надо знать, уметь. И поэтому он здесь изучает, изучает письмо древних...

Еще одна свеча погасла. Стало темно. Пора идти домой — за Яузу.

Черное зимнее небо окутало город. Тихо. Хрустит снег под ногами, и вдали уже виднеется Спасо-Андроников монастырь. Словно очнувшись от сна, Андрей вздрогнул. Сквозь темные лики икон на него будто взглянули голубые глаза встреченного им мальчишки. Он снова как бы почувствовал в этих маленьких зеркалах огромный мир, Москву, Русь, надежды, чаяния людей. «Им уже жить мирно,— подумал Андрей.— Но надо этот мир добыть». Влажный, свежий ветер, пахнущий снегом и юностью, заставил Рублева вдруг вспомнить родной дом, давно ушедшую золотую пору детства. Страшные минуты нашествия. Смерть близких. Гарь и чад руин.

«Действовать»,— вспомнил он завет Сергия Радонежского...

Как дивное эхо давным-давно ушедших времен, завораживают взор творения Андрея Рублева, открывшего людям прелесть неяркой красы Руси. Просторы небес, золотые пажити ее полей, голубые очи озер и неторопливость рек. Вещий голос живописи Рублева — чистый, правдивый, доносится из глубины веков, и мы, слушая неспешный этот рассказ, ощущаем легендарную пору становления Отчизны, видим белокаменные храмы, зубчатые стены и гордые башни крепостей, шумные площади многолюдных городов. Редкой красотой любы нам творения Рублева, ибо угадываем в них душу пращуров наших.

Прислушайся... и вдруг из бездны времени предстанут пред тобой стройные ряды шлемоблещущих воинов, лес копий, сверкание мечей и... женский плач. Набежала черная кочевничья туча на красно солнышко, полетели вражьи стрелы, и несть им числа. Много, много горького повидала Русь. Сын ее Андрей Рублев донес до дней сегодняшних радость и печали своего времени — в них муки, испытания, которые принял народ.

Слыхали ли вы благовест колоколов старых храмов Руси, когда он плывет в лазоревом небе, и сама земля кажется сказочной, былинной. Наступают сумерки, и все приметы нынешнего дня уходят в закатную мглу, мы все яснее и четче воспринимаем чистоту звучания вечернего звона. И дело не в том, что давным-давно ушли времена, когда были построены церкви с чеканными силуэтами, гармонирующими с пейзажем. Легко дышится в этом, как медом напоенном, воздухе, в котором растворен аромат полевых цветов и трав, горький запах костров... Загорается первая звезда в бездонной тьме наступившей ночи, и мы еще полны звучанием говорящих колоколов, до слез тронуты радостью общения с природой своей Родины. Такое чувство сопричастности Отчизне просыпается, когда глядишь внимательно и пристрастно на рублевские создания. В них будто слышится зов земли, пусть перенесшей тяготы, но знавшей и радость славных побед. Много в мире создано творений великих и грандиозных, не счесть мастеров-виртуозов, владевших артистично рисунком, живописью, композицией, создавших полотна, в которых действуют десятки фигур. Размах этих холстов иногда потрясает, как и фееричность сюжетов... Но мало кто в этом тысячеликом мире искусства создал произведения, равные по глубине прозрения Рублеву, внешне простые, мудрые той бездонной духовной глубиной, которая отличает поэзию Пушкина и Блока, музыку Глинки и Мусоргского, прозу Гоголя, Достоевского, Толстого.

Любовь к ближнему, простосердечие — вот сила, которая подвигла Андрея Рублева на сотворение немеркнущих шедевров. Труд, школа жизни и искусства помогли ему создать их. В его произведениях говорят не почерк, мазок, удар кисти, а сердце художника.

Рассказывают, что будучи в свое время в Третьяковской галерее, Ромен Роллан провел часы, любуясь «Троицей». Думается, что великий французский писатель в эти часы вспоминал самые сокровенные мгновения своей жизни и пытался проникнуть в тайну Рублева, в ту самую «русскую загадку», которая волновала очень многих по ту сторону границы. Как, несмотря на греческое, византийское влияние, вдруг взялось это первичное совершенство гармонии,— ведь Рублев открыл в мировом искусстве поистине новую красоту. И это в Древней Руси, окруженной дикими кочевниками, среди народа, который не раз вдыхал бурю, пыль и хлад из-под грозных азиатских туч, стонал под игом и победил! Рублев, подобно озеру, отразил бег облаков времени, несших с собою и благодатные мирные ливни и жестокий военный град, передал в образах непреходящих и прекрасных... Он был одним из первых наших художников, понявших всю глубину и ответственность «быть русским человеком», и потому его искусство так современно сегодня.

Истоки. Почва. Как они важны, значимы для истинного мастера. Особую роль в становлении любого крупного таланта играет учитель, тот, кто вводит художника в тайное тайн, в волшебную среду искусства. Этим поводырем молодого Андрея Рублева был великий Феофан Грек, который, по словам просвещенного писателя той поры Епифания, был «преславным мудрецом, зело философом хитрым». Выходец из Византии, поразительный по темпераменту живописец, он был человеком незаурядной силы характера. Рублев, по тем отрывочным сведениям, которые дошли до нас, не был прямым учеником Феофана Грека, но однажды работал вместе с ним над росписью храма. Так столкнулись мятущийся, дерзостный мастер, убеленный сединами, и юный художник, взирающий на «всечестные иконы, наполняясь радости и светлости»... Семена многовековых традиций Византии упали на благодатную почву. Характерно, что мы сегодня много знаем о жизни и творениях живописцев XIV—XV веков Италии, однако судьба Андрея Рублева, строки, рассказывающие о его жизни, так скупы, что до сих пор не установлен ни год его рождения, ни день его кончины. Все смутно и неясно, и эта тьма, покрывающая бытие одного из самых великих наших творцов, удивительна и страшна. Но не надо забывать, что представляла собою наша страна той поры, еще не воспрянувшая от многовекового вражьего ига. Ведь только ратная победа на Куликовом поле в 1380 году наконец разбудила, встряхнула страну от дремы полона. Древняя Россия озарилась светом надежды и мечты. Велика роль Москвы в объединении Руси. Первопрестольная белокаменная становилась градом, воспринявшим заветы великокняжеского Киева и славного Владимира. Русские прикасались к святым родникам античности, им были близки древние святыни и несравненная краса византийского Царьграда. Летописцы языком мудрым и неторопливым рисовали картину величавой эпохи становления России, поры трудной, где быль и легенды жили рядом, а подвиги сынов Руси, почти сказочные, перемешивались с тревожными небесными знаками, зловещими пророчествами, со стихийной первозданностью природы. Этот мир, красочный и загадочный, порою жуткий, коварный, а иногда песенный, находил отражение в искусстве иконописи. В ней сходились самые сокровенные, заветные мечты народа, его стремление к поэзии, правде, не потому ли русская икона потрясает своей напряженной духовностью?

Юность Рублева... Троице-Сергиев монастырь. Синий глухой бор. По извилистым, узким тропинкам спешат чернецы, иноки, старцы. Глухо ударил колокол. Утро. Прохладное, росное. Сизый туман еще стелется по ложбинам, но ранние лучи золотят сосны, ели и купола собора. Среди толпы спешащих на молитву — юный инок Андрей Рублев, русый, худой, с ясными синими глазами, открытым простым лицом. Только крутой лоб, бугристый, остро вырезанные ноздри тонкого хрящеватого носа да линия губ — твердая, чистая, говорили о характере недюжинном и мечтательном. Темная ряса, перехваченная узким поясом, подчеркивала стройность стана, разлет плеч. Особо поражали руки — бледные, небольшие, сильные, с взбухшими голубыми венами. Звонит колокол. Пронзительна свежесть кристально прозрачного воздуха. Легкие бегущие сиреневые тучи на розовом небе, щебет птиц, мерцание росы, шорох шагов и таинственный глухой шепот леса — все это сливалось в картину редкой красоты. Душа радовалась заре, доброй приветливости природы старой Руси. Андрей остановился на миг. Застыл, залюбовавшись лепотой деревянного храма, особо дивной в свете утреннего солнца... Сколько раз видел его. Однако каждый день глядится он по-разному. Особенно хорош собор вечером, когда силуэт куполов, колокольни четко рисуется на закатном небосводе. Тогда говор колоколов будто проникает в самое сердце, наполняя душу покоем и радостью... «Как незаметно летят годы»,— подумал Рублев. Давно ли босоногим мальчишкой пришел он сюда. Сироту приютили старцы, заметили его дар к живописи. Как он мечтал познать тайну византийских мастеров, смелость и красу их икон! Знал ли Андрей, что судьба

Андрей Рублев (около 1360-1370—1427). ТРОИЦА. Государственная Третьяковская галерея.

Андрей Рублев. ТРОИЦА (фрагмент).

сведет его с самим Феофаном Греком, мастером огромного таланта, силы необычайной!

Звонят колокола.

В храме сумрачно. Колеблемые ветром лучины еле теплятся, их мерцающий свет озаряет темные образа. Пучок света, проникший сквозь узкое окно, дымною стрелою вонзился в старинную икону, и в его голубом сиянии словно ожили строгие лики. В тиши храма вдруг прозвучал голос Сергия, негромкий, но слышный всем. Он говорил о добре и зле, о страстях человеческих, об Отчизне... Андрей Рублев зачарованно слушал мудрую речь.

Хор стройно прочел молитву, и эхо гулко и звучно ответило поющим голосам. Андрей вглядывался в лица молящихся. «Надо все запоминать. Каноны стары, обветшали. Нужно письмо новое, человеку близкое»,— думал Андрей...

Сергий Радонежский. Он дал художнику юное по чистоте восприятие мира. Но при всем том Сергий был как никто тверд и привержен идеалам веры в добро и правду. И это навсегда запомнил Андрей. В ту пору, когда люди ожесточались ходом событий, междоусобица и распри одолевали Русь, Сергий находил тихие, задушевные слова, мирил земляков, объединял русских на борьбу против общего врага. Летописцы нарекли его «делателем», ибо поистине все его деяния, как и само бытие его, полное чудесных свершений, превращают Сергия в личность легендарную. Не мечом, топором, дубиной, не криком оглательным,— словом заветным покорял Сергий. Уверял в надобности сплочения, веры и неотвратимости победы над злом. И вот эти слова Сергия Радонежского воплощены в пластические формы Андреем Рублевым, иконы которого и через шестьсот лет потрясают проникновением в суть явления, мудростью и гуманизмом... Не геенной огненной, не плахой адской, не пытками грешников убеждали его фрески и иконы — тихой светозарностью, благостной красотой образов, новой необычной лученосностью проникали в душу народа, сплачивали на борьбу с недругами. Укоризна, осуждение, напоминание, суровость долга — вот мотивы икон и фресок той поры, времени, когда испытание за испытанием ложились на плечи России. Казалось, что гневу рока не будет конца... Однако настал час, когда затрещали устои Орды, надорвались узы, ослабли путы рабства иноземного ига, и Русь одолела врага. Будет еще много мрачных страниц в ее истории, но со дня Куликовской битвы среди мрачных, нависших над Родиной туч проглянуло солнце, и свет разогнал мрак.

...Вскоре он покинет гостеприимные стены Троицкого монастыря и перейдет в обитель, основанную духовным братом Сергия — Андроником, под Москву.

Сквер у Андроникова монастыря сегодня. Ночь, холодный ветер дует с Яузы. Осень. Свежий сырой воздух пахнет прелыми листьями, дождем... Крепкие стены белеют сквозь черное кружево ветвей. Не по этой ли тропинке вдоль косогора, бегущей к речке, бродил инок Андрей? Стожары глядят из бездонной мглы сентябрьского неба. О, вечные звезды! Сколько вы могли бы рассказать о житии скромного чернеца, гениального художника Андрея Рублева... Но ночь молчит. Лишь шепчут о чем-то деревья, да скрипят ржавые петли калитки. «Музей имени Андрея Рублева» — гласит табличка. Почти шесть веков прошло с тех пор, как Рублев начал писать свои шедевры, полные чистоты духа, мечты о светлом грядущем дне. Здесь, на пустыре, некогда стояли полки Дмитрия Донского, вернувшиеся со славой с Куликова поля. Впереди их ждала Москва, Кремль.

1405 год... Еще не родились Доменико Венециано, Пьеро делля Франческа, только через полвека появится на свет Леонардо, а в Москве, далеко от Италии, в Кремле, в Благовещенском соборе Феофан Грек, Прохор с Городца и Андрей Рублев приступают к росписи храма. Вот как вспоминает мудрый Епифаний о необычной манере письма Феофана Грека: когда же он все это рисовал и писал, никто не видел, чтобы он смотрел на образцы, как это делают наши иконописцы, которые полны недоумения, все время нагибаются, глазами бегают туда и сюда, не столько работают красками, сколько принуждены постоянно глядеть на образец, но кажется, что другой кто-то пишет руками, когда Феофан создает образы, так как он не стоит спокойно, языком беседует с приходящими, умом же размышляет о постороннем и разумном; так он своими разумными чувственными глазами видит разумное и доброе... Вижу, как расцветает левкас под кистью Грека, вижу горящий взгляд молчаливого Андрея, не сводящего взора с учителя. Это была неоценимая школа. Рублев глядел и писал. Молодой мастер не перечил учителю, но он видел мир по-другому. Он воспитывался в окружении блага и чудес, жил в духовном климате, созданном Сергием Радонежским...

Узкая келья. Монастырь... Молчание, тишина. Только отраженный луч солнца безмолвно ласкает образ, написанный на небольшой доске. Пахнет олифой, рыбьим клеем, краской. Бородатый инок с лицом темным и строгим глядит на нас из глубины веков. И мы чувствуем на себе добрый светлый взор его. Чуем ласковость открытой, щедрой души художника-философа.

Но порою мастер работал не один — у него был друг. Близкий, сокровенный. Доброжелательными старцами именуют летописцы Андрея Рублева и Даниила Черного. Оба они были послушниками одного и того же монастыря, вместе много писали и являют пример братства и единения в искусстве.

...Вспомним предысторию рождения «Троицы», этого шедевра Рублева. Гулкие своды огромного Успенского собора в древнем Владимире. Звонкие шаги в настороженной тишине. Злое эхо. В храме два мастера — Андрей и Даниил. Впереди работа — твори, создавай, что отмерил тебе талант. Андрей задумывает написать фрески небывалые. Много он повидал «страшных судов» с адовыми муками, пучеглазыми чертями, геенной огненной и прочими страстями. Мастер замыслил иной «Страшный суд». Да, люди обречены на судилище. Но их озаряет надежда, они верят в суд праведный.

Сквозь узкие прорези окон лучи солнца скользят по свежей штукатурке. Старые росписи закрыты. Стены ждут... Мощные столбы, могучие арки и над всем — купол, подобный небосводу в золотом мареве жаркой тени.

Владимир, 1408 год...

Громко звучат трубы ангелов, возвещая о конце мира. Мечутся фигуры людей, смятенных перед грозным судней. Но луч веры в справедливость придает этой толпе далекий от византийских традиций облик. Страшен во гневе бог! — гласили все фрески до Рублева. Добр и милостив! — утверждал Андрей Рублев. Его росписи во владимирском храме Успения — порывистые, живые по манере исполнения. Светлый пристальный взгляд на природу, на мир людей позволил художнику в решении грозной темы «Страшного суда» внести новые, неведомые до него черты в образы действующих лиц грандиозной многофигурной композиции. Забываешь, что это церковный заказ, должный исполняться по давно установленным канонам. Взгляните на этих апокалипсических зверей, созданных фантазией Рублева. Они почти грациозны. А ведь они призваны быть ужасающими и чудовищными, эти грифоны, медведи, по облику чем-то напоминающие скифский звериный стиль, в котором иногда проскальзывает добродушие, языческая простота. Может быть, это кощунственно, но такие параллели невольно приходят, когда я вспоминаю знаменитую скифскую пектораль, где рядом спокойно сосуществуют поющие птицы, полевые цветы, беседующие люди и жестокие схватки львов и грифонов. Все построено по полукружиям, циклам...

Фрески Рублева, как сновидения юноши, прозрачны и воздушны. Трудно поверить, что это плод искусства мастера, умудренного многолетним опытом церковной живописи, закованной в догматические сухие каноны. Светозарный почерк фресок Рублева напоминает современные ему флорентийские росписи раннего итальянского Ренессанса.

«Троица» порождена высоким подъемом духа русского народа, который встал на решительную борьбу с азиатскими кочевниками. «Троица» — возвышенный, вдохновенный гимн добру. Рублев не мог создать свой великий шедевр, не обладая непреклонной верой в правду.

...Велико было потрясение художника, узнавшего, что оплот его юности, Троицкий монастырь, уничтожен врагами. В пламени погибла дорогая сердцу живописца обитель, где он общался с миром, созданным Сергием Радонежским, где вырос духовно как мастер. Художник содрогнулся при этой страшной вести. И он создает бессмертную «Троицу».

«Троица». В ее основе лежит библейская легенда о том, как древнему старцу Аврааму явились трое странников, предрекших ему и его жене рождение сына. В честь них состоялась трапеза под дубом Мамврийским. Рублев ушел от этой разработанной веками сюжетики. Не торжественная трапеза с хозяином, а тихое собеседование отражено в иконе. Русский художник отбросил иллюстративность византийских решений. Где пир, где Авраам и жена его Сарра? Рублев сосредоточил всю мощь своего гения на раскрытии гуманистической сути сказания. В этом философия гениального творения русского средневековья, являющаяся сегодня смысл человеческого бытия как братства. Это, однако, никак не означает некоего аморфного благодушия — строгий лик одного из ангелов напоминает нам о долге, вере, борьбе. Сергий Радонежский построил Троицкий собор для утверждения идеи «единожития» всех людей земли,— «дабы воззрением на св. Троицу побеждался страх ненавистной розни мира сего». Этот посыл был очень важен для Руси той поры, разрозненной междоусобными спорами. Но, думается, что нравственная идея «Троицы» не чужда современному миру нашей планеты.

Подвиг Рублева в том, что он еще раз подтвердил: идеи света бессмертны. Ум, гений не меркнет от толщи времен. Так вековечны Венера Милосская и Аполлон Бельведерский, так не гаснет искусство Леонардо, Микеланджело, Тициана, Эль Греко, так же остаются жить творения русского мастера. «Троица» Рублева, написанная им в годы зрелости, — итог многолетнего размышления о существе Природы и Человека, и этот дух раздумья и созерцания особенно остро ощущается нами сегодня, в двадцатом веке, времени, наполненном грохотом машинерии, ошеломляющем сознание потоком информации и звуковой и зрительной, идущей от радио, кино, телевидения. Сегодняшняя западная живопись иногда страдает подчеркнутой экспрессией, отсутствием глубокого осмысления больших гуманистических тем. «Модерная» музыка наших дней легковесна, лишена полнозвучных мелодий, гармонии.

Искусство художника Рублева принадлежит мировой культуре, мировому разуму, ибо его гений постиг непреходящие законы человеческого бытия, он доказал, что свет и добро побеждают мрак и зло, иначе нет смысла существования рода человеческого.

Древняя икона — как бы закодированный слепок времени. Судьба Древней Руси с ее страницами раздоров и войн — все это вырабатывало искусство огромного напряжения, трагизма. Суровые по письму лики старых икон на первый взгляд отражали историю Руси. Но они лишь замечали мрак окружающих человека событий. Где был выход? И этот ответ дали творения Рублева — светлые, полные радости жизни и веры в победу над силами мрака. Хотя эти рублевские прозрения вызывали протест у догматиков, хранителей канонов, консервативный, закоснелый разум которых не воспринимал новую красоту икон Рублева. И мастер не раз выслушивал малоприятные слова по поводу своих творений.

«Мало благолепия», «зело радостно» и многое, многое другое.

Удивительным ощущением раскованности, свободы, радости, умиротворенности веет от «Троицы». Художник так создал свое творение, что мы невольно вовлечены в тихое, но непреклонное круговое движение фигур ангелов. Повторность ритмов — наклоны фигур, жесты рук, сами складки одежд, все, все находится в неустанном, как сама жизнь, движении. Особо поражает общая светозарность иконы. Художник нашел идеальные пропорции не только в решении фигур композиции. Совер-

шенны также отношения светлых тонов, не вступающих в борьбу с контрастными темными цветами, а согласно и тихо поющие с ними гимн радости бытия. Вряд ли в мировом искусстве есть творение, равное этой иконе по ясности и чистоте душевного строя — светлого, не омраченного никакими пережитыми невзгодами и тревогами. Художник взял за основу композиции канон, испытанный годами, и все же ему удалось создать образ юный, чистый, свежий. Можно часами глядеть на эту излучающую свет живопись и поражаться гармонии и созвучию ритмов, внутренней музыки палитры Рублева, твердости и мягкости его кисти, заставившей петь складки одежд, придавшей такое очарование сдержанным жестам и еле заметным наклонам фигур композиции. Само время бессильно было погасить чудотворную напевность красок иконы, и мы покорены мощью колорита. Сколько мастеров за эти пробежавшие столетия пытались подражать песне Рублева... Тщетно!

Доводилось ли вам видеть большую раковину, в недрах которой рождается драгоценный жемчуг? Это диво красоты! Перламутровая палитра, в ней — все переливы нежнейших розовых, голубых, сиреневых, бледно-зеленых, жемчужно-серых цветов... Таинственно мерцает и будто само излучает свет это чудо природы. Я вспомнил это великолепное создание, увидев «Троицу» Рублева. Перламутровое, в холодных сплавленных от времени красках — эмалях, и рядом золотые искры, теплые тона охр, земляных цветов. Все эти краски согласны в дивной гармонии. Мы слышим тихую музыку — мелодию добра и радости. Созерцаем свет, будто «горний», неведомо как приближающий нас к ощущению реальности чуда. Этому таинственному очарованию способствует гениальное владение мастером оркестровкой цветописи. Мы словно обволакиваемся волнообразным, круговым движением колышущихся колеров, то звучащих в полную силу, как, например, синий ляпис-лазурь, переходящий в разных местах композиции в затихающий голубой, светло-бирюзовый. Темно-вишневый колдовски растворяется до блекло-розового, густой оливковый превращается и переходит в светло-зеленый. Это мерцание цвета позволяет художнику достичь поистине симфонического звучания оркестра красок палитры. Чуть-чуть поблескивает стертое старое золото на темном от времени левкасе. Мудрое переплетение форм, силуэтов, линий, прочерков посохов, округлости крыльев, падающих складок одежд, сияющих нимбов — все это вместе со сложной мозаикой цвета создает редкую по своеобразию гармонию, благородную, спокойную и величавую. И только два черных квадрата на фоне — вход в дом Авраамов возвращает нас к сюжету Ветхого Завета.

Светоносность «Троицы» настолько разительна, что иные иконы экспозиции Третьяковской галереи кажутся темными и красно-коричневыми. Потрясающе входят блеклые холодные тона в пожелтевшую от времени белизну фона «Троицы», испещренного искрами червонного золота... Все это схоже со сказкой, с легендой. Икона экспонирована рядом с окном, завешенным белой мягкой тканью, и голубые блуждающие по материи рефлексы еще более усиливают общую золотую, светозарную гамму «Троицы».

Шедевр Рублева можно созерцать часами, открывая все новые и новые стороны прекрасного. Вглядитесь... Попробуйте найти следы работы кисти, и вы увидите этот мужественный твердый почерк мастера. Одним касанием назначены и посохи ангелов и тяжелые штрихи глубоких складок одежд. Уверенность и убежденность живописца в найденном им решении неотразима! «Троица» — это заглавное русское творение. Рублев — отец не только нашей национальной живописи, он один из зачинателей философии Руси — всепобеждающего деяния добра. Андрей Рублев недаром ушел от ветхозаветного сюжета, от иллюстративности, его икона ставит проблемы гуманизма, гармонии, мелодичности, доброжелательности, разума. Вот почему у «Троицы» с утра до вечера толпятся зрители, созерцая и размышляя. А ведь большинство посетителей галереи не знает сюжета иконы, однако мир и тишина, царящие в этом произведении древнего мастера, покоряют, заставляют мечтать, размышлять о прекрасном, о гармонии природы и человека, о силе добра. О мире...

Андроников монастырь. Стройные башни с золотыми флажками флюгеров. Белые массивные стены, узорчатые, с острыми прорезями-бойницами. Гулкие плиты двора, в центре — Спасский собор. На стене чугунная плита. Надпись гласит: «Здесь погребены в 1430 году Андрей Рублев с Даниилом Черным». Крутые ступени крупной каменной кладки. Вход в храм закрыт. Тихо... Шелестят, шепчут о чем-то старые деревья. Поют птицы. Ветер шевелит травы, нагибает головки ромашек.

Выхожу на крутогор. Внизу Яуза. Где-то вдали за домами поблескивает золото кремлевских храмов. Вдруг раздался грохот. Я оглянулся. Через мост, позвякивая на стыках рельсов, бежала электричка... Шла жизнь.

Историки, искусствоведы спорят об атрибуциях произведений мастера, о датах биографии художника...

В русском искусстве нет прямых продолжателей Рублева, да это, впрочем, невозможно,— слишком индивидуально и личностно его творчество. Но тонкость прозрений, человечность, лучезарность присущи лучшим полотнам Венецианова, Александра Иванова, Ге, Врубеля, Нестерова.

Рублев — национальный гений, предтеча. Он открыл окно в мир русскому искусству, и его по справедливости можно назвать «русским Леонардо» по той изумительной мягкости форм и глубочайшей философии, которая свойственна его музе. Как и Леонардо, он не был удачлив, судьба его загадочна, но небольшое количество произведений Рублева представляет одну из вершин мирового искусства. Его «Троица» словно говорит нам из далекого далека:

«Люди, любите друг друга, гоните зло неверия в духовность человека, отличающую его от зверя... Ищите совершенство в добре, красоте, свете правды...»

Андрей Рублев жив и бессмертен.

Слава ему!

КАК ПРО

В. ЛЕЙБОВСКИЙ,
специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора

Ночь без края. Медленно стынет наша машина. Чуть откинувшись назад и непривычно опустив руки с баранки, тяжело спит мой Степанюк. Так же, как и другие водители колонны. А я пишу, не в силах оставить это на завтра, втайне благодаря судьбу, явившую моим глазам неведомые ранее, пронзительные сюжеты человеческого бытия. И что самое удивительное, пишу, сознавая, что это их обычная жизнь...

Зима нынче собиралась на Чукотку долго. Снег, как обычно, начал падать рано, да морозами не прихватывался — не давала насквозь проквашенная дождями и солеными ветрами тундра. А коли тундра не встала, нет и зимника.

Густой сетью озер и паутинами речек испещрена вся Чукотка. Суша — тоже непонятно что: хлябь да хлябь. Так что проблема дорог здесь столь же вечная, как и мерзлота, подстилающая тундру. А дороги здесь ох как нужны. Край быстро развивается, набирает силу. Шмидтовский район расположен у побережья Северного Ледовитого океана, сюда с тихоокеанского берега Чукотки, из Эгвекинота, идет на мыс Шмидта большая часть грузов.

Но летом пути нет, приходится ждать наступления холодов, чтоб проложить зимник. И каждый год [illegible]

Год назад пробивать зимник машины пошли уже первого ноября. А вот теперь шла вторая половина месяца, а путь к Чукотскому морю так и оставался непроторенным.

Прилетев в Эгвекинот, я пришел к Н. И. Шкуропату, главному инженеру автобазы.

— Снега очень много,— сказал он,— и задувает крепко. Но идти надо. Шмидтовцы больше ждать не могут.

...До промежуточного пункта — поселка Иультин — мы, можно сказать, летели, хотя и на перевалы забирались и порой буксовали. Но худо ли, бедно, а двести километров преодолели за десять с половиной часов. Впрочем, так тому и следовало быть. Здесь ухоженный и укатанный, круглогодичный тракт. Оставались 150 километров дороги. Которой пока не было.

Сколько дней будем пробиваться, я не спрашивал, понял сразу, что здесь об этом говорить не принято. Два года назад на эти полтораста километров ушло девятнадцать дней. Можно сказать, что пурга здесь даже не природное явление, а просто условие работы, появляющееся с разной периодичностью, надолго иль накоротко, но почти неизбежно. Нередко бывает, что не видно габаритных огней идущей перед самым носом машины. И, что хуже всего, не видно вешек, расставляемых летом вдоль трассы. Впрочем, мы частенько не встречали вешек и при хорошей видимости. Таковы издержки деятельности управления автодорог Иультинского района. Стоит ли разъяснять, что значит сбиться с трассы в пурге, потерять след, уйти в тундру? Кончится бензин — а расход его в этих условиях возрастает в пять-шесть раз! — и холод достанет быстро.

Но не будем сгущать краски. В нашей колонне много таких, что «зимовали» в заглохшей машине до трех и даже четырех суток. Одна из основных здешних заповедей: коли застрял-запурговал, не высовывайся и наберись духу ждать. Тебя будут искать в любую погоду, ведь есть вездеходы.

С водителем мне повезло. Володя Степанюк оказался в меру разговорчивым, в меру сдержанным: душу не распахивал, но и не таился.

Двадцать девять лет ему, из которых последние девять водит автомашины по Чукотке. Раньше на кране работал, на бульдозере, на тракторе. Но это, нынешнее, уже никогда и ни на что не променяет. «Обручился» навсегда. Надо ему, чтоб машина была крупной и сильной, чтоб через нее свою силу чувствовать.

— Какие события в жизни? Вот в прошлом году было большое — в партию приняли. А то, что на трассе случаются? Так на то она и есть работа. Не она меня нашла, а я ее. И Чукотку тоже... Хорошо здесь. Вот сейчас вернемся, и отправлюсь на Украину, мать там у меня. Хочу привезти ее сюда, пусть живет... Почему не женился еще? Ну, это разговор особый. Я ж всегда в рейсе, а она ждать меня должна, так ведь? Это проблема...

В нашей группе мы идем вторыми. Впереди «маэстро» — Петр Годованец, самый старший по возрасту, опыту, мастерству. Шофер экстра-класса. Тридцать лет топчет колесами он тундру. Все зимники на мысе Шмидта — его кровные. И чаще всего сам впереди. А что до знамени, так и оно есть у него — Трудовое Красное Знамя на груди.

Что повидал да настрадал Петр Васильевич — то целая книга, которая, увы, пока не написана. Собой он высок, тяжел и кряжист. А ручищи — огромная «ураловская» баранка в них, как игрушка. Северянин прямо-таки былинный.

Уже давно взял Петр Васильевич Володю под свою опеку. Так вот и ходят вместе. И своим скорым постижением тайн высочайшего искусства северного вождения обязан Володя прежде всего ему, Годованцу.

Стонет, надрывается двигатель

могучего «Урала-375». То и дело Степанюк стравливает давление в шинах до минимально допустимого, затем снова включает наддув, но ненадолго. Перед нами «умельцы» дорожного управления протащили на тракторах волокушу — нехитрое приспособление для уплотнения снега. Это, конечно, хорошо, да только по многолетнему опыту известно, что трамбовать нужно самое малое за сутки до колонны, после чего снег должен схватиться, а иначе он под колесами — как пена, идти по которой еще хуже, чем по целику. И буксует, буксует Годованец. То и дело мы тараним его, выбивая из очередной ямы. Но тут же снова застреваем сами, и Степанюк в который уже раз начинает раскачивать машину, уплотняя под ней снег. Три... пять минут проходит, прежде чем мы выбираемся, чтобы через какие-то полсотни метров засесть снова. И снова кач-кач-кач. Так и пляшем.

— Ох, и сцепление у «Урала»! — Я не могу скрыть восхищения.— Сколько ж ему достается!

— Сцепление что надо. Да и вообще машина классная. Лучше для Севера и быть не может. Недаром присудили ей «золото» на Лейпцигской ярмарке. Впрочем, силенок бы малость прибавить. С полсотни лошадок. Сто восемьдесят все ж здесь маловато.

Через два дня машина Степанюка не выдержит такого над собой измывательства. Сначала порвется приводной ремень вентилятора, а еще спустя пять километров обломится палец реактивной штанги заднего моста и оторвется карданный вал. Чуть раньше у Ивана Дьяченко откажет насос гидроусилителя рулевого привода, и ему почти десять часов — до стоящей на трассе теплушки — придется проворачивать руль огромнейшим усилием, что нашим «материковым» водителям мало кому по плечу. И потечет бак у Миши Доржитарова, и «полетит» крестовина карданного вала у Бориса Ковальчука. Со всеми этими бедами придется справляться в дороге только своими силами — ведь «техничка» или даже автомеханик в колонне — пока, к сожалению, недоступная роскошь.

Глубокая ночь. Не скоро еще утро, когда мигнет вполглаза солнышко над горизонтом и тут же снова скроется, унеся с собой серо-матовую тусклость неба и снова надолго повесив над головой угрюмую небесную чернь.

Идти стало чуть полегче, благо, мы обошли тракторы с волокушей, которые почему-то встали и не двигаются. Тем лучше. Мыслями все уже там, в теплушке, до которой остается с километр. Четырнадцать часов непрерывного хода позади. Конечно, при всей условности понятия «непрерывность». Как же хочется поскорее растопить печку и прижаться к ней ноющей поясницей, и выпрямить задеревеневшие пальцы, и сварить все что угодно, только бы было горячее! И поговорить о том, что осталось позади и что предстоит. А потом снова забраться в машины и подремать.

Но нельзя здесь отсылать мечты ни на метр вперед своей машины. Неожиданно мы уперлись в хвост ранее вышедшей группе. Все семеро водителей усердно размахивают лопатами.

— Опять прижим отрабатываете, мужики?

— Ага. Ну, вот и вы подоспели. Тут на всех хватит.

Прижимы — одна из традиционных пакостей зимника. Дело в том, что нередко он проходит между речкой и сопкой, словно прижимаясь к ней. В этом месте обильные снегопады вызвали сползание снега с сопки, отчего на добрых трехстах метрах предстоящего пути образовался глубокий завал. Расчистить бы его тракторам дорожного управления, но...

С нашим приходом завал стал таять заметно скорее. Как-никак в дело включились еще семь профессионалов и один любитель. Через час с прижимом было покончено.

Расчищенный участок получился с сильным наклоном, и поэтому, чтобы уменьшить крен машин, давление в шинах по одному борту снизили чуть ли не до нуля, а по другому значительно подняли.

Медленно, крадучись мы двинулись на прижим. Вдруг задний мост полуприцепа Жени Небылицы чуть дернулся вниз, потом еще и еще. Рядом, совсем рядом обрыв и река. Что творилось в тот момент в душе Небылицы, не знаю. Степанюк же оставался невозмутим и не комментировал. Проскочили.

Вот тут-то, словно угадав момент, нас достали тракторы дорожного управления. И разговор вконец измучившихся водителей с трактористами на этот раз состоялся. Однако пересказать его дословно по понятным причинам я не могу.

В теплушке на тридцать пятом километре, отогревшись и поев, коллектив решил, что спать нельзя, надо двигаться дальше. Чутье подсказывало: по пятам идет пурга, и она действительно нас накрыла, но уже намного позже.

Пошли. Сытые, усталые и злые. Пошли по целику, но часов через пять снег стал совсем невозможной глубины, и тундра взяла верх. Все. Встали. Не идут дальше машины. На каждом метре провал.

И тогда решили пустить две машины налегке, без полуприцепов. Протоптать колею хотя бы километров на двадцать, а потом вернуться за грузом.

Вперед пошла наша машина, за нами Годованец.

Бьется мой Степанюк с нетронутой тундрой, и за истошным ревом мотора не слышно звенящего скрежета снега. Нет колеи перед нами, в лучах дальнобойных фар словно оживают округлые кочки и впадины под мертвой белой пеленой, подернутой змейками и вихрями поземки, в которых вдруг метнется и замрет на мгновение ослепленный заяц иль прошмыгнет песец. А мы все ползем на север под ярко полыхающую во весь небосвод корону сполохов.

Позже все признали, что снег здесь, на участке от пятидесятого до семидесятого километра, был самым тяжелым. Помню, когда Володя сказал мне, что, по его приметам, до семидесятого осталось ровно два километра, я взглянул на спидометр. Через три часа, когда мы наконец добрались до семидесятого, я увидел, что счетчик накрутил восемь с половиной километров. Нет, Степанюк не напутал. Просто спидометр ведет счет не с истинного пути, а с оборотов колес.

А потом уже по колее мы возвращались за своим грузом, и навстречу нам двигалась сильно растянувшаяся колонна. А догоняли своих мы быстро, хотя «на горбу» у нас снова был полуприцеп с девятью тоннами груза. Во второй раз этот же кусок от 50-го до 70-го километра стоил нам всего четырех с половиной часов ходу. Вот так бы везде!

Наконец, все собрались. Отдохнули, поели, зализали, как могли, раны и опять тронулись. Пурга часа на полтора накрыла нас и снова унеслась. Пошутила. Дала еще полдня спокойной жизни. Где-то, километре на семьдесят пятом, вдруг с удивлением обнаружили на горизонте слабый проблеск. Час за часом он становился все ярче. Фары! Оказалось, что на помощь нам с мыса Шмидта были посланы тракторы. И опять с волокушей.

Шедший впереди на наших гла-

Сквозь пургу.

Водитель Владимир Степанюк.

БИВАЮТ ЗИМНИК

зах завалился правым бортом в снег. Глубоко, по самую кабину. Вытащить его труда особого не составило, на это ушло не больше часа. Но зато для нас трактор сработал, как сапер. Провались на этом же месте машина, может, и день бы потеряли. И у каждого из наших таких провалов в личной шоферской биографии хватает. И опрокидывался каждый не раз, не два, не три...

— Володь, а что это мы по дуге пошли?

— Озеро огибаем. Парень наш в позапрошлом году под лед здесь рухнул. Сам-то ничего, сухой. Полуприцеп утопил. Благо, не сильно глубоко было. Потом, попозже, полуприцеп спасли, но дорого нам все это вышло.

...Когда Степанюк вместе с шедшим в тот момент за нами Сашей Берошвили меняли порвавшийся приводной ремень вентилятора, уже пуржило, но было не очень холодно — чуть за тридцать. Однако по ходу дела им пришлось минут на десять снять перчатки, а это уже, мягко говоря, чувствительно.

Прошло часа два после того, как мы снова пошли. Вдруг под нами резко и тяжело грохнуло. Володя сморщился, закрыл глаза, словно это в нем самом что-то лопнуло, оборвалось иль он сам получил неожиданный и злой удар. Некоторое время оцепенело молчал. Вздохнул глубоко.

— Кажется, дрянь наши дела, совсем дрянь.

В отчаянии без полушубка он выскочил из кабины. Я уже на снегу нахлобучил ему шапку, хотя и знаю, что здесь, как на фронте, простуд не бывает.

— Так и знал.

Он показал мне на лопнувший палец реактивной штанги и беспомощно свисавший карданный вал. Какая нужна была сила, чтоб сотворить такое!

— Не знаю, есть ли у кого-нибудь из наших запасная штанга. У меня нет. Такие узлы очень редко ломаются.

Потом, когда они в шесть рук с Годованцем и Берошвили меняли штангу (нашлась-таки), была уже нормальная, деловая пурга. И перевалило за сорок. И снова перчатки часто лежали на снегу. Работа заняла часа два, не меньше...

Но вот все позади. И можно сдвинуть столы и просто тихо посидеть, уже не думать о наледях, прижимах, пурге, не прикидывать, сколько тащиться до теплушки. Не клясть службу дороги, а заодно и своих снабженцев за нехватку запчастей и отсутствие хотя бы одной рации в колонне. Но мыслями оставаться там, на дороге, которая нередко побеждает даже надежные и сильные машины. Но не людей.

Чукотка — Москва.

ОТ РЕДАКЦИИ: Нелегок труд водителей Чукотки. Вместе с тем здесь существуют и трудности, уже не связанные с суровыми местными условиями. Хотелось бы узнать, что думают об этом в соответствующем управлении Министерства цветной металлургии СССР, а также руководители Иультинского района Магаданской области, и в частности начальник районного управления автодорог тов. Бондарь В. М., и продолжить начатый разговор.

ЗДЕСЬ БЕРЕЗЫ БЕЛЫ

Леонид ВЬЮННИК

●

Не знаком с профессией пилота,
Но крылато,
каждый день и час,
Человек высокого полета
Скромно проживает среди нас.
В будничных ли,
в праздничных заботах,—
Сколько дел коснется
чутких рук!—
От его торжественной работы
Солнечней становится вокруг,—
На току, среди зерна и пыли,
За столом,
в уюте и тепле...
Если б люди все такими были,
Как светло жилось бы на земле!

●

Снега, снега от порта и до порта.
Белым-бело по всей моей Руси.
Стоят сугробы, пышные,
как торты,
Бери любой и к чаю заноси.
Какой простор —
нет ни конца, ни края,
Сплошная синь —
как яблоко звенит.
И новый день, лучась,
светясь,
играя,
Весь чистым светом солнечным
залит.
Светло, светло по всей моей
России,
Под снегом листья,
травы спят в тепле...
Мы эту землю, как могли,
растили,
Лежит земля в своей красе
и силе,
И все, как надо, на моей земле!

●

...И как-то раз
Под первым звездным светом
Я понял, озаренный на года:
Не будь тебя, и мне
не быть поэтом,—
Так будь, моя любимая, всегда!
К любимой на свидание иду —
Зажгите мне Полярную звезду!

РОССИЯ

Здесь березы белы,
Реки, небо — сини,
Облака в туманах заревых...
Я не представляю жизни
без России,
Без ее просторов штормовых.
Вот они, до боли
близкие мне горы,
Вот они, долины и луга.
Неоглядно небо,
необъятно море.
Не окинешь глазом берега.
Обожги-ка губы
воздухом целебным,
Утоли-ка жажду
чистою водой.
А увидишь поле молодое,
хлебное,
То попробуй колос
сочный, золотой.
И тогда поймешь ты
мощь ее и силу,
Ощутишь вдруг удаль
будней трудовых...
Я не представляю жизни
без России,
Без ее просторов полевых.

В УЧЕБНОМ ОТРЯДЕ

Ветер бил
ледяной, свинцовый...
Было жарко нам,
как в бою.
Молодой,
удалой,
образцовый,
Я шагал безупречно в строю.
Запевала лихой и плотный
Песню пел,
сапогами пыля.
— Выше ногу,—
командовал взводный,—
Четче шаг,
чтоб гудела земля!
Ох, и здорово нам тогда пелось,
Ох, красиво тогда жилось!
Только в море всегда хотелось,
Разбирала порою злость:
«Что ж мы землю
с досады лупим,
Пыль стоит,
как в страду в полях.
Мы ведь море не меньше любим,
Чем матросы на кораблях...»
Только шаг строевой вначале
Был нужнее —
весомей,
злей...
Содрогались не зря причалы,
Словно палубы кораблей.

●

Пришла пора
уже мне песню спеть.
Рука тверда.
Взгляд в небе не витает.
Прошла пора желать и не иметь —
Имею все. Но все же не хватает
Ветров косматых,
Бешеной пурги,
В разлуке встреч
веселых и нарядных,
Но, главное, тебя, твоей руки,
Твоей любви прощальной,
безоглядной.
Любовь есть жизнь,
и я живу любовью,
Твоею ли, своей ли,
но свой век
Благодарю — он свел меня
с тобою...
Нет, без любви немыслим
человек.

●

...А звезды в море,
Будто свечи.
Какая чистая вода!
Вот так бы души человечьи
Не замутнялись никогда!

●

От шторма орудийного оглохнув,
Зашли в залив.
Здесь гладь и тишина.
И, словно вечный двигатель,
чуть охнув,
Отклокотав,
затихла вдруг волна.
Я вспомнил поле,
солнце над обрывом,
Густые сети в звонком камыше.
Горел закат лохматой
буйной гривой,
И как-то облегченно на душе
Роились думы о родимом доме,
Который не пристало забывать,
О поле хлебном и о той соломе,
Что так и не успел заскирдовать.

ГРАНИЦА

Настанет час,
И в сопках из гранита,
Строга,
что корабли ее в дозоре,
Вдруг за спиной останется
граница.
Последний раз плеснет с размаху
море...
И отразится у тебя в глазах
Не только море,
А устав твой строгий,
Улыбка друга,
кубрик — и слеза
Невольно прошибет тебя
в дороге.
Ты едешь не куда-нибудь —
домой.
Тревожно в сердце,
А душа легка,
Когда припомнишь край свой
молодой.
Все это будет,
будет, а пока
Она тебе, что суженая, снится,
Пока ты жить не можешь
без нее...
Граница,
граница,
граница
Проходит сквозь сердце твое.

БЕЗ ПРОГНОЗОВ

Сало ФЛОР,
международный гроссмейстер,
шахматный обозреватель «Огонька»

У советских шахматистов и шахматисток отличное настроение и хорошие воспоминания о 1979 годе. Достаточно привести данные, которые привел чемпион мира А. Карпов в своей статье в газете «Правда»: в 78 международных соревнованиях наши шахматисты и шахматистки заняли 52 первых места!

Анатолий Карпов скромно умалчивает, что в число 52 входят два крупнейших турнира — так называемые турниры звезд в Монреале и Тилбурге. В Канаде Карпов разделил первое-второе места с Талем, в Голландии единолично занял первое место. Эти две блестящие победы должны обеспечить Карпову приз Оскара как лучшему шахматисту года. Решение международного жюри журналистов по этому поводу обычно объявляется в январе.

Что Карпов — шахматист высочайшего класса, не новость, и все привыкли к его победам — на то и чемпион мира. Но как сложились дела у других наших гроссмейстеров? По-всякому.

Недавно один любитель шахмат удивил меня несколько наивным вопросом: почему наши гроссмейстеры не взяли пример у шахматисток? Они, видите ли, только двум иностранным шахматисткам — Т. Лемачко и Ж. Верецци — дали «пропуск» в турнир претенденток, а у мужчин соотношение 4 : 4. Ответ на этот вопрос-упрек прост: советские шахматистки занимают доминирующее положение. У них почти нет конкуренции, и борьба за первенство мира является чуть ли не внутренним спортивным делом Грузии, которая сумела вырастить замечательные шахматные таланты. У мужчин же очень большая, сильная конкуренция на всех континентах.

Согласно прогнозам, накануне двух межзональных турниров, в Риге и Рио-де-Жанейро, ожидалось, что мы имеем шансы завоевать три путевки на турнир претендентов. Это и удалось сделать.

Нашему солидному квартету Т. Петросян — Л. Полугаевский — Б. Спасский — М. Таль предстоит нелегкая борьба с четырьмя иностранными претендентами. Каковы прогнозы? Обойдемся без них.

Из четырех четвертьфиналов один состоится у нас: Л. Полугаевский и М. Таль избрали местом своего сражения в начале марта Алма-Ату. Австрия предлагает провести у себя матч Т. Петросян — В. Корчной.

В этой статье хочется подробнее рассказать о чемпионате СССР в Минске. Чемпионат страны — прекрасный спортивный и творческий смотр наших шахматных сил. Для меня было большой честью и радостью участвовать в качестве главного судьи на этом празднике.

Здесь встретились представители трех поколений. По возрасту состав участников был, пожалуй, самый молодежный в истории наших чемпионатов. Из старшего поколения стартовали только двое — Е. Геллер и М. Таль (54 и 43 года). Среднее поколение в возрасте от 27—36 лет было представлено очень сильно — 13 участниками. С этими опытными бойцами бодро и успешно сражалась совсем молодая тройка: 20-летние московские студенты С. Долматов и А. Юсупов и бакинский школьник Г. Каспаров, которому нет еще и 17 лет.

Какое же поколение победило? На этот вопрос, пожалуй, лучше всего ответить лояльно: есть победитель, нет побежденных!

Иначе как загадочным не назовешь результат М. Таля. Турнир в Монреале и рижский межзональный он прошел без поражения. В Минске экс-чемпиона мира считали фаворитом номер один. Если бы кто-то предсказал, что в чемпионате страны Таль проиграет пять партий и не наберет даже 50 процентов возможных очков, то это бы восприниялось как нелепость. Секрет неудачи экс-чемпиона кроется в том, что он был в плохой физической форме,— это я могу как очевидец подтвердить. Но Таль меня не уполномочивал искать для него оправдание. Есть такие «знатоки», которые полагают, что Таль в Минске «темнил»: нарочно сыграл плохо, для того чтобы в предстоящем турнире претендентов его недооценили. Все знают Таля как очень остроумного человека, но такие «шутки» не в характере этого гроссмейстера.

Ефим Геллер... Когда слышу это имя, невольно вспоминаю 17-й чемпионат СССР, который состоялся «недавно» — в 1949 году в ЦДКЖ в Москве. Среди 20 участников был парень из Одессы, то ли мастер, то ли кандидат в мастера — Геллер. Имя его рядом с такими асами, как Д. Бронштейн, П. Керес, А. Котов, В. Смыслов и другие, не звучало.

Но этот дебютант играл так сильно, так энергично, что за три тура до конца был единоличным лидером. Что тогда творилось в шахматной Москве! Взбудоражена была вся Одесса! Но на последней прямой, в самом последнем туре Геллера сразил Р. Холмов, и чемпионами стали два московских гроссмейстера — Д. Бронштейн и В. Смыслов.

Почему вспоминаю такое далекое прошлое? Потому что теперь, спустя 30 лет, Геллер играл с таким же юношеским задором, азартом. Правда, первый этап турнира он провел несколько вяло, за что ему, по-видимому, попало от его тренера — сына Саши. Но затем гроссмейстер развил такой темп, что за ним никто не мог угнаться. Все участники в один голос признавали, что Геллер играл просто превосходно.

Новый чемпион страны — шахматист с богатым опытом. Шесть раз он был участником турнира претендентов на звание чемпиона мира. Золотую медаль чемпиона СССР завоевал 25 лет тому назад, в 1955 году. И только теперь, в своем юбилейном, двадцатом первенстве страны ему удалось повторить это достижение. В двадцатой попытке!

Вот видите, как трудно завоевать почетный титул чемпиона Советского Союза!

У шахматистов существует такая примета: участник, допущенный в турнир в последний момент, считается самым опасным. Новый этому пример — Артур Юсупов. Московский мастер — дебютант в Минске — не новичок в шахматах. Он был чемпионом мира среди юношей в 1977 году. Давно уже не удавалось шахматисту моложе 20 лет с первой же попытки преодолеть труднейший барьер: занять второе место и завоевать титул гроссмейстера СССР.

Г. Каспаров заработал гроссмейстерский балл. Но звание гроссмейстера никуда от него не денется: не сегодня, так завтра он его добудет. Очень приятно было слышать, как уважительно и благодарно Каспаров отзывался о своем знаменитом, авторитетном шахматном учителе — М. Ботвиннике.

Мастер М. Дворецкий не только сам сильный практик, но и отличный тренер-педагог. У него двое «шахматных детей» — А. Юсупов и С. Долматов. Если Долматов и не занял высокое место, то стать наравне с Талем — мечта для любого молодого шахматиста.

Отличные шахматисты, хорошие ребята — вся эта молодежная тройка: Долматов — Каспаров — Юсупов.

У Ю. Балашова, по-моему, чувствовалась некоторая шахматная усталость. Но, разделив третье-четвертое места с Каспаровым, он поддержал высокую марку тренера чемпиона мира Карпова. Балашов, так же как Геллер, прошел всю длинную дистанцию без проигрыша.

Успешно выступили Р. Ваганян, Т. Георгадзе, С. Макарычев, В. Купрейчик. Они выполнили свою спортивную задачу — остаться в высшей лиге.

Кумиром зрителей был хозяин поля — Виктор Купрейчик. Он шахматист острейшего стиля игры. Купрейчик выигрывает или проигрывает, изредка неохотно сделает ничью, но скучать публике он не дает. Купрейчик поставил своеобразный рекорд — пять побед подряд.

Праздником в празднике можно назвать приезд в Минск Анатолия Карпова. Чемпион мира выступил с лекцией. После нее его буквально засыпали вопросами. Поклонники шахмат хотят знать все. «Какое имя вы дали своему сыну?» «Сына мы назвали Анатолий». Один из присутствующих, по-видимому, попавший в «беду», в письменной форме задал такой вопрос: «Скажите, пожалуйста, что делать, если жена не любит шахматы?» Карпов, улыбнувшись, ответил: «Что ж теперь делать? Терпеть...»

Новый год вступил в свои права. Год особенный, олимпийский. Означает ли это, однако, что в 1980 году будет «не до шахмат»? Нет, конечно. У шахматистов есть своя олимпиада, которая проводится каждые два года. Кстати сказать, за нашей сборной числится задолженность: в Буэнос-Айресе в 1978 году мы уступили гроссмейстерской команде Венгрии. Наша команда тогда выступала без А. Карпова и М. Таля, что, однако, не является оправданием. В Мальте, которая проводит олимпиаду в этом году, наша команда постарается ликвидировать долг и привезти кубок командного чемпиона мира в Москву, на Гоголевский бульвар, 14. Сейчас заканчивается командное первенство Европы в Швеции.

1980 шахматный год начался успешно. В первые же дни января в Гронингене (Голландия) харьковчанин Александр Чернин стал чемпионом Европы среди юношей.

Приводим партию старейшего участника чемпионата — Е. Геллера с молодым мастером Ю. Аникаевым.

Сицилианская защита

Е. Геллер — Ю. Аникаев

1. e2—e4 c7—c5 2. Кg1—f3 e7—e6 3. d2—d4 c5 : d4 4. Кf3 : d4 Кg8—f6 5. Кb1—c3 d7—d6 6. Сf1—e2 Сf8—e7 7. 0—0 0—0 8. f2—f4 Кb8—c6 9. Сc1—e3 a7—a6 10. a2—a4 Сc8—d7 11. Сe2—f3 Кc6—a5.

Черные намерены перевести коня на c4 — логичный план. Но путем 11... Фc7 и дальнейшим разменом на d4 скорее можно уравнять игру.

12. Фd1—e2 Фd8—c7 13. g2—g4!..

Совершенно правильно. Белые должны действовать весьма энергично, иначе у черных будет хорошая контригра на ферзевом фланге.

13... Лf8—c8 14. g4—g5 Кf6—e8 15. f4—f5 Кa5—c4 16. Сf3—h5 g7—g6 17. f5 : g6 f7 : g6 18. Фe2—f2!..

Очень сильный ход. Черные вынуждены пойти конем на e5, поскольку в случае 18... Кg7 19. С : g6 hg 20. Фf7 + Крh8. 21. Ф : g6 у белых неотразимая атака.

18... Кc4—e5

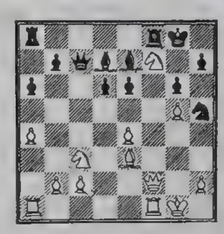
19. Кd4—f3 Кe8—g7 20. Кf3 : e5 Лc8—f8.

На этот, казалось бы, очень сильный промежуточный ход возлагал свои надежды молодой мастер. Но и он не спасает черных от разгрома.

21. Кe5—f7 Кg7 : h5.

Упорнее было 21... gh, что, впрочем, также не могло спасти черных. Ход в тексте дает Геллеру возможность изящно форсировать выигрыш.

22. Кc3—d5!..

Вот он, приготовленный чемпионом страны тактический удар: исчезает черная пешка «e», и слону белых открывается диагональ a1—h8.

22... e6 : d5 23. Кf7—h6 + Крg8—g7

Или 23... Крh8 24. Сd4 + Кg7 25. С : g7 + Кр : g7 26. Фd4 + Сf6 27. Л : f6 и мат следующим ходом.

24. Фf2—f7 +! Лf8 : f7 25. Лf1 : f7 + Крg7—h8 26. Сe3—d4 + Сe7—f6 27. Лf7 : f6...

Теперь на 27... Кg7 следует 28. Лf7

Черные сдались на 28-м ходу.

О ПОДАРКАХ, КОТОРЫЕ ДАРИТ ГИАЦИНТОВА

Кадр из телеспектакля «Осенних дней очарованье».

Словно бы ничем не манило, ничего особенного заранее не обещало скромное и даже какое-то застенчивое название телеспектакля В. Сергеева «Осенних дней очарованье». Но после многодневного и довольно-таки бессодержательного, утомительного мелькания эстрадных звезд в новогодние дни (а потом и в первые дни нового года) вдруг зрители получили большой, неожиданный и тем более радующий подарок.

Это Софья Владимировна Гиацинтова в роли немолодой и несколько чудаковатой музыкантши Ксении Николаевны, которая вдруг дала объявление в газету о продаже редчайшей граммофонной пластинки с записью Шаляпина, для того чтобы... Впрочем, стоп!..

Пластинка (действительно редчайшая!), во-первых, разбита — о чем Ксении Николаевне не было известно,— а во-вторых, та пластинка, которая все же уцелела (кстати, тоже очень старинная), оказывается всего лишь предлогом, который придумала Ксения Николаевна, чтобы встретиться у себя дома с новыми людьми... Вообще — с людьми.

Если совсем коротко изложить смысл происшедшей не очень долгой, но чреватой многими неожиданностями и осложнениями встречи, то для нас этот смысл прежде всего в узнавании самой героини... Самой Ксении Николаевны... В узнавании ее нестареющей души и богатого сердца.

Одинокая скромная женщина со всеми ее причудами и странностями, со всей историей ее простой и совсем непростой жизни, отданной музыке, искусству, созерцанию прекрасного в людях и природе,— вот центр повествования, очень бережно и точно выявляемый режиссером телеспектакля.

Василий Иванович Давидчук, поставивший этот спектакль в Останкине, строит все мизансцены так искусно, что зритель как бы сам по себе постигает главное: психологи-

ТВ

ДА РАЗВЕ ЭТО МУШКЕТЕРЫ?!

Ирина ПОЛОНСКАЯ

Прекрасно, когда телевидение знакомит зрителей с классическими произведениями. Анонс о показе нового трехсерийного телефильма по роману Дюма «Три мушкетера» всех обрадовал. Не только дети, но и взрослые ждали его с нетерпением. Зная, что в передаче будут заняты такие артисты, как А. Фрейндлих, О. Табаков, М. Терехова, Л. Дуров и другие, я тоже с интересом ждала начала передачи. Больше того, специально перечитала исторически достоверный, остроумный роман Дюма, где автор, тонко высмеивая нравственные недостатки «отрицательных» персонажей, раскрывает душевное превосходство людей бескорыстных, любящих друг друга, всегда готовых к бесстрашной борьбе за правду. Все мы помним, как хороши мушкетеры, которым приходится противостоять злобным, вечно интригующим придворным, приближенным кардинала.

Дюма в предисловии к первой книге своего романа настаивал на том, что его герои (даже их имена!) взяты им из жизни. Мушкетеры, их биографии были, как он рассказывает, найдены им в результате долгой работы над мемуарами современников. Впрочем, для многих читателей романа эти сведения о героях, пожалуй, не так уж были и важны: тут и сказка, и реальность имеют равные права, поскольку заряжены большой гуманной, воспитывающей нас идеей.

Конечно, и для фильма дороже всего должны были стать эти герои, одушевленные благороднейшими мыслями о счастье подлинной человеческой дружбы, которая преодолевает самые трудные препятствия. Именно в этом смысл пяти книг, составляющих огромное полотно эпопеи о мушкетерах. Их прелесть для Дюма отнюдь не в том, что они хорошо владеют шпагой и всегда готовы пустить ее в ход! Нет, они превосходят своих высокопоставленных врагов благородством души. Они всегда готовы помочь слабому, заступиться за обиженного.

Высокая идея романа, естественно, должна была стать основой нового фильма. И вот первая серия... Не могу умолчать о том глубоком разочаровании, которое испытала я, посмотрев этот «шлягерный», лихо закрученный режиссером-постановщиком Г. Юнгвальд-Хилькевичем фильм, созданный на Одесской киностудии. Само слово Искусство трудно связать с вышедшим на телеэкраны «боевиком». Более грубого искажения классического произведения, более произвольного, скажу даже, беззастенчивого «пересмотра» нравственной основы тех событий, которые происходят в романе Дюма, трудно себе представить. И только из чувства протеста, из желания спорить я заставила себя просмотреть все три серии. Пользуясь утренними повторениями, я включала телевизор только для того, чтобы хоть как-то осмыслить те сцены, которые я не могла уяснить, понять да и по-человечески принять для себя накануне...

В романе только случайность дает Миледи возможность отравить Констанцию, тогда как в фильме это задуманный план действий. Мне скажут: «Сценарист и режиссер так видят!» Но ведь это снижает — а то и вовсе сводит на нет — важнейшую сцену суда над преступницей Миледи. Ведь не случайно же Дюма главу, где она совершает убийство, называет «Последняя капля». Это ужасное событие и есть последняя капля, переполнившая чашу терпения мушкетеров. Они — по Дюма — вовсе не мстят Миледи, а по справедливости судят злодейку. В фильме же четверо молодых, сильных, здоровых мужчин — трое мушкетеров и Д'Артаньян — преследуют и убивают хрупкую, молодую женщину... Устами Атоса Дюма говорит: «Положите оружие на место... Эту женщину надлежит судить, а не убивать». В фильме праведный суд не состоялся. И это грубо исказило идейный замысел романа.

Столь же неприглядно рисует мушкетеров сцена в трактире с отравленным вином. В эту сцену в романе было вложено совершенно иное содержание: Дюма показывает своих героев, когда они стараются разбить все бутылки с отравленным напитком. Зачем? Понятно: чтобы кто-нибудь не отравился! В картине же сценарист и постановщик заставляют своих героев убить человека. Повалив трактирщика, они вливают ему в горло — прямо из бутылок! — отравленное вино. Немыслимо!

Совершенно непонятно поступают постановщик и сценарист, убрав из картины замечательно выписанные Дюма образы слуг — людей, повсюду сопровождавших мушкетеров. Эти слуги: Планше, Мушкетон, Гримо и Базен,— друзья своих «господ»,— честные, хорошие люди из народа. Они не только верно и преданно служат своим хозяевам, но часто играют очень большую роль в тех событиях, с которыми оказываются связаны мушкетеры...

В дни моей молодости тоже шла картина

ческую сущность и Ксении Николаевны, и ее родственников, и ее «гостей». Впрочем, явных хищников и приобретателей здесь не так уж много. Их конкуренция между собой, их погоня за бесценной шаляпинской пластинкой кончается ничем. Ведь той самой — действительно бесценной — пластинки уже нет: от нее сохранилась только этикетка. Разгадывают «обман» двое студентов — любящая пара, которые пришли, разумеется, не за покупкой, а просто чтобы послушать шаляпинское пение... Эти-то двое — музыкально одаренные, бескорыстные, любящие друг друга молодые люди — и становятся для Ксении Николаевны желанными гостями. В них видит своих настоящих друзей героиня Гиацинтовой: они ей и по сердцу и по душе. И как же тепло, искренне она им рассказывает о той давней своей, самарской, поистине волшебной, незабываемой встрече с Шаляпиным!

Юная таперша в дешевом, насквозь промерзшем кинотеатре «Луч», она прямо-таки обмерла, растерялась, увидев Шаляпина, пришедшего петь, сбросила с головы шапочку,— не знала вообще, как быть, что делать... А Шаляпин подошел, надел на нее сброшенную шапочку, старательно завязал длинные ушки этой шапочки... Сейчас Ксения Николаевна так же бережно, аккуратно надевает шапочку на свою славную молодую гостью, завязывает ушки. Дарит...

Тогдашняя юная таперша и сегодняшняя студентка — они словно сверстницы; обе наделены неошибающимся, чутким сердцем. Чувством дружбы... Добротой.

Таков один из подарков Гиацинтовой, поразительно сыгравшей Ксению Николаевну. Впрочем, были еще и другие подарки. А если сказать точнее, то актриса в продолжение всей этой картины непрестанно дарит зрителю самое себя, свой по-прежнему огромный, замечательный талант.

— Долго ли вы работали над ролью, Софья Владимировна? — спрашиваю я актрису.

— Да нет! Как-то очень быстро я с ней сжилась,— совсем молодым голосом отвечает Гиацинтова.— Пьеса сразу привлекла. В ней хороший моральный запас человечности, душевная отзывчивость... Все это сейчас нужно людям! Наверное, нельзя с ними говорить только о рациональном. Нужен пример какой-то живой сердечности, внутренняя широта...

— Однако же в свое время ваша Моль в одноименной пьесе Погодина на сцене Театра имени Ленинского комсомола действовала как раз «от обратного»,— говорю я. И мы долго и с удовольствием вспоминаем с Софьей Владимировной многие прекрасные спектакли этого театра, где она играла незабываемо. Конечно, вспоминаем и крупно вылепленный Гиацинтовой образ матери В. И. Ленина — Марии Александровны... Потом я спрашиваю Софью Владимировну о нынешней ее работе в Театре имени Ленинского комсомола. Ведь она отдала ему не только лучшие годы жизни, но, можно сказать, всю жизнь.

— Да что вы, что вы! — восклицает уже несколько иронически Гиацинтова.

— Теперь там совсем другая труппа: я им вроде бы и ни к чему, только числюсь в труппе!.. Теперь у этого театра вообще какой-то совсем другой стиль, другие — порой очень странные — задачи... Короче говоря, я не им нужна...

...Как же это трагично — услышать вдруг такие слова от народной артистки СССР, художника сцены с мировым именем.

В историю советского сценического искусства С. В. Гиацинтова вписала не просто отдельные, крупно вылепленные ею работы. Она создала свою артистическую манеру, свое понимание жизни Актера в Театре.

Она была и есть Гиацинтова... Этим все сказано!

Н. ТОЛЧЕНОВА

«Три мушкетера», только там все было наоборот: слуги стали главными действующими лицами. Слуги сперва щедро, чуть не до полусмерти напаивали вином своих хозяев, потом их костюмы надевали на себя, и с ними случались все те приключения, что в романе происходят с мушкетерами. Тогда тоже была сочинена «выручавшая» фильм модная песенка; хорошо помню ее нелепый (но чем-то схожий с нынешними куплетами) запев: «Варвар-вар-вар-вара,— мы едем в Париж!»... и т. д.

А сейчас с экрана несется: «Пора-пора-порадуемся на своем веку», или: «Пока-пока-покачивая перьями на шляпах»... И в конце — весьма «элегантно»: «Мерси боку»!..

Нынешние песенки мушкетеров — достаточно разбитные и неприхотливые — всем доступны. И глядишь, чего доброго, их начнут исполнять даже на эстраде. Пока (пока-пока!..) их подхватили лишь дети и подростки. Этому, разумеется, пора-порадоваться тоже никак нельзя!

В результате всех «новаций» большой исторический роман Дюма превращен сценаристом и постановщиком в водевиль, напичканный пошлыми куплетами и назойливой, примитивной музыкой. Смотришь это бойкое «представление» и думаешь: сколько же сил, времени и денег было затрачено Одесской студией на картину? Ведь если даже, как и всякая, достаточно задорно звучащая новинка, этот водевиль (или «мюзикл»?) станет «модным», и люди будут распевать «куплеты» мушкетеров,— фильм все равно не даст никому должного понимания романа Дюма: ни его нравственного содержания, ни тех исторических, невыдуманных событий, которые там описаны... Многие, возможно, скажут: «Читать роман, пожалуй, не стоит — видели в кино!» Но ведь видели, к сожалению, вовсе не то.

Самое большое «не то» — образ Д'Артаньяна (М. Боярский). Уже в первой книге Дюма юноша-гасконец наделен большим человеческим обаянием. Все говорят о нем: «Почти дитя». В фильме же перед нами далеко не юный, крайне вульгарный, совсем не обаятельный, а резкий и напористый «герой».

Он «покоряет» зрителя, увы, весьма дешевыми приемами. Это постоянно фехтующий смельчак, резко нападающий и без особых усилий расшвыривающий в разные стороны бесчисленных врагов, словно они не живые люди, а муляжи из пакли и соломы... Его ухватки, манера держаться. крайне самоуверенны. Он весьма доволен собой. Он кокетничает и с теми, кто рядом с ним на экране, и, уж конечно, с теми, кто смотрит на экран.

Да, люди восторженные, падкие до входящих в моду эстрадных певцов, охочие до всего нового, «модного» — особенно же на эстраде,— будут с трепетом внимать его куплетам, хотя исполняются они очень примитивно и совершенно не в стиле времени...

Ничего, решительно ничего нет в герое фильма от того Д'Артаньяна, о котором пишет Дюма.

Остальные исполнители, в том числе и мушкетеры, друзья Д'Артаньяна, малоинтересны. Особенно показался досаден Ришелье, каким его видишь в фильме,— нет ни ума, ни таланта. А ведь и от Дюма и из истории известно, что кардинал был большим стратегом и умницей, тонким политиком...

Итак, на экраны вышел еще один «поверженный классик»! И очень страшно, если еще кто-то из классиков, быть может, «стоит на очереди».

Хочется верить, что подобная дань «моде» пройдет. Хотя знаю, что ничего само собой не проходит. Но как не вспомнить, что кино — Искусство для народа. А теперь, когда благодаря телевидению кино пришло к нам в дом, оно стало еще популярнее. И это обязывает его быть строже и взыскательней, особенно когда дело касается классики. Искажение ее никому не принесет пользы. Молодому же поколению даст только вред.

театр

МГНОВЕНИЯ БАЛЕТА

Удивительно современно читаются сегодня реалистические характеристики персонажей древнего индийского эпоса «Шакунтала», удивительно занимательна фабула, уж не говоря о театральности, зрелищности, живописной выразительности каждого действующего лица в драме Калидасы — знаменитого индийского поэта V века нашей эры.

Тема любви лесной девочки Шакунталы и ее венценосного избранника выражена в музыке композитора С. А. Баласаняна оригинально, ярко. В ее основе — мелодика индийских народных песен, разнообразие ритмов индийских танцев. Древние романтические образы — герои сказаний и легенд ожили в балете «Шакунтала» на сцене Московского академического музыкального театра имени К. С. Станиславского и Вл. Немировича-Данченко, осуществленном главным балетмейстером театра, народным артистом РСФСР, заслуженным деятелем искусств Грузинской ССР А. В. Чичинадзе.

— Меня как хореографа и режиссера,— говорит А. В. Чичинадзе,— в искусстве балета привлекает прежде всего реализм, правда чувств, опора на фольклор, глубинные истоки народной жизни, из недр которой всегда черпает себя большое искусство...

В индийском балете хореограф нашел новые большие возможности утверждения своего творческого кредо художника-реалиста путем соединения индийского классического танца с особенностями современного балета.

Соратниками режиссера стали композитор и художник. Музыка, хореография и сценография сливаются здесь воедино, имея точную опору на живопись и скульптуру древней Индии, на индийские танцы разных стилей... Солнцем и светом пронизана цветовая гамма чудесных декораций художника А. Ф. Лушина.

Балетная труппа театра сегодня — молодой, ищущий, развивающийся организм. Виртуозных солистов, сыгранность и слаженность кордебалета, немало актерских удач встретили мы и на этот раз... Дитя леса, пугливое, нежное, робкое создание, девушка-цветок — такова главная героиня спектакля Шакунтала. Эту партию исполняет М. Дроздова. Хочется назвать ее индийской Олесей: пылкая, влюбленная, бесконечно преданная своему супругу, а потом обезумевшая от отчаяния, испившая полную чашу горького горя, когда бросил любимый,— Шакунтала нежнейшая мать, терпеливо несущая свой крест; оскорбленная и усталая, но ради сына простившая обиду. А потом, позднее, гордая, счастливая, мудрая царица.

Эволюция характера — самобытного, неповторимого, формирование личности сложной, многоплановой, натуры щедрой, с ее огромной потребностью любви и готовности к самопожертвованию — происходит благодаря редкостной творческой самоотдаче актрисы.

Очень интересно задумана и решена партия царя Душьянты. Одним из исполнителей этой партии стал ведущий танцовщик театра В. Тедеев. Страстная, одержимая натура воина, полководца, не знающего поражений, неукротимый азарт охотника...

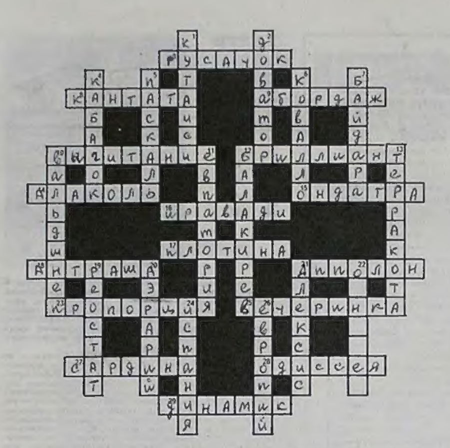
Второй исполнитель партии Душьянты, В. Петрунин, вполне освоивший технические сложности танца, несколько более «прозаичен», заземлен. И очень хорош исполнитель третьего состава — молодой В. Кириллов. Его Душьянта — истинный герой девичьих грез. Он красив изысканной красотой нежно взлелеянного дворцового дитяти, изящен, томно небрежен... Интересно, что страстное активное начало В. Тедеева, лирический запев В. Кириллова и даже земная цельность В. Петрунина не отвергают друг друга, а дополняют образ.

Тремя разными поколениями театра представлены в постановке гневный мудрец Дурваса, военачальник Вадрасена и царский шут Матхавья. Особенно хочется отметить образ шута. Матхавья — Л. Варченко — грустный шут, лукавый шут, пройдоха и насмешник, преданный без лести своему государю.

Запомнится и артист Т. Файзиев — великолепный военачальник Вадрасена. Какое-то дурное предзнаменование, власть потусторонней, магической силы несет Ю. Григорьев в своем образе жреца Дурвасы.

Счастливый конец спектакля отнюдь не есть подслащенный «хэппи-энд». Светлое, жизнеутверждающее начало эпоса Калидасы нашло свое отражение и в музыке композитора и в работе балетмейстера. Театр утверждает право на счастье всех, кто это счастье выметал и выносил, кто добился его, не разуверившись в красоте и силе человеческого духа.

Е. ИВАНОВА

КРОССВОРД

По горизонтали: 3. Русский хороводный танец. 8. Форма стихотворного произведения. 9. Старинный способ ведения морского боя. 10. Арифметическое действие. 12. Ограненный алмаз. 14. Озеро в Казахстане. 15. Пушной зверек. 16. Река в Бирме. 17. Гидротехническое сооружение. 18. Прыжок в балете. 21. Дневная бабочка. 23. Соразмерность. 25. Картина В. Е. Маковского. 27. Промысловая рыба. 28. Древнегреческая эпическая поэма. 29. Громкоговоритель.

По вертикали: 1. Город в Грузии. 2. Герой Советского Союза, командир кавалерийского корпуса во время Великой Отечественной войны. 4. Разновидность тыквы. 5. Французский математик, физик и философ. 6. Действующее лицо романа Н. Островского «Рожденные бурей». 7. Большая промысловая лодка. 10. Птица подотряда куликов. 11. Курорт в Крыму. 12. Русский композитор, пианист, дирижер. 13. Керамическое изделие. 19. Прибор для регулирования силы тока и его напряжения. 20. Терраса для воздушных ванн. 21. Прогрессивный гаитянский писатель. 22. Животное, обитающее в Южной Америке. 24. Государство в Европе. 26. Химический элемент.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 4

По горизонтали: 7. Литосфера. 8. Троекуров. 10. Гелиотроп. 12. Портал. 13. Енисей. 14. Шкала. 17. Гравий. 18. Истрия. 19. Орган. 20. Косуля. 22. Кубрик. 25. Дакар. 27. Качели. 30. Нансен. 31. Ярославль. 32. Кириллица. 33. Индустрия.

По вертикали: 1. Гидролог. 2. Политура. 3. Кроль. 4. Арара. 5. «Бурмистр». 6. Норвегия. 9. Дойна. 10. Гляциология. 11. Переступень. 15. Корма. 16. Луара. 20. Касаткин. 21. Селекция. 23. Разность. 24. Коперник. 26. Кегль. 28. «Косцы». 29. Звено.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. (См. в номере материал «Гордость Отечества».)

Фото Н. Туннеля

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Сцены из спектакля «Шакунтала». (См. в номере материал «Мгновения балета».)

Фото Э. Эттингера

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Н. И. БУДКИНОЙ.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27. Отделы: Репортажа и новостей — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-21-13.

Сдано в набор 07.01.80. Подписано к печати 23.01.80. А 00307.
Формат 70 х 108¹/₁₆. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,00. Уч.-изд. л. 11,55.
Тираж 1 800 000 экз. Изд. № 276. Заказ № 1743.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

ИГРУШКИ «СТРАУМЕ»

А. ДОМБРОВСКИЙ

Фото М. САВИНА

Добрый доктор Гаспар из «Трех толстяков» наверняка порадовался бы, узнав, сколько детей может сделать счастливыми конвейер рижского завода «Страуме». Конечно, кукле Марите, которая умеет ходить и везти перед собой крошечную детскую коляску, еще далеко до его творения с нежным именем Суок, но, согласитесь, десять тысяч таких игрушек — это десять тысяч мгновений самой неподдельной радости у «маленьких мам».

При конструировании Марите, как пишут в рекламном проспекте, «учтены современные формы детских колясок и одежды». Могу подтвердить — это действительно так.

— Вы обратили внимание на прически у наших кукол? — спросил меня начальник конструкторского бюро завода Геннадий Федорович Ляшенко. Волосы уложены с искусством, которому позавидовали бы многие парикмахеры. Достаточно посмотреть на куклу Риту (детище Алевтины Ивановны Нестеровой), чтобы убедиться: здешние мастера и мастерицы обладают хорошим вкусом. Рита может похвастаться и вечерним платьем, которое сшила ей Ольга Петровна Корнюшина, одна из лучших швей цеха.

Стремление идти в ногу со временем сказалось не только на игрушках для «маленьких мам». Вряд ли найдется мальчишка, который устоит, например, перед «автогонщиком». Около десяти метров преодолевает в мгновение ока эта ярко-красная машина. Придумал ее человек, имя которого на заводе произносят с глубоким уважением: безвременно скончавшийся Николай Васильевич Лапшин, инженер-конструктор «Страуме». Именно он задал этот тон — равняться на современность. И много делал для того, чтобы наши советские игрушки не уступали лучшим зарубежным образцам. Кстати, продукция завода «Страуме» экспонировалась в десять стран мира и с успехом представлялась на многих международных выставках: в Югославии, ФРГ, Австрии, Испании, Англии, Новой Зеландии...

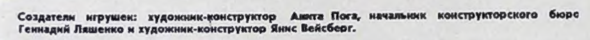
Николай Васильевич отдавал любимому делу и свободное время — часами просиживал в библиотеках, изучал десятки каталогов и проспектов, выписывал едва ли не все детские журналы...

С горечью говорили на заводе, что никто пока не предложил «Страуме» ни одной новой модели — все приходится придумывать самим. А это тормозит производство, хотя внедрение нового происходит на рижском заводе быстро, значительно быстрее, чем эти модели утверждаются в соответствующих инстанциях.

Недовольны на заводе и организацией сбыта их продукции: в Латвии кое-какие модели в избытке лежат на магазинных полках. А из многих мест просят: пришлите! Однако республиканский культторг не спешит удовлетворять заявки других республик и областей...

За годы своего существования завод выпустил свыше 75 миллионов самых разнообразных игрушек — 80 наименований. Работники предприятия с оптимизмом смотрят в будущее. У них есть для этого основания.

Рите очень нравится Байба.

Создатели игрушек: художник-конструктор Анита Пога, начальник конструкторского бюро Геннадий Ляшенко и художник-конструктор Янис Вейсберг.

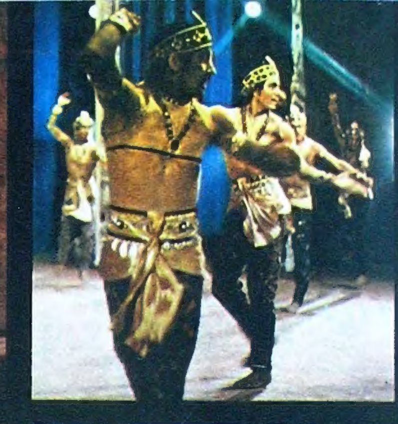
Трубочисты.

Серьезное занятие.

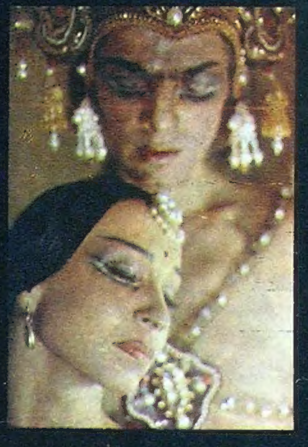
Веселые повара.

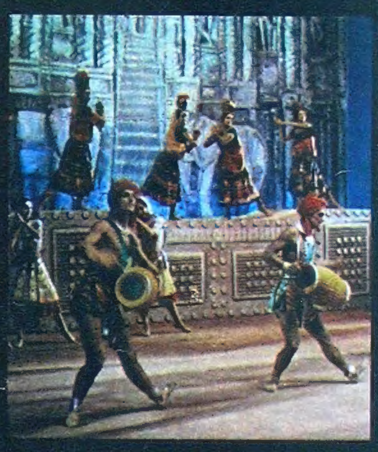

Цена номера 35 коп.
Индекс 70663

ISSN 0131-0097